

Страницы
современной
лирики

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

Алексей
Трасолов
Николай Рудцов
Владимир
Соколов

Анатолий
Хигулин
Глеб Горбовский
Станислав
Куняев
Анатолий
Передереев

СОСТАВИТЕЛЬ ВАДИМ КОЖИНОВ

Василий
Козанцев
Алексей Решетов
Эдуард Балашов
Юрий Кузнецов
Олег Ефимов

Страницы
современной
лирики

Москва
"Детская литература"
1983

P2
С 83

Х у д о ж н и к
И. Г У С Е В А

Издание второе, исправленное и дополненное

С $\frac{4803010102-477}{M 101(03)83}$ 249—83

СТИХИ И ПОЭЗИЯ

Готовя к изданию это собрание стихотворений, или, говоря высоким слогом, антологию, я ставил перед собой ряд взаимосвязанных, но все же различных целей.

Прежде всего позволю себе выразить надежду, что эта книга в какой-то мере поможет юным читателям понять и полюбить поэзию.

Многие люди безосновательно полагают, что для понимания искусства слова (в отличие, скажем, от искусства звука — музыки) не нужна никакая специальная подготовка, что каждый человек, владеющий русским языком, уже только благодаря этому всецело способен воспринять и русскую поэзию — за исключением разве нарочито усложненных либо даже «зашифрованных» (как, например, в поэзии некоторых символистов) произведений.

Это далеко не так. Искусство слова есть именно *искусство* слова, а не просто слово, которым владеет каждый человек. К тому же лирика — это, пожалуй, наиболее сложный и трудный для понимания род искусства слова и один из сложнейших видов искусства вообще.

Правда, с внешней точки зрения лирическая поэзия предстает перед нами как слово, как речь, выражающая мысли и чувства, вызванные теми или иными жизненными явлениями, событиями, отношениями с людьми. А ведь именно так можно определить и значительную часть нашей обычной, повседневной речи, в особенности письменной. Когда мы беремся за письмо к близким людям, или пишем школьное сочинение на вольную тему, или готовим текст выступления на каком-либо торжестве — мы делаем, в общем и целом, то же самое, что делает лирический поэт: выражаем свои мысли и чувства в слове.

И естественно встает вопрос: почему, собственно, могут возникать какие-либо трудности при восприятии лирической поэзии, если ее произведения в принципе не отличаются от общепринятых и общедоступных форм словесного выражения мыслей и чувств?

Правда, лирические произведения — в отличие от обычной речи — имеют, как правило, отчетливое ритмическое строение, представляют собой *стихи*. Однако и это никак не может быть серьезным препятствием для восприятия лирики, ибо в наши дни не так легко найти человека, который в юности сам не пробовал бы сложить стихи (хотя бы юмористического плана). Я не говорю уже о том, что едва ли не в каждом сообществе молодых людей сыщется, по всей вероятности, и умелый сочинитель стихов, постоянно облакающий в рифмы свои размышления, послания к друзьям, выступления в приятельском кружке.

Короче говоря, стихи как способ выражения мыслей и чувств — привычное и общепонятное явление нашей повседневной жизни. Какие же могут быть сложности на пути восприятия лирической поэзии?

Здесь мы подступаем к главной проблеме, в которой не так просто разобраться. Далеко не все стихи принадлежат поэзии¹ в собственном, истинном значении слова.

Это может показаться странным. Мы гораздо более склонны разделять стихи на дурные, посредственные и, с другой стороны, хорошие, совершенные (они-то, мол, и составляют настоящую поэзию) — то есть пользоваться представлениями о *мере* и *степени* «поэтичности». Конечно, и такой подход к стихам имеет свое важное значение. Но разграничение «стихи и поэзия» лежит, по сути дела, в иной плоскости.

Не так уж трудно показать, что стихи, как и слово вообще, ставят перед собой практические цели, реально участвуют в личной и общественной жизни людей. Чеканная речь стиха обладает нередко гораздо большей силой воздействия, чем обычное слово. Стихи сочиняют влюбленные, стремясь вызвать ответную любовь, и революционеры, чтобы побудить соратников к восстанию. Это, конечно, наиболее наглядные примеры. Стихи пишут и для того, чтобы четко и весомо утвердить свою мысль, и для того, чтобы, выразив мучительное чувство, тем самым преодолеть его, освободиться от него. Вообще цели стиха чрезвычайно многообразны.

Но в конечном счете все стихи имеют свою практическую направленность — узкую или широкую, малую или большую. И когда мы говорим о «хороших» стихах, мы обычно имеем в ви-

¹ Для краткости мы будем употреблять слово «поэзия», имея в виду лирическую поэзию.

ду, что стихи хорошо исполняют свою задачу. Правда, нередко бывает и так, что люди подходят к стихам чрезмерно «практически», они оценивают стихи только лишь с точки зрения широты их задач, да еще и не обращая внимания на то, насколько хорошо осуществлены эти задачи. Такие люди, скажем, высоко ставят любые стихи, затрагивающие общественно-значительные проблемы, и заведомо ниже ценят стихи, обращенные к личному другу, или стихи, воплотившие какое-либо интимное чувство.

Это, конечно, совершенно неправильно. Стихи, осуществляющие цели, связанные с личной жизнью людей, не менее необходимы, чем стихи открыто гражданского характера; выдающийся педагог В. А. Сухомлинский доказывал, что без чистоты интимных чувств немислима и чистота чувств гражданских.

Итак, мы в той или иной мере определили, что такое стихи. Теперь можно перейти к поэзии.

Для начала обратимся к сопоставлению стихов и строений. Любое строение воздвигается с практической целью, но даже очень хорошо осуществляя свою цель, оно вовсе не обязательно принадлежит к архитектурному искусству. Для этого оно должно обладать не только практическим значением, но и собственно художественной ценностью. Эта ценность настолько существенна, что люди как зеницу ока хранят строения, полностью утратившие какое-либо практическое значение,— скажем, древние крепости.

Все это целиком относится и к стихам. Необходимо иметь в виду, что в древние, да и в еще сравнительно недавние времена практическая направленность выражалась в стихах гораздо отчетливее и определенной, чем ныне. Даже у Пушкина почти все стихи имеют, так сказать, точный адрес. Это либо послания тому или иному личному другу, либо обращение к выдающимся деятелям эпохи, либо любовные письма, либо прямые отклики на современные события и т. д. Тем более это присуще стихам древности и средневековья. Но мы свято храним стихи великих поэтов прошлого, конечно, не ради осуществленных в них давних практических целей, а ради воплощенной в них художественной ценности.

Следует со всей определенностью подчеркнуть, что эта ценность вовсе не противоречит практической направленности стихов и, более того, неразрывно с ней связана. Это ясно видно на примере зодчества. Дворец, изба, административное здание, церковь обладают архитектурной ценностью именно как дворец, изба и т. д. Точно так же поэтическая ценность стихов неотделима от их практической направленности.

Но столь же ясно, что сама по себе практическая направленность не создает поэтической ценности, хотя многие люди, как уже говорилось, придерживаются именно такой точки зрения.

Не менее ошибочно и весьма широко распространенное мнение, согласно которому художественная ценность стихов определяется главным образом их формой, тем как осуществлена их практическая цель. При этом деятельность поэта, по сути дела, сводится к мастерству, к умению строить образы, речь, ритм. Нет сомнения, что поэт не может не быть мастером, но даже тончайшее мастерство само по себе способно создавать только хорошие стихи, а не поэзию.

Ибо поэзия — это не мастерство (хотя и оно ей необходимо), но творчество.

Можно сказать, что стихи — это речь, выражающая мысли и чувства. Можно дать и, так сказать, обратное определение: стихи — это мысли и чувства, выраженные в речи. Но существо поэзии эти определения не схватывают. Они характеризуют (и, кстати, вполне правильно) тот *материал*, из которого создается поэзия, а не поэзию как таковую. Мысли и чувства способен выразить в речи — в том числе и в ритмической речи — любой человек, поэт же творит из этого материала художественную реальность.

В этой связи нельзя не вспомнить о размышлениях Белинского, который в целом ряде своих статей принципиально разграничивал стихи и поэзию. Он писал в частности, что и у многих создателей стихов есть свой «талант, и еще замечательный, но талант чисто беллетристический и почти вовсе не поэтический. Выразить хорошими, по своему времени, стихами какое-нибудь ощущение или чувство — еще не значит быть поэтом». Для этого необходим «непосредственный талант творчества. Поэзия и стихотворство — две вещи совершенно разные».

* * *

Мы попытались хотя бы в некоторых моментах охарактеризовать поэзию и ее отличие от стихов. Но конечно, мы лишь коснулись этой сложнейшей и многообразнейшей проблемы.

Я начал разговор с выражения надежды, что эта книга современной лирической поэзии поможет юным читателям понять и полюбить поэзию вообще. Для того чтобы освоить поэзию (как и любое искусство), совершенно недостаточно рассуждать о ней. Необходимо многократно вглядываться, вслушиваться в ее образцы или, вернее, углубленно *пережить* их. Только тогда перед нами открывается то, что мы называем поэтическим миром.

Как мне представляется, произведения, вошедшие в этот сборник, заслуживают самого серьезного внимания. Это не просто стихи, это стихи, причастные поэзии.

Разумеется, в сфере поэзии есть своя «шкала ценностей». К поэзии принадлежит не только творчество Пушкина, но и, скажем, наиболее значительные создания целого ряда его соратников — от крупнейшего из них Боратынского до «рядовых» сподвижников Пушкина и Боратынского — таких, как Федор Туманский или Николай Коншин.

Размышляя о творениях Пушкина, мы обращаемся к поэзии в ее высшем, идеальном воплощении. Но ведь идеал со всей полнотой и глубиной обнаруживает то, что так или иначе — пусть и в малой степени — присутствует в каждом явлении данного рода...

И я полагаю, что в собранных в этой книге произведениях присутствует «вещество» поэзии, что перед нами достойные образцы современного лирического творчества, которые способны приобщить читателей к поэзии в истинном ее значении.

Впрочем, тут мне могут возразить, что для настоящего приобщения к поэзии следует обратить читателя не к сегодняшним, еще не проверенным временем произведениям, но к высшим ценностям классики, к лирике того же Пушкина, к лирике Тютчева и Фета, Лермонтова и Некрасова, Блока и Есенина, Маяковского и Твардовского. И я отнюдь не буду с этим спорить. Без освоения классики в самом деле невозможно постичь, что такое поэзия. Стоит, впрочем, напомнить, что классическая лирика и так достаточно широко читается в школе.

Но дело вовсе не только в этом. Поэзия, в чем я не раз убеждался, до конца открывается лишь тому, кто умел освоить и классику, и лучшие произведения современности, воплотившие в себе стихию нашей сегодняшней жизни. Без этого, между прочим, не может быть по-настоящему воспринята и классическая поэзия.

В восприятии тех, кто совсем не знает современной поэзии, творения прошлых времен неизбежно предстают как нечто не вполне живое, как *памятники*. И только лишь воочию убедившись, что и сегодня продолжается в принципе то же самое поэтическое дело, можно воспринять стихи далекого прошлого во всей их жизненности.

Не менее важно и другое. Чтобы по-настоящему проникнуть в мир поэзии, человеку необходимо осознать ее прямую, непосредственную связь со своей собственной личностью. А это гораздо легче совершается, когда дело идет о стихах, созданных современником, живущим той же жизнью, что и читатель.

Но конечно, эта книга — не только «пособие» для приобщения к поэзии. Для этого она, в частности, слишком велика. Книга призвана и просто дать в руки читателям образцы современной

лирической поэзии. Впрочем, задача эта не проста. Прежде всего — что значит современной?

Поскольку книга обращена к юным читателям, вполне естественно такое решение: в книгу должны войти произведения, созданные уже при жизни этих читателей, то есть за последние 15—17 лет. Тогда это в самом деле будет современная им поэзия.

Но в эти годы творили многие значительные поэты, принадлежащие к самым разным поколениям, — скажем, и Николай Тихонов, начавший свой путь в поэзии еще до революции, и Александр Прокофьев, вступивший на этот путь в двадцатые годы, и Александр Твардовский, чье творчество формировалось в тридцатых годах, и целый ряд поэтов, вошедших в литературу в сороковых и пятидесятых годах.

И если бы была поставлена задача собрать в антологию лучшие стихи всех поэтов, творивших в 1960—1970-х годах, она бы непомерно разрослась, превратилась бы в объемистый том или даже несколько толстых томов.

Это собрание включает произведения лишь тех поэтов, которые не только активно работали в шестидесятых — семидесятых годах, но именно в этот период по-настоящему вошли в поэзию, обрели творческую зрелость¹. И такое «ограничение» круга поэтов продиктовано вовсе не одной необходимостью представить читателям книгу сравнительно небольшого объема; произведения тех, кто начал свой подлинный путь в поэзии именно в наше время, неизбежно несут на себе особенно глубокую печать современности.

С другой стороны, вполне естественно было представить в книге, обращенной к юношеству, поэтов, принадлежащих к относительно младшим — или, лучше сказать, не старшим — литературным поколениям (к сожалению, из действительно молодых по возрасту современных поэтов никто пока не внес такого вклада в поэзию, который давал бы право быть представленным в этой книге).

Нельзя не сказать и еще об одном обстоятельстве. В книге выступают двенадцать поэтов. При подготовке сборника в поле моего внимания было значительно больше имен. Но в конце концов я решил остановиться на сакраментальном² числе 12. Конечно, всякое число в таких случаях условно. И я не буду спорить, если мне скажут, что в книгу могло бы войти тринадцатое, четырнадцатое, пятнадцатое и т. д. имя. Но в то же время я не сомне-

¹ Правда, один из «героев» этой книги, самый старший по возрасту, Владимир Соколов достиг зрелости раньше других, но его творчество настолько тесно связано с развитием поэзии шестидесятых годов и сыграло в нем такую большую роль, что Владимир Соколов не может остаться за пределами этой антологии.

² С а к р а м е н т а л ь н ы й — освященный традицией.

ваюсь, что любое из двенадцати имен вошло сюда по праву, хотя рядом с такими уже общепризнанными именами, как имена Николая Рубцова и Владимира Соколова, в книге стоят и известные пока лишь немногим имена Алексея Прасолова, Эдуарда Балашова, Алексея Решетова.

Нелишне будет подчеркнуть, что «признанность» и известность сами по себе отнюдь не являются гарантией творческой подлинности. В пору высшего расцвета творчества Боратынского, Тютчева, Кольцова и Лермонтова гораздо более широкую известность имели ныне почти забытые тогдашние стихотворцы Кукольник, Бернет, Тимофеев; имя Игоря Северянина было в свое время неизмеримо популярнее имени Александра Блока; Николай Заболоцкий при жизни был в полном смысле слова малоизвестным поэтом. И факты этого рода встречаются в истории поэзии на каждом шагу.

Выше много говорилось о различии стихов и поэзии, и из сказанного, думаю, ясно, что стихи способны обрести широчайшую известность гораздо скорее и легче, нежели поэзия, хотя бы потому, что они усваиваются без какого-либо усилия (о различии стихов и поэзии остро говорится, между прочим, в программном стихотворении Прасолова «Ты в поисках особенных мгновений...», вошедшем в это собрание).

* * *

Поэты этого сборника отличаются друг от друга не меньше, чем двенадцать месяцев года. Различен и самый уровень их поэтических возможностей. Но их лучшие произведения объединяет подлинно творческое начало и подлинная современность. Перед нами действительно образцы современного лирического творчества.

В этом кратком предисловии невозможно характеризовать каждого из поэтов. Почти все они начинали свой литературный путь в годы, которые критика определила как период «эстрадной» или, иначе, «громкой» лирики (вторая половина 1950— первая половина 1960-х годов). Именно в этот период поэзия вышла на широкую общественную арену, активно вторгалась в жизнь. Но были здесь и свои издержки.

Так, в это время был как бы не замечен голос наиболее значительного и подлинного поэта послевоенной поры — Владимира Соколова, достигшего зрелости уже в 50-е годы; этот голос «расслышали» только во второй половине шестидесятых годов. Тогда же в центре внимания оказалась поэзия Николая Рубцова, Анатолия Жигулина, Станислава Куняева, Анатолия Передреева. Их творчество — как и творчество Соколова — получило общее

название «тихая лирика», которое уместно именно и только в плане противопоставления лирике «громкой», но, конечно, не определяет внутренней сути названных поэтов (позднее к «тихой лирике» причисляли также и творчество Василия Казанцева, Алексея Прасолова, Олега Чухонцева и др.).

Эпитет «тихая» имеет в виду такой же чисто внешний признак, как и эпитет «деревенская», отнесенный в те же самые годы к прозе Василия Шукшина, Василия Белова, Валентина Распутина и других. Художественные устремления названных писателей были глубоко родственны исканиям Рубцова, Передреева, Куняева и др.; естественно, что некоторые из этих прозаиков и поэтов связаны и личным творческим содружеством.

Те, кого назвали «тихими лириками», стремились не просто «высказаться» о тех или иных проблемах, а пристально, ответственно и углубленно взглянуть в духовную жизнь личности и народа и воплотить ее внутренний смысл и ценность в поэтическом слове. Для этого было тогда поистине необходимо обратиться к пусть и «малому», но реально и глубоко освоенному миру — чаще всего к жизни селения, местности, городка, в котором сам родился и вырос.

Именно такое значение имели для творчества Рубцова деревня Никола, для Соколова — городок Лихославль, для Жигулина — окрестности Воронежа, для Куняева — Калуга, для Казанцева — сибирская деревушка Таскино, для Чухонцева — Павловский Посад и т. д., что ясно выразилось в их поэзии.

Но это обращение к так называемой малой родине, к «истокам», отнюдь не было самоцельным. Дело шло, в сущности, об обретении прочной, незыблемой основы для поэтического освоения всего современного мира.

В этой книге указаны даты написания почти всех вошедших в нее стихотворений. И можно убедиться, что стремление «прикинуть к истокам» характерно прежде всего для какого-то определенного этапа в творческом развитии того или иного поэта. А затем начинается расширение кругозора, столь вятное, например, в поздних стихотворениях и Рубцова, и Куняева, и Казанцева, и других поэтов.

Есть все основания утверждать, что явление, прозванное «тихой лирикой», — это только известная стадия в развитии современной поэзии и, кстати сказать, уже полностью завершившаяся стадия.

В сборник вошло немало произведений, отмеченных печатью «тихого» раздумья. Но если окинуть единым взглядом все собранные здесь стихотворения, они отнюдь не оставят ощущения какой-либо «тихости». В поэзии Прасолова и Рубцова, Горбовского и Передреева, Куняева и Казанцева как бы постоянно нарастает внутренняя энергия, прорывающая границы перво-

начального — в самом деле не очень широкого — поэтического мира.

А в творчестве младшего из представленных в книге поэтов — Юрия Кузнецова — уже нет и следа былого «ограничения» (хотя он вовсе не забывает свою «малую родину» — Тихорецк — и постоянно возвращается к ее образу); его поэзии присущ поистине вселенский размах. Выход первой зрелой книги Кузнецова — «Во мне и рядом даль» (1974) — явился, как мне представляется, осязаемым рубежом нового этапа в развитии поэзии. Но теперь, в свете этой книги Кузнецова, особенно ясно видно, как те же качества накапливались в творчестве и Рубцова, и Соколова, и Куняева, и Казанцева, и др.

Их произведения — не просто стихи, а произведения, для создания которых совершенно недостаточно располагать запасом тех или иных мыслей и чувств о том или ином предмете; необходимо всем своим человеческим существом пережить и даже выстрадать то содержание, которое воплотится в стихах.

Именно на этом пути пришли к своим победам поэты, которых я представляю читателю.

* * *

В заключение хочу только предупредить читателей, что произведения, вошедшие в эту книгу, нельзя усвоить «с ходу», не напрягая своего разума и души. Книга не читается «легко» еще и потому, что в ней воплощено немало трудных, даже, если угодно, тяжелых переживаний.

Необходимо отчетливо представить себе судьбу поколения, к которому принадлежат поэты — герои этой книги. Они родились между 1928 и 1941 годами. Таким образом, либо отроческие, либо детские их годы совпали с годами Великой Отечественной войны, не говоря уже о трудном послевоенном времени. Шестеро из двенадцати столкнулись с войной лицом к лицу, испытали бомбежки и обстрелы, видели убитых и раненых, жили в условиях разрухи и страха. Семеро выросли без отцов, и почти все они с юных лет вынуждены были зарабатывать свой хлеб нелегким трудом.

Все это не могло не найти отражения в творчестве поэтов послевоенного поколения. И в этой книге немало печальных или даже «мрачных» стихотворений. Но в высшей степени уместно сослаться здесь на неоспоримую мысль замечательного педагога нашего времени В. А. Сухомлинского, чье имя уже было упомянуто. Он не раз повторял, что воспитывать человека необходимо не только радостью, но и бедой...

И стихи, в которых воплощена народная или личная беда,

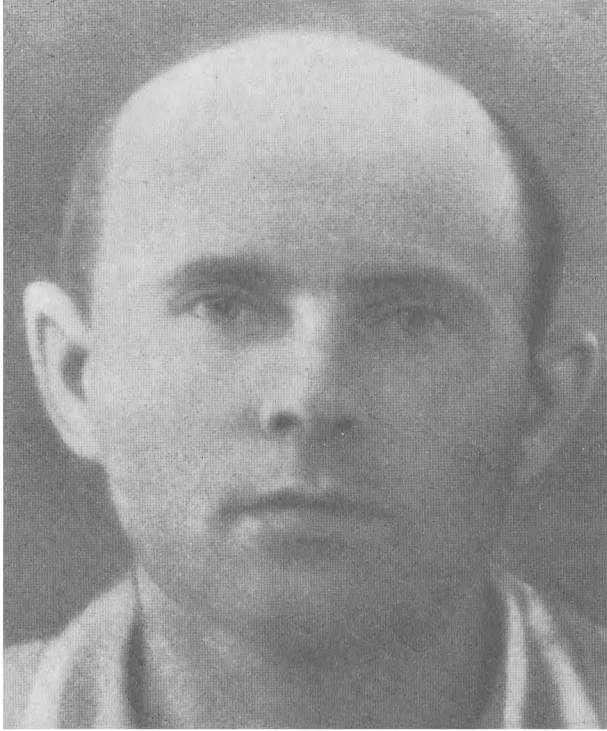
по праву должны были занять весомое место в книге, обращенной к юношеству.

Вместе с тем в лирике каждого из поэтов, представленных в этой книге, воплощено преодоление горя и страдания. В их лирике есть трагедийность (немыслимая вне преодоления несчастья и самой гибели), но нет пессимизма, на основе которого и не может возникнуть полноценное искусство.

...Тот, кто ждет от этой книги развлечения и поверхностных эффектов, может отложить ее в сторону. Но тот, кто готов потрудиться разумом и сердцем, будет щедро вознагражден — ему откроется полное смысла современное поэтическое творчество, которое способно помочь юному человеку утвердиться в жизни, определить свое отношение к миру.

Вадим Кожин

Алексей
Трасолов

Алексей Тимофеевич Прасолов родился 13 октября 1930 года в селе Ивановка под Россошью (Воронежская область), в крестьянской семье. Еще в его детские годы отец оставил семью, а позднее погиб на фронте Отечественной войны.

В 1942—1943 годах родные места Алексея Прасолова оказались в оккупации, и на его долю выпало немало тяжелых испытаний. В послевоенные годы он окончил Россошанское педагогическое училище, преподавал в школе, затем перешел на газетную работу. В 1950—1960-е годы занимал разные должности — начиная с корректора — в городских и сельских газетах Воронежской области. В 1961—1964 годах работал на рудниках и стройках.

Писал с отроческих лет; впервые стихи были опубликованы в районной газете еще в 1949 году. Но настоящей зрелости поэт достиг лишь через полтора десятилетия.

Большую роль в творческой судьбе Алексея Прасолова сыграла критик Инна Ростовцева. В 1966 году вышли в свет две книги Алексея Прасолова — в Воронеже и в Москве.

Поэт ушел из жизни 2 февраля 1972 года.

Лучшие его произведения собраны в книге «Стихотворения» (М., 1978).

ПРОЛОГ

Итак, с рождения вошло —
Мир в ощущении расколот:
От тела матери — тепло,
От рук отца — бездомный холод.

Кричу, не помнящий себя,
Меж двух начал, сурово слитых.
Что ж, разворачивай, судьба,
Новорожденной жизни свиток!

И прежде всех земных забот
Ты выставь письма косые
Своей рукой корявой — год
И имя родины — Россия.

1963

* * *

Ты в поисках особенных мгновений
Исколесил дорогу не одну,
По вспышкам преходящих впечатлений
Определяя время и страну.

И в каждой вспышке чудилось открытье,
Душа брала заряд на много лет.
Но дни прошли — и улеглись события
В ней, как в подшивке выцветших газет.

Ей нужно чудо, чтоб завидно вспыхнуть.
Но это чудо в людях не открыв,
Ты выдаешь испытанною рифмой
Свой мастерски наигранный порыв.

Блюдя приличие, слушают не веря.
Зевком снижают с мнимой высоты.
И все невозвратимые потери
На сложную эпоху свалишь ты.

Не утешайся логикою гибкой.
Эпоха жарко дышит у дверей,
Как роженица — с трудною улыбкой —
Насмешкой над обидою твоей.

1963

* * *

Черней и ниже пояс ночи.
Вершина строже и светлей.
А у подножья — шум рабочий
И оцепление огней.

Дикарский камень люди рушат,
Ведут стальные колеи.
Гора открыла людям душу
И жизни прожитой слои.

Качали тех, кто, шахту вырыв,
Впервые в глубь ее проник.
И был широко слышен в мире
Восторга вырвавшийся крик.

Но над восторженною силой,
Над всем, что славу ей несло,
Она угрюмо возносила
Свое тяжелое чело.

Дымись, разрытая гора.
Как мертвый гнев —
Изломы камня.
А люди — в поисках добра —
До сердца добрались руками.

Когда ж затихнет суета,
Остынут выбранные недра,
Огромной пастью пустота
Завоет, втягивая ветры.

И кто в ночи сюда придет,
Услышит: голос твой — не злоба.
Был час рожденья, вырван плод,
И ноет темная утроба.

1963—1964

* * *

Я услышал: корявое дерево пело,
Мчалась туч торопливая темная сила
И закат, отраженный водою несмело,
На воде и на небе могуче гасила.

И оттуда, где меркли и краски, и звуки,
Где коробились дальние крыши селенья,
Где дымки — как простертые в ужасе руки,
Надвигалось понятное сердцу мгновенье.

И ударило ветром, тяжелою массой,
И меня обернуло упрямо за плечи,
Словно хаос небес и земли подымался,
Лишь затем, чтоб увидеть лицо человеچه.

1965

* * *

Ты отгремела много лет назад.
Но, дав отсрочку тысячам смертей,
Теперь листаешь календарь утрат,
В котором числа скрыты от людей.

Убавят раны счет живым годам,
Сомкнется кругом скорбная семья,
И жертва запоздалая твоя
Уходит к тем, что без отсрочки — там.

И может быть, поймут еще не все
У обелиска, где суглинок свеж,
Как он глубоко в мирной полосе,
Твой самый тихий гибельный рубеж.

1965

* * *

Нет, лучше б ни теперь, ни впредь
В безрадостную пору
Так близко, близко не смотреть
В твой зрак, ночная прорубь.

Холодный, черный, неживой...
Я знал глаза такие:
Они глядят, но ни одной
Звезды в них ночь не кинет.

Но вот губами я приник
Из проруби напиться —
И чую, чую, как родник
Ко мне со дна стремится.

И задышало в глубине,
И влажно губ коснулось,
И ты, уснувшая во мне,
От холода проснулась.

1968

* * *

Осень лето смятое хоронит
Под листвою горючей.
Что он значит, хоровод вороний,
Перед белой тучей?

Воронье распластанно мелькает,
Как подобье праха,—
Радуясь, ненастье ль накликает,
Иль кричит от страха?

А внизу дома стеснили поле,
Вознеслись над бором.
Ты кричишь, кричишь не оттого ли,
Бесприютный ворон?

Где проселок? Где пустырь в бурьяне?
Нет пустого метра.
Режут ветер каменные грани,
Режут на два ветра.

Из какого века, я не знаю,
Из-под тучи белой
К ночи наземь пали эти стаи
Рвано, обгорело.

1971

СКАЗКА

У обрыва ль, у косы,
Где певучее молчанье,
Обронила ты часы...
Сказка летняя в начале.

Все речные духи вдруг
Собрались в подводном мраке
И глядят на четкий круг,
На светящиеся знаки.

Поднести боясь к огню
Замурованную душу,
Каждый выпростал клешню
И потрогал. И послушал.

Под прозрачный тонкий щит
Не залезть клешнею черной.
Духи слушают: стучит
Непонятно и упорно.

Выжми воду из косы
Злою маленькой рукою.
Говорил я про часы,
Да сказалось про другое.

Сверху — зыбью облака.
Сверху — солнечная пляска,
Но темна и глубока
Человеческая сказка.

Опусти пред нею щит,
И тогда услышим двое,
Как на дне ее стучит
Что-то теплое, живое.

1964

* * *

Вчерашний день прикинулся больным
И на тепло и свет был скуп, как скряга,
Но лишь зачуял свой конец — от страха
Стер сырость, разогнал ненастный дым

И закатил роскошный, незаконный,
В воде горящий и в стекле оконном
Нелепо торжествующий закат.

А нынешний — его веселый брат —
Светил широко, но не ослепляя,
И сам как будто был тому он рад,
Что видится мне дымка полевая,
Как зыбкое последнее тепло
Земли тяжелой, дремлюще-осенней.
Но время угасанья подошло —
Его неотвратимое мгновенье
Не отразили воды и стекло,
Лишь на трубе, стволом упертой в небо,
Под дымом, что струился в том стволе,
Прошло сиянье — легкое, как небыль.
...Еще один мой вечер на земле.

1970

* * *

Над сонным легче — доброму и злomu,
Лицо живет, но безответно. Там,
Наверно, свет увиден по-иному,
И так понятно бодрствующим нам:

Там жизнь — как луч, который преломила
Усталости ночная глубина,
И возвращает мстительная сила
Все, что тобою прожито, со дна.

Минувший день, назойливым возвратом
Не мучь меня до завтрашнего дня,
Иль, может, злишься ты перед собратом,
Что есть еще в запасе у меня?

Но, может с горькой истиной условясь,
В такие ночи в несвободном сне
Уже ничем не скованная совесть
Тебя как есть показывает мне.

1967

ПАМЯТИ ВЕРЫ ОПЕНЬКО

Я не слышал высокой скорби труб,
И тот, кто весть случайно обронил,
Был хроникально холоден и скуп,
Как будто прожил век среди могил.
Но был он прав. Мы обостренной помним
Часы утрат, когда, в пути спеша,
О свежий холмик с именем знакомым
Споткнется неожиданно душа.

Я принял весть и медленно вступил
Туда, где нет слезливых слов и лиц,
Где токи всех моих смятенных сил
В одно сознание резкое слились.
И, может, было просветленье это,
Дошедшее ко мне сквозь много дней,
Преемственно разгаданным заветом —
Лучом последней ясности твоей.

Как эта ясность мне была близка
И глубиной и силой молодой!
Я каждый раз ее в тебе искал,
Не затемняя близостью иной.
Размашисто, неровно и незрело
Примеривал я к миру жизнь мою.
Ты знала в нем разумные пределы
И беспредельность — ту, где я стою.

А я стою средь голосов земли.
Морозный месяц красен и велик.
Ночной гудок ли высится вдали?
Или пространства обнаженный крик?..
Мне кажется, сама земля не хочет
Законов, утвердившихся на ней:
Ее томит неотвратимость ночи
В коротких судьбах всех ее детей.

1963

* * *

В этом доме опустелом
Лишь подобье тишины.
Тень, оставленная телом,
Бродит зыбко вдоль стены.

Чуть струится в длинных шторах
Дух тепла — бродячий дух.
Переходит в скрип и шорох
Недосказанное вслух.

И спохватишься порою
И найдешь в своей судьбе:
Будет все твое с тобою,
Да не весь ты при себе.

Время сердце не обманет:
Где ни странствуй, отлучась,
Лишь сильнее к себе потянет
Та, оставленная, часть.

1968

* * *

И что-то задумали почки,
Хоть небо — тепла не проси,
И красные вязнут сапожки
В тяжелой и черной грязи.

И лучшее сгнуло, может,
Но как мне остаться в былом,
Когда эти птицы тревожат,
Летя реактивным углом,

Когда у отвесного края
Стволы проступили бело,
И с неба, как будто считая,
Лучом по стволам провело,

И капли стеклянные нижет,
Чтоб градом осыпать потом,
И юное в щеки мне дышит
Холодным смеющимся ртом.

1966

* * *

4.00. 22 июня 1941 г.

Когда созреет срок беды всесветной,
Как он трагичен, тот рубежный час,
Который светит радостью последней,
Слепя собой неискнушенных нас.

Он как ребенок, что дополз до края
Неизмеримой бездны на пути,—
Через минуту, руки простирая,
Мы кинемся, но нам уж не спасти...

И весь он — крик, для душ не бесполезный,
И весь очерчен кровью и огнем,
Чтоб перед новой гибельною бездной
Мы искушенно помнили о нем.

1963

* * *

Мать наклонилась, но век не коснулась,
Этому, видно, еще не пора.
Сердце, ты в час мой воскресный проснулось —
Нет нам сегодня, нет нам вчера.

Есть только свет — упоительно-щедрый,
Есть глубиной источаемый свет,
Незащищенно колеблясь без ветра,
Он говорит нам: безветрия нет.

Мать, это сходятся в сердце и в доме
Неразделимые прежде и вновь,
Видишь на свет — в темножилой ладони
Чутко и розово движется кровь.

Видишь ли даль, где играют, стремятся,
Бьются о стены и бьют через край,
Реют, в извилинах темных змеятся
Мысли людские... Дай руку. Прощай.

1969

* * *

Еще метет во мне метель,
Взбивает смертную постель
И причисляет к трупу труп,—
То воем обгорелых труб,
То шорохом бескровных губ
Та, давняя метель.

Свозили немцев поутру.
Лежачий строй — как на смотре,
И чтобы каждый видеть мог,
Как много пройдено земель,
Сверкают гвозди их сапог,
Упертых в белую метель.

А ты, враждебный им, глядел
На руки талые вдоль тел.
И в тот уже беззлобный миг
Не в покаянии притих,
Но мертвой переключки их
Нарушить не хотел.

Какую боль, какую месть
Ты нес в себе в те дни! Но здесь
Задумался о чем-то ты
В суровой гордости своей,
Как будто мало было ей
Одной победной правоты.

1967

СЛЕПОЙ

Когда прицельный полыхнул фугас,
Казалось, в этом взрывчатом огне
Копился света яростный запас,
Который в жизни причитался мне.

Но мерой, непосильною для глаз,
Его плеснули весь в единый миг,
И то, что видел я в последний раз,
Горит в глазницах пепельных моих.

Теперь, когда иду среди людей,
Подняв лицо, открытое лучу,
То во вселенной выжженной моей
Утраченное солнце я ищу.

По-своему печален я и рад,
И с теми, чьи пресыщены глаза,
Моя улыбка часто невпопад,
Некстати непонятная слеза.

Я трогаю руками этот мир —
Холодной гранью, линией живой
Так нестерпимо памятен и мил,
Он весь как будто вновь изваян мной.

Растет, теснится, и вокруг меня
Иные ритмы, ясные уму,
И словно эту бесконечность дня
Я отдал вам, себе оставив тьму.

И знать хочу у праведной черты,
Где равновесье держит бытие,
Что я средь вас — лишь памятник беды,
А не предвестник сумрачный ее.

1966

* * *

Налет каменеющей пыли —
Осадок пройденного дня —
Дождинки стремительно смыли
С дороги моей и с меня.

И в гуле наклонного ливня,
Сомкнувшего землю и высь,
Извилина вспыхнула длинно,
Как будто гигантская мысль,—

Та мысль, чья смертельная сила
Уже не владеет собой,
И все, что она осветила,
Дано ей на выбор слепой.

1965

* * *

Одним окном светился мир ночной.
Там мальчик с ясным отсветом на лбу,
Вода по книге медленно рукой,
Читал про чью-то горькую судьбу.

А мать его глядела на меня
Сквозь пустоту дотла сгоревших лет,
Глядела, не тревожа, не храня
Той памяти, в которой счастья нет.

И были мне глаза ее страшны
Спокойствием, направленным в упор
И так печально уходящим вдаль,
И я у черной каменной стены
Стоял и чувствовал себя как вор,
Укривший эту тайную печаль.

Да, ты была моей и не моей...
Читай, мой мальчик! Ухожу я вдаль
И знаю: материнская печаль,
Украденная, вдвое тяжелей.

1968

* * *

Вознесенье железного духа
В двух моторах, вздымающих нас.
Крепко всажена в кресло старуха,
Словно ей в небеса не на час.

И мелькнуло такое значенье,
Как себя страховала крестом,
Будто разом просила прощенья
У всего, что пошло под винтом.

А под крыльями — пыльное буйство.
Травы сами пригнуться спешат.
И внезапно — просторно и пусто.
Только кровь напирает в ушах.

Напрягает старуха вниманье,
Как праматерь, глядит из окна.
Затерялись в дыму и тумане
Те, кого народила она.

И хотела ль того, не хотела —
Их дела перед ней на виду.
И подвержено все без раздела
Одобренью ее и суду.

1966

* * *

Тревога военного лета
Опять подступает к глазам —
Шинельная серость рассвета,
В осколочной оспе вокзал.

Спешат санитары с разгрузкой,
По белому красным — кресты.
Носилки пугающе узки,
А простыни смертно чисты...

...Кладут и кладут их рядами,
Сквозных от бескровья людей,
Прими этот облик страданья
Душой присмирелой твоей.

Забудь про Светлова с Багрицким,
Постигнув значение креста,
Романтику боя и риска
В себе задуши навсегда!

Душа, ты так трудно боролась...
И снова рвалась на вокзал,
Где поезда воинский голос
В далекое зарево звал...

...Те дни, как заветы, в нас живы.
И строгой не тронут души
Ни правды крикливой надрывы,
Ни пыл барабанящей лжи.

1963

Г. УЛАНОВОЙ

Прощаюсь с недругом и другом,
Взвивает занавес края,
И сцена —
Палуба моя —
Вплывает белым полукругом.
Уже тревогой
Распят фрак
Перед оркестром, ждущим знака,
И тишина — как чуткий враг,
И там,
Угаданный средь мрака,
Огромный город впереди,
Нагроможденный ярусами.
Так что ж,
Пронзай, казни, гляди
Неисчислимыми глазами!
Я здесь.
Я словно в первый раз
Свое почувствовала тело.
Я притяженье
Этих глаз
Превозмогла, преодолела.
И вот лечу, и вот несу
Все, с чем вовеки не расстанусь,
И тела собственного танец
Я вижу
Где-то там, внизу.
О как оно послушно мне,
И как ему покорны души!
Я с ними здесь
Наедине,
Пока единства не нарушит
Аплодисментов потный плеск,
Ответные поклоны тела,
А я под этот шум и блеск,
Как легкий пепел, отлетела.

1968

* * *

Лес расступится — и дрогнет,
Поезд — тенью на откосах,
Длинно вытянутый грохот
На сверкающих колесах.

Раскатившаяся тяжесть,
Мерный стук на стыках стали,
Но, от грохота качаясь,
Птицы песен не прервали.

Прокатилось, утихая,
И над пропастью оврага
Только вкрадчивость глухая
Человеческого шага.

Корни выползли ужами,
Каждый вытянут и жилист,
И звериными ушами
Листья все насторожились.

В заколдованную небыль
Птица канула немая,
И ногой примятый стебель
Страх тихонько поднимает.

1966

* * *

На пустыре обмякла яма,
Наполненная тишиной,
И мне не слышно слово — мама,
Произнесенное не мной.

Тяжелую я вижу крышу,
Которой нет уже теперь,
И сквозь бомбежку резко слышу,
Как вновь отскакивает дверь.

1971

* * *

Эскалатор уносит из ночи
В бесконечность подземного дня.
Может, так нам с тобою короче,
Может, здесь нам видней от огня...

Загрохочет, сверкая и воя,
Поезд в узком гранитном стволе,
И тогда, отраженные, двое
Встанем в черно-зеркальном стекле.

Чуть касаясь друг друга плечами,
Средь людей мы свои — не свои,
И слышней и понятней в молчанье
Нарастающий звон колен.

Загорайся, внезапная полночь!
В душном шорохе шин и подошв
Ты своих лабиринтов не помнишь
И надолго двоих разведешь.

Так легко — по подземному кругу,
Да иные круги впереди.
Фонарем освещенную руку
Подняла на прощанье: «Иди...»

Не кляни разлучающей ночи,
Но расслышь вековечное в ней:
Только так на земле нам короче,
Только так нам на свете видней.

1966

* * *

Но лишь божественный глагол...
А. Пушкин

Опять мучительно возник
Передо мною мой двойник.
Сперва живет, как люди:
Окончив день, в преддверье сна
Листает книгу, но она
В нем прежнего не будит.

Уж все разбужено давно
И, суетою стеснено,
Уснуло вновь — как насмерть.
Чего хотелось? Что сбылось?
Лежит двойник мой — руки врозь,
Бессильем как бы распят.

Но вот он медленно встает —
И тот как будто и не тот:
Во взгляде — чувство дали,
Когда сегодня одного,
Как обреченного, его
На исповедь позвали.

И, сделав шаг в своем углу
К исповедальному столу,
Прикрыл он дверь покрепче,
И сам он думает едва ль,
Что вдруг услышат близь и даль
То, что сейчас он шепчет.

1968

* * *

В рабочем гвалте, за столом,
В ночном ли поезде гремящем —
Резонно судят о былом
И сдержанно — о настоящем.

И скован этот, скован тот
Одним условием суровым:
Давая мыслям вольный ход,
Не выдай их поспешным словом.

Свободный от былого, ты
У настоящего во власти.
Пойми ж без лишней суеты,
Что время — три единых части:

Воспоминание — одна,
Другая — жизни плоть и вещь,
Отдай же третьей все сполна,
Ведь третья — будущее — вечность.

1968

Ну, еще рывок моторной силы!
Ну, зверейте, мокрые тела!
Ну, родная мать моя Россия,
Жаркая, веселая — пошла!

Нет, земля, дорожное проклятье —
Не весне, не полю, не судьбе.
В сердце песней — нежное зачатье,
Как цветочным семенем — в тебе.

И когда в единстве изначальном
Вдруг прорвется эта красота,
Людям изумленное молчанье
Размыкает грешные уста.

1964

* * *

Листа несорванного дрожь,
И забытье травинок тощих,
И надо всем еще не дождь,
А еле слышный мелкий дождик,

Набухнут капли на листе,
И вот, почувствовав их тяжесть,
Рожденный там, на высоте,
Он замертво на землю ляжет.

Но все произойдет не вдруг:
Еще — от трепета до тленья —
Он совершит прощальный круг
Замедленно — как в удивленьи.

А дождик с четырех сторон
Уже облег и лес, и поле
Так мягко, словно хочет он,
Чтоб неизбежное — без боли.

1971

* * *

Я хочу, чтобы ты увидала:
За горой, вдалеке, на краю
Солнце сплющилось, как от удара
О вечернюю землю мою.

И как будто не в силах проститься,
Будто солнцу возврата уж нет,
Надо мной безымянная птица
Ловит крыльями тающий свет.

Отзвонит — и в траву на излете,
Там, где гнезда от давних копыт.
Сердца птичьего в тонкой дремоте
День, пропетый насквозь, не томит.

И роднит нас одна ненасытность —
Та двойная знакомая страсть,
Что отчаянно кинет в зенит нас
И вернет — чтоб к травинкам припасть.

1965

Николай
Рудцов

Николай Михайлович Рубцов родился 5 января 1936 года в поселке Емецк Архангельской области; родители — из вологодских крестьян. Отец был районным политработником, в 1941 году ушел на фронт. Мать умерла в 1942 году, и отроческие годы поэта прошли в детском доме села Никольского на Вологодчине, которое и стало его настоящей родиной.

В 1950 году Николай Рубцов поступил в лесотехнический техникум в городе Тотьма, а шестнадцати лет отправился на Белое море, где более двух лет работал кочегаром на рыболовецком судне. В 1955 году перебрался в Ленинград, но вскоре был призван на военную службу и четыре года прослужил матросом на эсминце Северного флота.

В 1959 году вернулся в Ленинград и стал рабочим знаменитого Кировского (бывшего Путиловского) завода. Через три года поступил в Московский литературный институт. С 1964 года жил в своем Никольском, а затем в Вологде.

Стихи писал с детства, печататься начал в 1957-м во флотской газете.

В 1965-м в Архангельске вышла небольшая книга Николая Рубцова «Лирика», а в 1967-м в Москве — «Звезда полей», в которой он предстал как вполне зрелый поэт.

Николай Михайлович Рубцов погиб 19 января 1971 года в Вологде. Ныне многие литераторы считают его одним из самых выдающихся или даже наиболее выдающимся лирическим поэтом своего времени.

Лучшие произведения поэта собраны в его книге «Стихотворения» (М., 1977).

ЗВЕЗДА ПОЛЕЙ

Звезда полей во мгле заледенелой,
Остановившись, смотрит в полынью.
Уж на часах двенадцать прозвенело,
И сон окутал родину мою...

Звезда полей! В минуты потрясений
Я вспоминал, как тихо за холмом
Она горит над золотом осенним,
Она горит над зимним серебром...

Звезда полей горит, не угасая,
Для всех тревожных жителей земли,
Своим лучом приветливым касаясь
Всех городов, поднявшихся вдали.

Но только здесь, во мгле зеленеющей,
Она восходит ярче и полней,
И счастлив я, пока на свете белом
Горит, горит звезда моих полей...

1964

ТИХАЯ МОЯ РОДИНА

Тихая моя родина!
Ивы, река, соловьи...
Мать моя здесь похоронена
В детские годы мои.

— Где же погост? Вы не видели?
Сам я найти не могу.—
Тихо ответили жители:
— Это на том берегу.

Тихо ответили жители,
Тихо проехал обоз.
Купол церковной обители
Яркой травой зарос.

Там, где я плавал за рыбами,
Сено гребут в сеновал:
Между речными изгибами
Вырыли люди канал.

Тина теперь и болотина
Там, где купаться любил...
Тихая моя родина,
Я ничего не забыл.

Новый забор перед школою,
Тот же зеленый простор.
Словно ворона веселая,
Сяду опять на забор!

Школа моя деревянная!..
Время придет уезжать —
Речка за мною туманная
Будет бежать и бежать.

С каждой избой и тучею,
С громом, готовым упасть,
Чувствую самую жгучую,
Самую смертную связь.

1965

ХЛЕБ

Положил в котомку
сыр, печенье,
Положил для роскоши миндаль.
Хлеб не взял.
— Ведь это же мученье
Волочиться с ним в такую даль! —
Все же бабка
сунула краюху!
Все на свете зная наперед,
Так сказала:
— Слушайся старуху!
Хлеб, родимый, сам себя несет...

* * *

Я буду скакать по холмам задремавшей отчизны,
Неведомый сын удивительных вольных племен!
Как прежде скакали на голос удачи капризной,
Я буду скакать по следам миновавших времен...

Давно ли, гуляя, гармонь оглашала окрестность,
И сам председатель плясал, выбиваясь из сил,
И требовал выпить за доблесть в труде и за честность
И лучшую жницу, как знамя, в руках пронесил!

И быстро, как ласточка, мчался я в майском костюме
На звуки гармошки, на пенье и смех на лужке,
А мимо неслись в торопливом немолкнушем шуме
Весенние воды, и бревна неслись по реке...

Россия! Как грустно! Как странно поникли и грустно
Во мгле над обрывом безвестные ивы мои!
Пустынно мерцает померкшая звездная люстра,
И лодка моя на речной догнивает мели.

И храм старины, удивительный, белоколонный,
Пропал, как виденье, меж этих померкших полей,—
Не жаль мне, не жаль мне растоптанной царской короны,
Но жаль мне, но жаль мне разрушенных белых церквей!..

О сельские виды! О, дивное счастье родиться
В лугах, словно ангел, под куполом синих небес!
Боюсь я, боюсь я, как вольная сильная птица,
Разбить свои крылья и больше не видеть чудес!

Боюсь, что над нами не будет таинственной силы,
Что, выплыв на лодке, повсюду достану шестом,
Что, все понимая, без грусти пойду до могилы...
Отчизна и воля — останься, мое божество!

Останьтесь, останьтесь, небесные синие своды!
Останься, как сказка, веселье воскресных ночей!
Пусть солнце на пашнях венчает обильные всходы
Старинной короной своих восходящих лучей!..

Я буду скакать, не нарушив ночное дыханье
И тайные сны неподвижных больших деревень.
Никто меж полей не услышит глухое скаканье,
Никто не окликнет мелькнувшую легкую тень.

И только, страдая, израненный бывший десантник
 Расскажет в бреду удивленной старухе своей,
 Что ночью промчался какой-то таинственный всадник,
 Неведомый отрок, и скрылся в тумане полей...

1963

СКАЧЕТ ЛИ СВАДЬБА...

Скачет ли свадьба в глуши потрясенного бора,
 Или, как ласка, в минуты ненастной погоды
 Где-то послышится пение детского хора,—
 Так — вспоминаю — бывало и в прежние годы!

Вспыхнут ли звезды — я вспомню, что прежде
блистали
 Эти же звезды. А выйду случайно к парому,—
 Прежде — подумаю — эти же весла плескали...
 Будто о жизни и думать нельзя по-другому!

Ты говоришь, говоришь, как на родине лунной
 Снег освещенный летел вороному под ноги,
 Как без оглядки, взволнованный, сильный и юный,
 В поле открытое мчался ты вниз по дороге!

Верил ты в счастье, как верят в простую удачу,
 Слушал о счастье младенческий говор природы,—
 Что ж, говори! Но не думай, что, если заплачу,
 Значит, и сам я жалею такие же годы.

Грустные мысли наводит порывистый ветер.
 Но не об этом. А вспомнилось мне, что уныло
 Прежде не думал: «Такое, мне помнится, было!»
 Прежде хрипел: «Такое ли будет на свете!»

Вспыхнут ли звезды — такое ли будет на свете! —
 Так говорил я. А выйду случайно к парому,—
 «Скоро,— я думал,— разбудят меня на рассвете,
 Как далеко уплыву я из скучного дому!..»

О, если б завтра подняться, воспрянувши духом,
 С детской верой в бессчетные вечные годы,
 О, если б верить, что годы покажутся пухом,—
 Как бы опять обманули меня пароходы!..

РУССКИЙ ОГОНЕК

Погружены

 в томительный мороз,
Вокруг меня снега оцепенели.
Оцепенели маленькие ели,
И было небо темное, без звезд.
Какая глушь! Я был один живой.
Один живой в бескрайнем мертвом поле!

Вдруг тихий свет (пригрезившийся, что ли?)
Мелькнул в пустыне,
 как сторожевой...

Я был совсем как снежный человек,
Входя в избу (последняя надежда!),
И услышал, отряхивая снег:
— Вот печь для вас и теплая одежда...—
Потом хозяйка слушала меня,
Но в тусклом взгляде
Жизни было мало,
И, неподвижно сидя у огня,
Она совсем, казалось, задремала...

Как много желтых снимков на Руси
В такой простой и бережной оправе!
И вдруг открылся мне
И поразил
Сиротский смысл семейных фотографий:
Огнем, враждой
Земля полным-полна,—
И близких всех душа не позабудет!..
— Скажи, родимый,
Будет ли война? —
И я сказал:— Наверное, не будет.
— Дай бог, дай бог..
Ведь всем не угодишь,
А от раздора пользы не прибудет...—
И вдруг опять:
— Не будет, говоришь?
— Нет,— говорю,— наверное, не будет.
— Дай бог, дай бог..

И долго на меня
Она смотрела, как глухонемая,
И, головы седой не поднимая,
Опять сидела тихо у огня.

Что снилось ей?
 Весь этот белый свет,
 Быть может, встал пред нею в то мгновенье?
 Но я глухим брэнчанием монет
 Прервал ее старинные виденья...
 — Господь с тобой! Мы денег не берем!
 — Что ж,— говорю,— желаю вам здоровья!
 За все добро расплатимся добром,
 За всю любовь расплатимся любовью...

Спасибо, скромный русский огонек,
 За то, что ты в предчувствии тревожном
 Горишь для тех, кто в поле бездорожном
 От всех друзей отчаянно далек,
 За то, что, с доброй верою дружа,
 Среди тревог великих и разбоя
 Горишь, горишь, как добрая душа,
 Горишь во мгле — и нет тебе покоя...

1964

ЗЕЛЕННЫЕ ЦВЕТЫ

Светлеет грусть, когда цветут цветы,
 Когда брожу я многоцветным лугом
 Один или с хорошим давним другом,
 Который сам не терпит суеты.

За нами шум и пыльные хвосты —
 Все улеглось! Одно осталось ясно —
 Что мир устроен грозно и прекрасно,
 Что легче там, где поле и цветы.

Остановившись в медленном пути,
 Смотрю, как день, играя, расцветает.
 Но даже здесь... чего-то не хватает...
 Недостает того, что не найти.

Как не найти погаснувшей звезды,
 Как никогда, бродя цветущей степью,
 Меж белых листьев и на белых стеблях
 Мне не найти зеленые цветы...

1966

* * *

Стихи из дома гонят нас,
Как будто вьюга воеет, воеет
На отопленье паровое,
На электричество и газ!

Скажите, знаете ли вы
О вьюгах что-нибудь такое:
Кто может их заставить выть?
Кто может их остановить,
Когда захочется покоя?

А утром солнышко взойдет,—
Кто может средство отыскать,
Чтоб задержать его восход?
Остановить его закат?

Вот так поэзия, она
Звенит — ее не остановишь!
А замолчит — напрасно стонешь!
Она незрима и вольна.

Прославит нас или унизит,
Но все равно возьмет свое!
И не она от нас зависит,
А мы зависим от нее...

ЗИМНЯЯ НОЧЬ

Кто-то стонет на темном кладбище,
Кто-то глухо стучится ко мне,
Кто-то пристально смотрит в жилище,
Показавшись в полночном окне.

В эту пору с дороги буранной
Заявился ко мне на ночлег
Непонятный какой-то и странный
Из чужой стороны человек.

И старуха метель не случайно,
Как дитя, голосит за углом,
Есть какая-то жуткая тайна
В этом жалобном плаче ночном.

Обветшалые гнутся стропила,
И по лестнице шаткой во мрак,
Чтоб нечистую выпугнуть силу,
С фонарем я иду на чердак.

По углам разбегаются тени...
— Кто тут?.. — Глухо. Ни звука в ответ.
Подо мной, как живые, ступени
Так и ходят... Спасения нет!

Кто-то стонет всю ночь на кладбище,
Кто-то гибнет в бурани — невмочь,
И мерещится мне, что в жилище
Кто-то пристально смотрит всю ночь...

ОСТРОВА СВОИ ОБОГРЕВАЕМ

Захлебнулось поле и болото
Дождевой водою — дождались!
Прозябаньем, бедностью, дремотой
Все объято — впадины и высь!

Ночь придет — родимая окрестность,
Словно в омут, канет в темноту!
Темнота, забытость, неизвестность
У ворот, как стража на посту.

По воде, качаясь, по болотам
Бор скрипучий движется как флот!
Как же мы, отставшие от флота,
Кортаем осень меж болот?

Острова свои обогреваем
И живем без лишнего добра,
Да всегда с огнем и урожаем,
С колыбельным пеньем до утра...

Не кричи так жалобно, кукушка,
Над водой, над стужею дорог!
Мать России целой — деревушка,
Может быть, вот этот уголок...

ЖУРАВЛИ

Меж болотных стволов красовался восток огнеликий...
Вот наступит октябрь — и покажутся вдруг журавли!
И разбудят меня, позовут журавлиные крики
Над моим чердаком, над болотом, забытым вдали...
Широко по Руси предназначенный срок увяданья
Возвещают они, как сказание древних страниц
Все, что есть на душе, до конца выражает рыданье
И высокий полет этих гордых прославленных птиц.
Широко на Руси машут птицам согласные руки.
И забытость болот, и утраты знобящих полей —
Это выразят все, как сказанье, небесные звуки,
Далеко разгласит улетающий плач журавлей...
Вот летят, вот летят... Отворите скорее ворота!
Выходите скорей, чтоб взглянуть на высоких своих!
Вот замолкли — и вновь сиротеют душа и природа
Оттого, что — молчи! — так никто уж не выразит их...

В ГОРНИЦЕ

В горнице моей светло.
Это от ночной звезды.
Матушка возьмет ведро,
Молча принесет воды...

Красные цветы мои
В садике завяли все.
Лодка на речной мели
Скоро догнет совсем.

Дремлет на стене моей
Ивы кружевная тень,
Завтра у меня под ней
Будет хлопотливый день!

Буду поливать цветы,
Думать о своей судьбе,
Буду до ночной звезды
Лодку мастерить себе...

СТАРИК

Идет старик в простой одежде.
Один идет издалека.
Не греет солнышко, как прежде.
Шумит осенняя река.

Кружились птицы и кричали
Во мраке тучи грозовой,
И было все полно печали
Над этой старой головой.

Глядел он ласково и долго
На всех, кто встретится ему,
Глядел на птиц, глядел на елку...
Наверно, трудно одному.

Когда, поживаясь зябко,
Поест немного и поспит,
Ему какая-нибудь бабка
Поднять котомку пособит.

Глядит глазами голубыми,
Несет котомку на горбу,
Словами тихими, скупыми
Благодарит свою судьбу.

Не помнит он, что было прежде,
И не боится черных туч,
Идет себе в простой одежде
С душою светлую, как луч!

ВОРОБЕЙ

Чуть живой. Не чирикает даже.
Замерзает совсем воробей.
Как заметит подводу с поклажей,
Из-под крыши бросается к ней!
И дрожит он над зернышком бедным,
И летит к чердаку своему.
А гляди, не становится вредным
Оттого, что так трудно ему...

ТОТ ГОРОД ЗЕЛЕНый..

Тот город зеленый и тихий
Отрадно заброшен и глух.
Достоинно, без лишней шумихи,
Поет, как в деревне, петух
На площади главной... Повозка
Порой громыхнет через мост,
А там, где овраг и березка,
Столпился народ у киоска
И тянет из ковшика морс,
И мухи летают в крапиве,
Блаженствуя в летнем тепле...
Ну что там отрадней, счастливей
Бывает еще на земле?
Взгляну я во дворик зеленый —
И сразу порадут взор
Земные друг другу поклоны
Людей, выходящих во двор.
Сорву я цветок маттиолы
И вдруг заволнуюсь всерьез:
И юность, и плач радиолы
Я вспомню, и полные слез
Глаза моей девочки нежной
Во мгле, когда гаснут огни...
Как я целовал их поспешно!
Как после страдал безутешно!
Как верил я в лучшие дни!
Ну что ж? Моя грустная лира,
Я тоже простой человек.
Сей образ прекрасного мира
Мы тоже оставим навек.
Но вечно пусть будет все это,
Что свято я в жизни любил:
Тот город, и юность, и лето,
И небо с блуждающим светом
Неясных небесных светил...

НОЧЬ НА РОДИНЕ

Высокий дуб. Глубокая вода.
Спокойные кругом ложатся тени.
И тихо так, как будто никогда
Природа здесь не знала потрясений!

И тихо так, как будто никогда
Здесь крыши сел не слыхивали грома!
Не встрепенется ветер у пруда,
И на дворе не зашуршит солома,

И редок сонный коростеля крик...
Вернулся я — былое не вернется!
Ну что же? Пусть хоть это остается,
Продлится пусть хотя бы этот миг,

Когда души не трогает беда,
И так спокойно двигаются тени,
И тихо так, как будто никогда
Уже не будет в жизни потрясений,

И всей душой, которую не жаль
Всю потопить в таинственном и милом,
Овладевает светлая печаль,
Как лунный свет овладевает миром...

Г Р А Н И

Я вырос в хорошей деревне,
Красивым — под скрип телег!
Одной деревенской царевне
Я нравился как человек.

Там нету домов до неба,
Там нету реки с баржой,
Но там на картошке с хлебом
Я вырос такой большой.

Мужал я под грохот МАЗов
На твердой рабочей земле...
Но хочется как-то сразу
Жить в городе и в селе.

Ах, город село таранит!
Ах, что-то пойдет на слом!
Меня же терзают грани
Меж городом и селом...

**ПОД ВЕТВЯМИ
БОЛЬНИЧНЫХ БЕРЕЗ**

Под ветвями плакучих деревьев
В чистых окнах больничных палат
Выткан весь из пурпуровых перьев
Для кого-то последний закат...
Вроде крепок, как свеженький овощ,
Человек, и легка его жизнь,—
Вдруг проносится «скорая помощь»,
И сирена кричит: «Расступись!»
Вот и я на больничном покое.
И такие мне речи поют,
Что грешно за участие такое
Не влюбиться в больничный уют!
В светлый вечер под музыку Грига
В тихой роще больничных берез
Я бы умер, наверно, без крика,
Но не смог бы, наверно, без слез...
Нет, не все,— говорю,— пролетело!
Посильней мы и этой беды!
Значит, самое милое дело —
Это выпить немного воды,
Посвистеть на манер канарейки
И подумать о жизни всерьез
На какой-нибудь старой скамейке
Под ветвями больничных берез...

1970

ЦВЕТOK И НИВА

Цветы! Увявшие цветы!
Как вас водой болотной хлещет,
Так с бесприютной высоты
На нас водой холодной плещет.
А ты? По-прежнему горда?
Или из праздничного зала
На крыльях в прошлые года
Твоя душа летать устала?
И неужели, отлюбя,
Уж не волнуешься, как прежде,—
Бежишь домой, а на тебя
Водой холодной с неба плещет?

Сырое небо, не плещи
Своей водою бесприютной!
И ты, сорока, не трещи
О нашей радости минутной!
Взойдет любовь на вечный срок,
Душа не станет сиротлива.
Неувядаемый цветок!
Неувядаемая нива!

ПОСВЯЩЕНИЕ ДРУГУ

Замерзают мои георгины.
И последние ночи близки.
И на комья желтеющей глины
За ограду летят лепестки...

Нет, меня не порадует — что ты! —
Одинокая странствий звезда.
Пролетели мои самолеты,
Просвистели мои поезда.

Прогудели мои пароходы,
Проскрипели телеги мои,—
Я пришел к тебе в дни непогоды,
Так изволь, хоть водой напои!

Не порвать мне житейские цепи,
Не умчаться, глазами горя,
В пугачевские вольные степи,
Где гуляла душа бунтаря.

Не порвать мне мучительной связи
С долгой осенью нашей земли,
С деревцом у сырой коновязи,
С журавлями в холодной дали...

Но люблю тебя в дни непогоды
И желаю тебе навсегда,
Чтоб гудели твои пароходы,
Чтоб свистела твои поезда!

* * *

Ветер всхлипывал, словно дитя,
За углом потемневшего дома.
На широком дворе, шелестя,
По земле разлеталась солома...

Мы с тобой не играли в любовь,
Мы не знали такого искусства,
Просто мы у поленницы дров
Целовались от странного чувства.

Разве можно расстаться шутя,
Если так одиноко у дома,
Где лишь плачущий ветер-дитя
Да поленница дров и солома,

Если так потемнели холмы,
И скрипят, не смолкая, ворота,
И дыхание близкой зимы
Все слышней с ледяного болота...

ДОБРЫЙ ФИЛЯ

Я запомнил, как диво,
Тот лесной хуторок,
Задремавший счастливо
Меж звериных дорог...

Там в избе деревянной,
Без претензий и льгот,
Так, без газа, без ванной,
Добрый Филя живет.

Филя любит скотину,
Ест любую еду,
Филя ходит в долину,
Филя дует в дуду!

Мир такой справедливый,
Даже нечего крыть...
— Филя! Что молчаливый?
— А о чем говорить?

РАСПЛАТА

Я забыл, что такое любовь,
И под лунным над городом светом
Столько выпалил клятвенных слов,
Что мрачней, как вспомню об этом.

И однажды, прижатый к стене
Безобразьем, идущим по следу,
Одиноко я вскрикну во сне
И проснусь, и уйду, и уеду...

Поздно ночью откроется дверь.
Невеселая будет минута.
У порога я встану, как зверь,
Захотевший любви и уюта.

Побледнеет и скажет: — Уйди!
Наша дружба теперь позади!
Ничего для тебя я не значу!
Уходи! Не гляди, что я плачу!..

И опять по дороге лесной,
Там, где свадьбы, бывало, летели,
Неприкаянный, мрачный, ночной,
Я тревожно уйду по метели...

ФЕРАПОНТОВО

В потемневших лучах горизонта
Я смотрел на окрестности те,
Где узрела душа Ферапонта
Что-то божье в земной красоте.
И однажды возникло из грезы,
Из молящейся этой души,
Как трава, как вода, как березы,
Диво дивное в русской глуши!
И небесно-земной Дионисий,
Из соседних явившись земель,
Это дивное диво возвысил
До черты небывалой досель...
Неподвижно стояли деревья,
И ромашки белели во мгле,
И казалась мне эта деревня
Чем-то самым святым на земле...

ОСЕННЯЯ ЛУНА

Грустно, грустно последние листья,
 Не играя уже, не горя,
Под гнетущей погаснувшей высью,
Над заслеженной грязью и слизью
 Осыпались в конце октября!

И напрасно так шумно, так слепо,
 Приподнявшись, неслись над землей,
Словно где-то не кончилось лето,
Может, там, за расхлябанным следом,—
 За тележной цыганской семьей!

Люди жили тревожней и тише
 И смотрели в окно иногда,—
Был на улице говор не слышен,
Было слышно, как воют над крышей
 Ветер, ливень, труба, провода...

Так зачем, проявляя участие,
 Между туч пронеслась луна
И светилась во мраке ненастья,
Словно отблеск весеннего счастья,
 В красоте неизменной одна?

Под луной этой светлой и быстрой
 Мне еще становилось грустней
Видеть табор под бурною мгlistой,
Видеть ливень и грязь, и со свистом
 Ворох листьев, летящий над ней.

КУПАВЫ

Как далеко дороги пролегли!
Как широко раскинулись уголья!
Как высоко над зыбким половодьем
Без остановки мчатся журавли!

В лучах весны — зови иль не зови! —
Они кричат все радостней, все ближе..
Вот снова игры юности, любви
Я вижу здесь... но прежних не увижу.

И обступают бурную реку
Все те ж цветы... но девушки другие,

И говорить не надо им, какие
Мы знали дни на этом берегу.

Бегут себе, играя и дразня,
Я им кричу: — Куда же вы? Куда вы?
Взгляните ж вы, какие здесь купавы! —
Но разве кто послушает меня...

1966

* * *

Я люблю судьбу свою,
Я бегу от помрачений!
Суну морду в полынью
И напыюсь,
Как зверь вечерний!
Сколько было здесь чудес,
На земле святой и древней,
Помнит только темный лес!
Он сегодня что-то дремлет.
От заснеженного льда
Я колени поднимаю,
Вижу поле, провода,
Все на свете понимаю!
Вот Есенин —
 на ветру!
Блок стоит чуть-чуть в тумане.
Словно лишний на пиру,
Скромно Хлебников шаманит.
Неужели и они —
Просто горестные тени?
И не светят им огни
Новых русских деревенок?
Неужели
 в свой черед
Надо мною смерть нависнет,—
Голова, как спелый плод,
Отлетит от веток жизни?
Все умрем.
Но есть резон
В том, что ты рожден поэтом.
А другой — жнецом рожден...
Все уйдем.
Но суть не в этом...

**НАСТУПЛЕНИЕ
НОЧИ**

Когда заря
Смеркается и брезжит,
Как будто тонет
В омутной ночи,
И в гробовом
Затишье побережий
Скользят ее
Последние лучи,

Мне жаль ее...
Вот-вот... еще немножко...
И, поднимаясь
В гаснущей дали,
Весь ужас ночи
Прямо за окошком
Как будто встанет
Вдруг из-под земли!

И так тревожно
В час перед набегом
Кромешной тьмы
Без жизни и следа,
Как будто солнце
Красное над снегом,
Огромное,
Погасло навсегда...

ПРО ЗАЙЦА

Заяц в лес бежал по лугу,
Я из лесу шел домой,—
Бедный заяц с перепугу
Так и сел передо мной!

Так и обмер, бестолковый,
Но, конечно, в тот же миг
Поскакал в лесок сосновый,
Слыша мой веселый крик.

И еще, наверно, долго
С вечной дрожью в тишине
Думал где-нибудь под елкой
О себе и обо мне.

Думал, горестно вздыхая,
Что друзей-то у него
После дедушки Мазая
Не осталось никого.

НА НОЧЛЕГЕ

Лошадь белая в поле темном.
Воет ветер, бурлит овраг,
Светит лампа в избе укромной,
Освещаая осенний мрак.

Подмерзая, мерцают лужи...
«Что ж, — подумал, — зайду давай?»
Посмотрел, покурил, послушал
И ответил мне: — Ночевай!

И отправился в темный угол,
Долго с лавки смотрел в окно
На поблекшие травы луга...
Хоть бы слово еще одно!

Есть у нас старики по селам,
Что утратили будто речь:
Ты с рассказом к нему веселым —
Он без звука к себе на печь.

Знаю, завтра разбудит только
Словом будничным, кратким столь,
Я спрошу его: — Надо сколько? —
Он ответит: — Не знаю, сколь!

И отправится в тот же угол,
Долго будет смотреть в окно
На поблекшие травы луга...
Хоть бы слово еще одно!..

Ночеваяю! Глухим покоем
Сумрак душу врачует мне,
Только маятник с тихим боем
Все качается на стене,

Только изредка над паромной
На рекою, где бакен желт,
Лошадь белая в поле темном
Вскинет голову и заржет...

ОТПЛЫТИЕ

Размытый путь. Кривые тополя.
Я слушал шум — была пора отлета.
И вот я встал и вышел за ворота,
Где простирались желтые поля,

И вдаль пошел... Вдали тоскливо пел
Гудок чужой земли, гудок разлуки!
Но, глядя вдаль и вслушиваясь в звуки,
Я ни о чем еще не сожалел...

Была суровой пристань в поздний час.
Искрясь, во тьме горели папиросы,
И трап стонал, и хмурые матросы
Устало поторапливали нас.

И вдруг такой повеяло с полей
Тоской любви, тоской свиданий кратких!
Я уплывал... все дальше... без оглядки
На мгlistый берег юности своей.

ВЕЧЕРНЕЕ
ПРОИСШЕСТВИЕ

Мне лошадь встретилась в кустах.
И вздрогнул я. А было поздно.
В любой воде таился страх,
В любом сарае сенокосном...
Зачем она в такой глуши
Явилась мне в такую пору?
Мы были две живых души,
Но неспособных к разговору.
Мы были разных два лица,
Хотя имели по два глаза.
Мы жутко так, не до конца,
Переглянулись по два раза.
И я спешил — признаюсь вам —
С одною мыслью к домочадцам:
Что лучше разным существам
В местах тревожных —
не встречаться!

НА АВТОТРАССЕ

Какая зловещая трасса!
Какая суровая был! —
Шоферы высокого класса
Газуют сквозь ветер и пыль.

Газуют во мраке таежном
По рытвинам в грозной ночи...
— Эй! Где тут начальник дорожный?
— Лежит у себя на печи...

Шоферы уносятся с матом,
Начальству от них не уйти!
Но словно с беспомощным братом
Со мной обошлись по пути.

Я шел, свои ноги калеча,
Глаза свои мучая тьмой...
— Куда ты?
— В деревню Предтеча.
— Откуда?
— Из Тотьмы самой...

За мною захлопнулась дверца,
И было всю ночь напролет
Так жутко и радостно сердцу,
Что все мы несемся вперед,

Что все мы почти над кюветом
Несемся куда-то стрелой,
И есть соответствие в этом
С характером жизни самой!

НА РОДИНУ!

Во мгле, по холмам суровым —
Без фар не видать ни зги,—
Сто километров с ревом
Летели грузовики,
Летели почти по небу,
Касаясь порой земли.
Шоферы, как в лучший жребий,
Вцепились в свои рули,

Припали к рулям, как зубры,
И гнали — в леса, в леса! —
Жестоко оскалив зубы
И вытаращив глаза...
Я молча сидел в сторонке,
Следя за работой мужчин
И радуясь бешеной гонке
Ночных продуктовых машин.
Я словно летел из неволи
На отдых, на мед с молоком...
И где-то в зверином поле
Сошел и пошел
пешком.

В МИНУТЫ МУЗЫКИ

В минуты музыки печальной
Я представляю желтый плес,
И голос женщины прощальный,
И шум порывистых берез,

И первый снег под небом серым
Среди погаснувших полей,
И путь без солнца, путь без веры
Гонимых снегом журавлей...

Давно душа блуждать устала
В былой любви, в былом хмелю,
Давно понять пора настала,
Что слишком призраки люблю.

Но все равно в жилищах зыбких —
Попробуй их останови! —
Перекликаясь, плачут скрипки
О желтом плесе, о любви.

И все равно под небом низким
Я вижу явственно, до слез,
И желтый плес, и голос близкий,
И шум порывистых берез.

Как будто вечен час прощальный,
Как будто время ни при чем...
В минуты музыки печальной
Не говорите ни о чем.

НАГРЯНУЛИ

Не было собак — и вдруг залаяли.
Поздно ночью — что за чудеса!—
Кто-то едет в поле за сараями.
Раздаются чьи-то голоса...

Не было гостей — и вот нагрянули.
Не было вестей — так получай!
И опять под ивами багряными
Расходился праздник невзначай.

Ты прости нас, полюшко усталое,
Ты прости, как братьев и сестер:
Может, мы за все свое бывалое
Разожгли последний наш костер.

Может быть, последний раз нагрянули,
Может быть, не скоро навестят...
Как по саду, садику багряному
Грустно-грустно листья шелестят.

Под луной, под гаснущими ивами
Посмотрели мой любимый край
И опять умчались, торопливые,
И пропал вдали собачий лай...

ЗИМОВЬЕ НА ХУТОРЕ

Короткий день.

А вечер долгий.

И непременно перед сном
Весь ужас ночи за окном
Встает. Кладбищенские елки
Скрипят. Окно покрыто льдом.

Порой без мысли и без воли
Смотрю в оттаявший глазок.
И вдруг очнусь — как дико в поле!
Как лес и грозен и высок!

Зачем же, как сторожевые,
На эти грозные леса
В упор глядят глаза живые,
Мои полночные глаза?

Зачем? Не знаю. Сердце стынет
В такую ночь. Но все равно
Мне хорошо в моей пустыне,
Не страшно мне, когда темно.

Я не один во всей вселенной.
Со мною книги, и гармонь,
И друг поэзии нетленной —
В печи березовый огонь...

БЕССОННИЦА

Окно, светящееся чуть.
И редкий звук с ночного омута.
Вот есть возможность отдохнуть...
Но как пустынна эта комната!

Мне странно кажется, что я
Среди отжившего, минувшего,
Как бы в каюте корабля,
Бог весть когда и затонувшего,

Что не под этим ли окном
Под запыленную картиною
Меня навек затянет сном,
Как будто илом или тиною.

За мыслью мысль — какой-то бред,
За тенью тень — воспоминания,
Реальный звук, реальный свет
С трудом доходят до сознания.

И так раздумываешься вдруг,
И так всему придашь значение,
Что вместо радости — испуг,
А вместо отдыха — мучение.. .

ВИДЕНИЯ НА ХОЛМЕ

Взбегу на холм

и упаду

в траву.

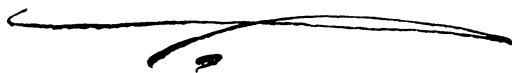
И древностью повеет вдруг из дола!
И вдруг картины грозного раздора
Я в этот миг увижу наяву.
Пустынный свет на звездных берегах
И вереницы птиц твоих, Россия,
Затмит на миг
В крови и в жемчугах
Тупой башмак скуластого Батыя...

Россия, Русь — куда я ни взгляну...
За все твои страдания и битвы
Люблю твою, Россия, старину,
Твои леса, погосты и молитвы,
Люблю твои избушки и цветы
И небеса, горящие от зноя,
И шепот ив у омутной воды,
Люблю навек, до вечного покоя...

Россия, Русь! Храни себя, храни!
Смотри, опять в леса твои и доли
Со всех сторон нагрянули они,
Иных времен татары и монголы,
Они несут на флагах черный крест,
Они крестами небо закрестили,
И не леса мне видятся окрест,
А лес крестов
в окрестностях России.

Кресты, кресты...
Я больше не могу!
Я резко отниму от глаз ладони
И вдруг увижу: смиренно на лугу
Траву жуют стреноженные кони.
Заржут они — и где-то у осин
Подхватит эхо медленное ржанье,
И надо мной —
бессмертных звезд Руси,
Спокойных звезд безбрежное мерцанье...

Владимир
Сорокин

Владимир Николаевич Соколов родился 18 апреля 1928 года в тверском городе Лихославле. Отец — инженер, участник Великой Отечественной войны; мать — учительница; брат матери, Михаил Козырев (1892—1942), был известным в свое время писателем.

После Великой Отечественной войны Владимир Соколов поступил в Московский литературный институт, который окончил в 1952 году. Стихи писал с отроческих лет. В 1948-м впервые выступил в печати, в 1953-м издал первую книгу. Тогда же приобрел известность как наиболее ранний представитель поэзии послевоенного поколения. Однако настоящее признание пришло к Владимиру Соколову лишь в середине 1960-х годов, когда совершилось как бы второе рождение поэта. Его лирика оказалась созвучной многим более молодым поэтам, достигшим зрелости в это время (Николай Рубцов, Анатолий Передреев, Станислав Куняев, Анатолий Жигулин, Василий Казанцев, Эдуард Балашов и др.), и они в той или иной мере воспринимали Владимира Соколова как своего предтечу.

Творчеству поэта присущ ярко выраженный лиризм образа и самого слова. Избранные стихи Владимира Соколова представлены в его книге «Четверть века» (М., 1976).

* * *

Как я хочу, чтоб строчки эти
Забыли, что они слова,
А стали: небо, крыши, ветер,
Сырых бульваров дерева!

Чтоб из распахнутой страницы,
Как из открытого окна,
Раздался свет, запели птицы,
Дохнула жизни глубина.

1948

РОСТОВ ВЕЛИКИЙ

Осеннее золото куполов
Всплывает на синеве
При полном молчанье колоколов
Со звонницей во главе.

Не знаю, не знаю! Но этот лист
С прожилками черноты,
Как купол, округл и, как купол, чист,
И звонок до высоты.

Под ясными сумерками стволов
Не холодно ль вам со мной?
Осеннее золото куполов
Восходит над белизной.

Качается дерево у стены,
И листья его вершин
Касаются самой голубизны
И падают у машин.

1965

У ВЕРХОВЬЯ ВОЛГИ

Стоят над Селигером
И церкви и дома.
Молчат о Селигере
Отдельные тома.

А там — в душе России —
Начало и исток.
Там у спокойной сини
И запад и восток.

Там ветер влажно веет
Сквозь зелень над водой.
Там дранка золотеет,
Как купол золотой.

1965

ЗВЕЗДА ПОЛЕЙ

«Звезда полей, звезда полей над отчим домом
И матери моей печальная рука...» —
Осколок песни той вчера за тихим Доном
Из чуждых уст настиг меня издалека.

И воцарился мир, забвенью не подвластный.
И воцарилась даль — во славу ржи и льна...
Нам не нужны слова в любви настолько ясной,
Что ясно только то, что жизнь у нас одна.

Звезда полей, звезда! Как искорка на сини!
Она зайдет? Тогда зайти звезде моей.
Мне нужен черный хлеб, как белый снег пустыне,
Мне нужен белый хлеб для женщины твоей.

Подруга, мать, земля, ты тленью не подвластна.
Не плачь, что я молчу: взрастила, так прости.
Нам не нужны слова, когда настолько ясно
Все, что друг другу мы должны произнести.

1963

* * *

Паровик. Гудок его глухой.
Ночь. Платформа. Думы об одном.
Снег метался, тонкий и сухой,
Железнодорожным полотном.

Извивался в свете фонаря,
Шел в порывах. Дрогнул паровик.
Белый дым, волнуясь и паря,
Снизу вверх окутал мост на миг.

Мост был выгнут через полотно.
Кто-то шел по этому мосту.
Шел незримо в клубах дыма, но
Сбоку луч вонзился в темноту.

И на дым летучий, на ничто
Пала человеческая тень.
Тень людская: кепка и пальто.
Дым качнулся, свет умчался в темь,

Паровик прогрохал под мостом,
Электричка встречная прошла.
И исчезла в воздухе пустом
Тень, что дымом поймана была.

Я не знал, что делать мне с тоской
О часах текучих... А кругом
Снег метался, тонкий и сухой,
Задышался и бежал бегом.

Только я запомнил не его.
Свет и дым и чью-то тень навек.
И не знал об этом ничего
Тот, мостом прошедший человек.

1959

* * *

Вдали от всех парнасов,
От мелочных сует
Со мной опять Некрасов
И Афанасий Фет.

Они со мной ночуют
 В моем селе глухом.
 Они меня врачуют
 Классическим стихом.

Звучат, гоня химеры
 Пустого баловства,
 Прозрачные размеры,
 Обычные слова.

И хорошо мне... В долах
 Летит морозный пух.
 Высокий лунный холод
 Захватывает дух.

1960

* * *

Ты камнем упала, я умер под ним.
 Ты миг умирала, я — долгие дни
 Я все хоронил, хоронил;
хоронím

Другими — меня выносили они.
 За выносом тела шел вынос души.
 Душа не хотела, совала гроши.
 А много ли может такая душа,
 Когда и у тела уже ни гроша?

Однако могильщики — ну и народ,
 Умелые руки, большой оборот.
 И знаешь, как просят подумать о них:
 Работать на пару, а пить на троих.
 И знаешь, как шутят, дыша в кулаки,—
 Метро наменяло на всех пятаки.
 ...Там желтая глина, там воздух сырой
 Там люди сговорчивей между собой...

Кто звезды попутал, кто карты смешал?
 Кто боженьке в ухо чего надышал?
 Я что-то не помню — за что бы с меня —
 Дарованной ночи, дареного дня.
 Уж так ли высоко на свете я жил,
 Что бог мне на душу тебя положил?
 И так ли остался, в таком я долгу,
 Что сам до земли долететь не могу?

* * *

Пластинка должна быть хрипящей,
Заигранной... Должен быть сад,
В акациях так шелестящий,
Как лет восемнадцать назад.

Должны быть большие сирени —
Султаны, туманы, дымки,
Со станции из-за деревьев
Должны доноситься гудки.

И чья-то настольная книга
Должна трепетать на земле,
Как будто в предчувствии мига,
Что все это канет во мгле.

1967

* * *

Спасибо, музыка, за то,
Что ты меня не оставляешь,
Что ты лица не закрываешь,
Себя не прячешь ни за что.

Спасибо, музыка, за то,
Что ты единственное чудо,
Что ты душа, а не причуда,
Что для кого-то ты ничто.

Спасибо, музыка, за то,
Чего и умным не подделать,
За то спасибо, что никто
Не знает, что с тобой поделать.

1960

* * *

Убит. Убит. Подумать! Пушкин...
Не может быть! Все может быть...
«Ах, Яковлев,— писал Матюшкин,—
Как мог ты это допустить!

Ах, Яковлев, как ты позволил,
Куда глядел ты! Видит бог,
Как мир наш тесный обездолел,
Ах, Яковлев...» А что он мог?

Что мог балтийский ветер ярый,
О юности поющий снег?
Что мог его учитель старый,
Прекраснодушный человек?
Иль некто, видевший воочью
Жену его в ином кругу,
Когда он сам тишайшей ночью
Смял губы: больше не могу...

1957

ОКА

Мы так и не доехали тогда...
Какой-то лодки не было под боком.
Запомнилась река да лебеда
На берегу довольно невысоком.
Да то село, глядевшее с откоса,
Голубоглазо и желтоволосо.
Да ребятня, да лодка на мели.
Да чей-то дед при всех его притворствах:
«Мол, нету лодки. Нет. Не завели...»
Да мы без шапок, трое стихотворцев.
Да как вдали автобус наш гудел,
Что люди ждут, что все же есть предел...

Да мысль о том, что родственные сени
Когда-то называл Сергей Есенин
Не Константиновом и не Окой,
А просто лесом, полем да рекой.
Мы так и не доехали тогда.
Оки не переехали...

Ну что же,
Прав лодочник, седая борода:
«Поэты? Как же, знаю. Был Сережа...»

1964

* * *

Скорей в начале жизни, чем в конце,
Он в самовольной ссылке величает
Беспечность рифм у всех забот в кольце.
Его чело лишь свет свечи венчает.
С ним только то, чего и друг не чаёт,
Да мир, да дева юная в венце.

На нивы, на желтеющие купы,
Как на виски, ложится серебро.
«Пора иль не пора!..»
Щекочет губы
Прохладное гусиное перо.

1965

* * *

Машук оплыл — туман в округе.
Остыли строки, стаял дым.
А он молчал почти в испуге
Перед спокойствием своим.

В который раз стихотворенье
По швам от страсти не рвалось.
Он думал: это постаренье!
А это зрелостью звалось.

Так вновь сдавалось вдохновенье
На милость разума его.
Он думал: это охлажденье.
А это было мастерство.

1956

* * *

Нет сил никаких улыбаться,
Как раньше с тобой говорить,
На доброе слово сдаваться,
Недоброе слово хулить.

Я все тебе отдал. И тело
И душу — до крайнего дня.
Послушай, куда же ты дела,
Куда же ты дела меня!

На узкие листья рябины,
Шумя, налетает закат,
И тучи на нас, как руины
Воздушного замка, летят.

1966

ВЕНОК

Вот мы с тобой и развенчаны.
Время писать о любви...
Русая девочка, женщина,
Плакали те соловьи.

Пахнет водою на острове
Возле одной из церквей.
Там не признал этой росстани
Юный один соловей.

Слушаю в зарослях, порослях,
Не позабыв ничего,
Как удивительно в паузах
Воздух поет за него.

Как он ликует божественно
Там, где у розовых верб
Тень твоя, милая женщина,
Нежно идет на ущерб.

Истина не наказуема.
Ты указала межу.
Я ни о чем не скажу ему,
Я ни о чем не скажу.

Видишь, за облак барашковый,
Тая, заплыл наконец
Твой васильковый, ромашковый
Неповторимый венец.

1966

* * *

«Можно жить и в придуманном мире»,—
Мне сказали. Но правда ли это?
Можно в мире? Как в греческом мифе?
Как в легенде? Как в шутке поэта?
Можно? Это не сложно.

Ребенку,
На рассвете. На девичьем утре.
Но когда ты вдеваешь гребенку
В настоящие взрослые кудри,
Но когда что-то кануло в шири,
А пороги лишь ветром обиты,
Можно ль плакать в придуманном мире
От придуманной горькой обиды.

Я себе хорошо представляю.
Как по детскому зову преданья,
Как по знаку мечты

оставляю
Все мирские дела и свиданья
И вступаю в придуманный город,
В сад придуманный, милый до дрожи.

На придуманном озере гогот
Лебедей. Я придумал их тоже.
Я придумал и даль, и округу,
И подругу придумал, и брата,
И врага сочинил я, и друга...

Ты, конечно же, не виновата,
Но заметил я, душу очистив
От земного, приняв неземное,
Тень летит от придуманных

листьев
На мое безысходно земное,
Где не может пока что по маю
Цвезть сухумская роза
в Сибири...

Но не думайте, я понимаю.
Можно жить и в придуманном мире.

* * *

Прошу тебя, если не можешь забыть
И если увидеться хочешь,
Придумай, о чем нам с тобой говорить
(Ты женщина — ты и хлопчешь).
О прежнем не скажешь моим языком,
Как дождик, оно перестало.
Увяло под беглым твоим каблуком.
Крапивою позарастало.

Прошу тебя, если надежд не унять
И тянет, убив, повидаться,
Придумай, как лучше тебя мне узнать,
Во множестве не обознаться.
Скажи: мой единственный, под фонарем
В толпе, задохнувшись от бега,
Стоять буду в шляпке — с вуалью, с пером,
В слезах прошлогоднего снега.

1967

* * *

На влажные планки ограды
Упав, золотые шары
Снопом намокают, не рады
Началу осенней поры.

«Ты любишь ли эту погоду,
Когда моросит, моросит
И желтое око на воду
Фонарь из-за веток косит?»

«Люблю. Что, как в юности, бредим,
Что дождиком пахнет пальто.
Люблю. Но уедем, уедем
Туда, где не знает никто».

И долго еще у забора,
Где каплют секунды в ушат,
Обрывки того разговора,
Как листья, шуршат и шуршат...

МУРАВЕЙ

Извилист путь и долог.
Легко ли муравью
Сквозь тысячу иголок
Тащить одну свою?

А он, упрямец, тащит
Ее тропой рябой
И, видимо, таращит
Глаза перед собой.

И думает, уставший
Под ношею своей,
Как скажет самый старший,
Мудрейший муравей:

«Тащил, собой рискуя,
А вот, поди ж ты, смог.
Хорошую какую
Иголку приволок».

1961

* * *

Эта память, как странное зимнее озеро,
Что зима вплоть до лунок совсем заморозила.
И стоишь перед ним. И боишься весны:
Вдруг оттают и тайны, и весла, и сны.

Это было давно, в декабре, в феврале.
Все оттает на новой зеленой земле.

Но опять оживут — что нам делать тогда? —
Неприяни, замерзшие в те холода.

Эта память, как странное рыхлое озеро,
Что зима вплоть до лодок совсем заморозила.
Продолжался бы снег. Не спешил бы апрель.

Начинается первая ваша капель

1971

ЧУЖАЯ КНИГА

После дней обаянья,
После белых ночей
С этой книгой свиданья
Все нежней и горчей.

Это очень похоже
На ближайший отлет.
Гул винта, как по коже,
По обложке идет.

Средь вокзального быта,
Вся — поющая, вся
На скамейке забыта,
Остающаяся.

Не средь шумного бала,
А под вопли грачей
Ты меня испугала
Страхом юных ночей.

Невозможностью слиться,
Невозможностью взять,
И отдать, и открыться,
То есть все рассказать.

Невозможность *явиться*
И в любом пустяке
Невзначай воплотиться,
Как дано постельге.

На скамейке, подмокшей
От весеннего льда,
Голос, не превозмогший
Красоты и стыда.

Это даже не слово,
Что в сердцах говорим.
Дивный слепок с чужого,
Населенный своим.

* * *

Опять с непогашенным светом
Короткие ночи делю...
Не надо. Не думай об этом.
Я больше тебя не люблю.

Я вижу из этого мира,
Где нет ни тебя, ни меня,
Как где-то мертвеет квартира,
Беззвучная в топоте дня.

Там пыль оседает на книги
И плавает нежная моль.
Я так не люблю эти миги,
Их теплую, легкую боль.

Я вижу из третьего дома,
Как в том отзвучавшем доме
Так ветрено и незнакомо
Мы сходимся по одному.

Как будто влюбленные тени,
От нас молчаливо уйдя,
Там ночь коротают в измене,
Друг с друга очей не сводя.

Живут они в облаке света,
Как смерти, боясь темноты,
Два призрака, два силуэта.
Но это не я и не ты.

Я знаю: и то наважденье
Сойдет, как по инею след.
И все ж я не сплю до мгновенья,
Когда они выключат свет.

1966

* * *

«Как страшно с тобой расставаться...»
Какие простые слова.
Зачем журавлю оставаться,
Когда улетает листва?

И, руки подняв от испуга,
Что неба опять не боюсь,
Кричу я: «Подруга, подруга!» —
На всю поднебесную Русь.

Прощай. Я в любви не прощаю.
Прощай, поминай обо мне.
Я помнить тебя обещаю,
Как в юности, как на войне.

1969

* * *

...Птица малая лесная.

А. Пушкин

Все чернила вышли, вся бумага,
Все карандаши.

На краю бузинного оврага
Стой и не дыши.
Сквозь туман просвечивает зелень.
Клейкая пока.
Где-то здесь, среди ее расселин,
Он наверняка.

Вот! Ни с чем, конечно, не сравнимый
Сколок с пенья льдин.
Первый, пробный, но неоспоримый,
Вот еще один.
Вот опять! Раскатисто и тесно.
Тишь... В листьях куста
Происходит перемена места —
Веточка не та.

И покуда тишь не раскололась
Льдиною на льду,
Есть во всем извечный жаркий голос:
«Что же ты, я жду».
Замиранье целого оврага,
Листьев и души.
Все чернила вышли, вся бумага.
Все карандаши.

БЕССОННИЦА

Почему ты не спишь и глядишь в окно?
За окном никаких происшествий нет.
Только листья шумят, только дождь идет.
Ты кого-нибудь ждешь? Не придет никто.
Потому что все спят. Да и дождь прошел.
Даже мокрая бабочка в раме спит.
Отдохни, никаких происшествий нет.
За окном не горит ни одно окно.

Я не сплю потому, что не спит трава,
И влажнеет земля от большой росы.
И кузнечик задумался: может, встать
И оспорить какие-нибудь часы?
Я не сплю потому, что у всех застав
Отдыхают стволы от дневной жары.
Я не сплю потому, что не спит вода,
А куда-то бежит, как твои года...

1973

РЕЧНОЙ ВОКЗАЛ

Заиндевелившие снасти,
Синь, затаившая дух.
Как привалившее счастье,
Эти сугробы и пух.

Это ведь было до снега,
Возле воды и весла.
Льстивая тайна побега
Славою нас обошла.

Помню осенние воды,
Сеть расписаний сухих.
Вмерзли твои пароходы
В лед опозданий моих.

На берегу, как в затоне,
Остановились года.
Лишь дуновенье погони
Шло по воде иногда...

Нет ни бесславья, ни славы
В том, что, темнея на цвет,
Чьи-то заставы и травы
Нам уносились вослед.

Здесь задыхались от бега
И не прощались они...
Все это было до снега,
Перебелившего дни.

Заиндепевшие снасти,
Даль, затаившая дух.
Как привалившее счастье,
Эти сугробы и пух.

1966

* * *

Это просто вечер был такой.
Облаков безветренный покой.

И такая мирная земля,
И такие тихие поля,

Что и яшень, листьями рябя,
Шелестел не вслух, а про себя.

И когда прощалась ты со мной,
То сказала: «Не грусти, родной.

Это просто вечер был такой,
Что прошлись тропинкой мы одной,

Это просто вечер был такой,
Чья-то песня в поле за рекой.
Тишь была. Черемуха цвела.
Над землею радуга плыла».

1969

* * *

Ночевала тучка...

Лермонтов

Весь в перьях сад, весь в белых перьях сад.
Бери перо любое наугад.

Большие дети неба и земли,
Здесь ночевали, спали журавли.

Остался пух. Остались перья те,
Что на земле видны и в темноте.

Да этот пруд в заброшенном саду,
Что лишь у птиц и неба на виду.

Весь в перьях сад, весь в белых перьях сад.
Возьму перо любое наугад.

И напишу о маленьких синицах
И о больших взметающихся птицах.

И напишу, что сад синицу в руки
Взял, с журавлями белыми в разлуке.

Листвой сухой, седой расхлопотался.
Красавицей своей залюбовался.

Весь в перьях сад, весь в белых перьях сад,
И пруд, и вся прорешливость оград.

Он не шепнет, как кто-то там иль сям,
Что журавли завидуют гусям.

Он знает сам, что каплями зари
В нем замелькают скоро снегири,

Что в ноябре в нем хрупко и светло,
От перистого инея бело...

1965

ПАМЯТИ
АФАНАСИЯ ФЕТА

Здесь человек сгорел...

Ничего от той жизни,
Что бессмертной была,
Не осталось в отчизне,
Все сгорело дотла.

Роковые изъятья.
Незначенный бал.
Край светлейшего платья
Разве я целовал?

Как в иную присягу
На погибель и рай
Небывалого стяга
Независимый край...

Ничего от той жизни,
Что бессмертной была,
Не осталось в отчизне.
Все сгорело дотла.

Все в снегу, точно в пепле,
Толпы зимних пальто.
Как исчезли мы в пекле,
И не видел никто.

Я грущу о зажиме
Чрезвычайной тоски,
Как при старом режиме
Вашей белой руки.

Вспомнить — сажей несметной
Так и застится высь.

— Да была ли бессмертной
Ваша личная жизнь?
Есть ли Вечная запись
В Книге Актв благих?

— Только стих.
Доказательств
Больше нет никаких.

ВАГОН

Когда я уронил себя
Лицом в ладони
При свете лампочки ночной
В ночном вагоне,
Когда я гордость потерял,
А ты не знала,
Наш паровик то в ночь нырял,
То в день вокзала.
Ребенок плакал в тишине,
Вдруг наступавшей...
Всей жизнью ты казалась мне
Моей пропавшей.
Когда я оторвал от рук
Лицо под утро,
В окне синело. Все вокруг
Шептало смутно.
Кондуктор шел. За ним вослед
Цыганок очи...
Мне было девятнадцать лет
В такие ночи!
Одна сказала: «Слушай, князь,
Дай погадаю»...
Я улыбнулся, поклонясь:
«Уже все знаю».
И долго ей глядел вослед
Тепло и мудро...
Мне было девятнадцать лет
В такое утро!
Не плакал мальчик на руках,
А, рот разиня,
Смотрел, как мчалась,
Вся в снегах,
В гудках,
Россия.
Шел день, наращивая пыл
От полдня к полдню...
Тебя, соседей позабыл.
Цыганку помню.

1967

УКАЗ ПЕТРА

Незаконнорожденных записывать
в художники.

Петр I

Забавна эта мысль Петра.
Но сколь мудра и величава,
Пронзающая до нутра,
Смешная с первого начала.

Мне интересен лик его
В тот миг, когда он быстро взвесил
Все «да» и «нет» до одного.
Он был тогда угрюм иль весел?

Он, может, так захохотал,
Что терем колоколом грянул,
А может быть, чертеж скатал
В трубу подзорную и глянул?

И увидел, как на страду,—
По всем колдобинам России,
С холстом и кистью не в ладу,
Идут внебрачноприжитые.

И, маясь дивною судьбой,
Находят лад, и знаменито
Всей неприкаянной гурьбой
Грехи отмаливают чьи-то.

Пусть в нас иной, несхожий пыл
Великой волею заронен,
Нам надо помнить, как он был,
Художник русский, узаконен.

1964

* * *

Художник выставлял тела, плоды, ручки,
Которые писал близнец не знаю где.
Он выдавал его картины за свои,
А сам его держал на хлебе и воде.

Легенда хороша... Она седым-седа.
Флоды, ручьи, тела... Богиня хороша.
Но ради двух-трех слов восторга и суда
Как мается душа, как мается душа.

1973

ЦИКА ДЫ

Я думал — рассветные птицы поют,
А это цикад свиристенье.
Внушает им пенье их темный уют,
Дрожащие ночью растенья.

А я пробудился. Как будто в окне
Большая заря наставала.
А было черно. И подумалось мне:
Лишь этого недоставало.

Но так и случилось. В оконный проем
Шумели кусты-невидимки.
И думал я долго о прошлом твоём,
Что в бедной скрывается дымке.

От этого зябко щемило в груди
И будущее закрывалось
Все тем, что угасло давно позади,
Но все ж позади оставалось.

И всю эту влажную южную ночь
С открытыми спал я глазами.
И было уже мне мириться невмочь
С бездомными их голосами.

Но вот они смолкли, зажав в кулачке
Рассветной росинки монету...
И снилось тебе о домашнем сверчке,
Которого все еще нету.

1963

ДЕВЯТОЕ МАЯ

У сигареты сиреневый пепел.
С другом я пил, а как будто и не пил.
Как хорошо на зеленой земле —
Небо в окне и цветы на столе.

У сигареты сиреневый пепел.
С братом я пил, а как будто и не пил.
Пил я Девятого мая с Вадимом,
Неосторожным и необходимым.

Дима сказал: «Почитай-ка мне стансы,
А я спою золотые романсы,
Ведь отстояли Россию и мы,
Наши заботы и наши умы».

У сигареты сиреневый пепел.
С другом я пил, а как будто и не пил.
...Как вырывались сирени из рук
У матерей, дочерей и подруг...

Мы вспоминали черты и детали.
Мы Боратынского долго читали
И поминали почти между строчек
Скромную песенку «Синий платочек».

У сигареты сиреневый пепел.
Жалко, что третий в тот день с нами не пил.
Он под Варшавой остался лежать.
С ним мы и выпили за благодать.

1971

* * *

Мне не может никто и не должен помочь,
Это ты понимаешь сама.
Это ранняя рань, это поздняя ночь,
Потому что — декабрь и зима.

Это скрип одиноких шагов в темноте.
Это снег потянулся на свет.
Это мысль о тебе на случайном листе
Оставляет нечаянный след.

А была у тебя очень белая прядь,
Потому что был холод не скуп.
Но она, потеплев, стала прежней опять
От моих прикоснувшихся губ.

Ты шагнула в квадратную бездну ворот.
Все слова унеслись за тобой.
И не смог обратиться я в тающий лед,
В серый сумрак и снег голубой.

Я забыл, что слова, те, что могут помочь,—
Наивысшая грань немоты.
Это ранняя рань, это поздняя ночь,
Это улицы, это не ты.

Это гром, но и тишь, это свет, но и мгла.
Это мука стиха моего.

Я хочу, чтобы ты в это время спала
И не знала о том ничего.

1974

* * *

Ты говоришь, что все дела:
Тянуться вверх, идти на дно.
Но ты со мною не пила
Мое печальное вино.

Мне интересен человек,
Не понимающий стихов,
Не понимающий, что снег
Дороже замши и мехов.

И тем, что — жизнью обделен!
Живет, лишь гривной дорожа,
Мне ближе и больнее он,
Чем ты, притвора и ханжа.

Да и пишу я, может быть,
Затем лишь, бог меня прости,—
Чтоб эту стенку прошибить,
Чтоб эту душу потрясти.

1975

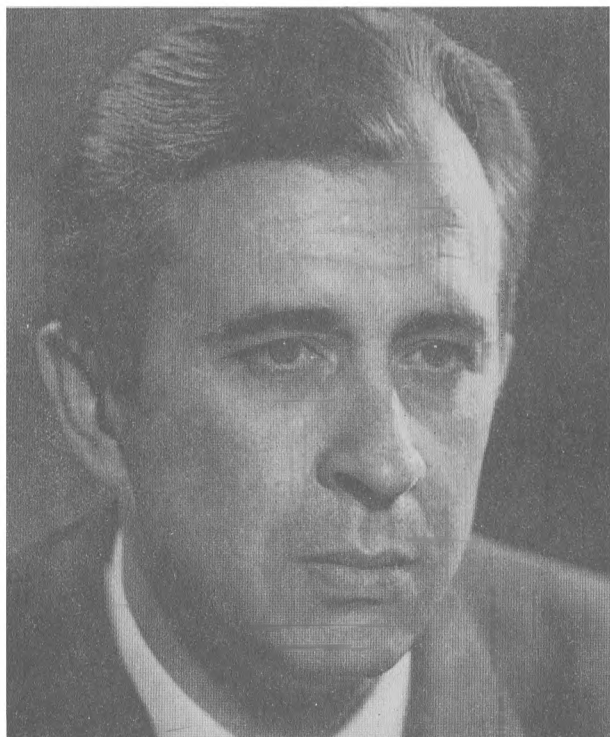
* * *

Пусть я довольствовался малым:
Надземным небом и самой
Подверженной боям, и шквалам,
И снам, и радугам земель,—

Из глубины, из бесконечной
Сердечной, тайной глубины,
Глаза задумчивости вечной
На Млечный Путь устремлены.

1959

Анатомии
Хирургии

Анатолий Владимирович Жигулин родился 1 января 1930 года в Воронеже; отец — почтовый служащий, выходец из крестьянской семьи; мать — правнучка поэта и «первого декабриста» В. Ф. Раевского, который в сибирской ссылке женился на бурятке.

Раннее детство Анатолия Жигулина прошло в воронежском селе Подгорное, школьные годы — в Воронеже. Во время Великой Отечественной войны он несколько месяцев жил в трудных условиях прифронтовой полосы.

В 1949 году стихи студента Лесотехнического института Жигулина появились в воронежской печати. Но вскоре после этого его постигло тяжкое несчастье: по ложному обвинению он был осужден и пять следующих лет провел на Колыме и в Прибайкалье, работая на строительстве дорог, в рудниках, на лесоповале.

В 1956 году необоснованные обвинения были сняты, и Анатолий Жигулин вернулся в Воронеж, а в 1963-м переехал в Москву, где живет и поныне.

Первая книга Анатолия Жигулина вышла в 1959 году в Воронеже, но зрелые его стихи, в которых он действительно обрел свою собственную поэтическую дорогу, были созданы позднее, во второй половине 1960-х годов, и вошли, в частности, в его книгу «Прозрачные дни» (М., 1970).

ПОЛЕ БОЯ

О поле боя, поле боя!..
Воронеж. Мне двенадцать лет.
И солнце светится рябое
На змейках пулеметных лент.

Нам повезло невероятно,
Растаял снег, ушла зима.
Винтовочных и автоматных
Патронов всюду
Просто тьма.

Там был один окоп оплывший.
И в нем, откинувшись назад,
Стоял, как памятник, —
Застывший,
Погибший осенью солдат.

Худой, остриженный, белесый...
И прямо в середину лба
Осколком черного железа
Его отметила судьба.

Немая горечь той картины
Из детской памяти ушла,
Но, словно взрывом старой мины,
Сегодня сердце обожгла.

...Я вижу вновь перед собою,
Уже не в детстве — наяву,
То роковое поле боя,
Сухую, ржавую траву.

И понимается до боли,
До горьких дум в конце пути,
Что жизнь —
Она как это поле,
И надо поле перейти.

УТИНЫЕ ДВОРИКИ

Утиные Дворики — это деревня.
Одиннадцать мокрых соломенных крыш.
Утиные Дворики — это деревья,
Полынная горечь и желтый камыш.

Холодный сентябрь сорок пятого года.
Победа гремит по великой Руси.
Намокла ботва на пустых огородах.
Увяз студебеккер в тяжелой грязи.

Утиные Дворики...
Именем странным
Навек очарована тихая весь.
Утиные Дворики...
Там, за курганом,
Еще и Гусиные, кажется, есть...

Малыш хворостиной играет у хаты.
Утиные Дворики.
Вдовья беда.
Всё мимо
И мимо проходят солдаты.
Сюда не вернется никто никогда.

Корявые вербы качают руками.
Шуршит под копной одинокая мышь,
И медленно тают в белесом тумане
Одиннадцать мокрых
Соломенных крыш.

1966

* * *

Лает собака с балкона,
С девятого этажа,
Странно и беспокойно
Вдруг встрепенулась душа.

Что ты там лаешь, собака?
Что ты мне хочешь сказать?
Кто-то высоко, однако,
Вздумал тебя привязать!

Падает снег осторожно
В белые руки берез...
Но почему так тревожно
Лает привязанный пес?

Вспомнилась черная пашня,
Дальних собак голоса,
Маленький одноэтажный
Домик, где я родился.

1969

ДИРИЖАБЛЬ

Один и тот же незабываемый
Я вижу полдень вдалеке;
Бегу босой по теплым плитам
К нагретой солнечной реке.

Туда, где лодки пахнут краской,
Где на лугу стоит яхт-клуб,
Где довоенный мост Чернавский
С перилами из старых труб...

И все доступно,
Все открыто,
И ничего еще не жаль.
И надо мной плывет, как рыба,
Огромный сонный дирижабль.

Куда он плыл светло и прямо —
На дальний полюс, на парад,—
Забывший, вымерший, как мамонт,
Несовершенный аппарат?

Канатов черные обрывки
Под ним чертили высоту.
И было видно на обшивке
Ряды заклепок
И звезду.

Он пролетел над лугом желтым,
Где в лужах светится вода,
И утонул за горизонтом
В дрожащей дымке —
Навсегда.

А я его так ясно помню.
А я всю жизнь за ним бегу.
В мир непонятный
И огромный
С былинкой тонкой на лугу.

1966

* * *

Вот и снова мне осень нужна,
Красных листьев скупое веселье,
Словно добрая стопка вина
В час тяжелого, злого похмелья.

Вот и снова готов я шагать
По хрустящим бурьянам за город,
Чтобы долго и жадно вдыхать
Этот чистый целительный холод...

Тяжелее струится вода.
Горизонт недалек и прозрачен.
И полоскою тонкого льда
Тихий берег вдали обозначен.

А вокруг ни единой души.
И обрывы от инея белы.
И в заливе дрожат камыши,
Словно в сердце вонзенные стрелы.

1967

УГЛЯНЕЦ

За стылым лесом, за болотом,
Где сизый дым в траву упал,
Ходили куры под заплотом
Из старых прокопченных шпал.

Еще там мельница стояла —
Четыре сумрачных крыла.
И сено желтое пылало
На взгорке около села.

Мы просто мимо проходили.
Был виден домик и заплот.
И весело зенитки били
В большой зеленый самолет.

И не попали, не попали,
Хотя так низко он летел!
И черные дымки пропали
Вдали, где ельничек редел.

И плечи тер тяжелый ранец,
И на ходу сказали мне,
Что рядом здесь село Углянец,
Оно осталось в стороне.

Лишь помню руки сбитых веток,
Шальную кошку на избе.
Да был ли он, Углянец этот,
Когда-нибудь в моей судьбе?

Но в памяти, где брезжит юность,
Все догорает тот стожок,
Который там
Тот самый «юнкерс»
Своими пулями зажег.

1969

* * *

Тихое поле над логом.
Чистый холодный овес.
И за обветренным стогом
Рощица тонких берез.

Родина! Свет предосенний
Неомраченного дня.
Желтым потерянным сеном
Чуть золотится стерня.

Бледные ломкие стебли
Жмутся к косому плетню.
Эту неяркую землю
Каждой кровинкой люблю.

Если назначена доля
Мне умереть за нее —
Пусть упаду я на поле,
В это сухое жнивье.

Чтобы уже не подняться,
Чтобы в последней беде
Нежно щекою прижаться
К пыльной сухой борозде.

1969

* * *

Зеленые дали померкли.
Но осень суха и чиста.
По старой разрушенной церкви
Узнаю родные места.

Динамик гремит у дороги
О первых полетах к Луне.
Давно позабыли о боге
В родимой моей стороне.

Трава зеленеет привольно
В проломах заброшенных стен.
Взбираются на колокольню
Рогатые черти антенн.

И только у края покоса
Над желтой осенней парчой
Тревожно мерцает береза
Нетянувшей тонкой свечой.

1969

* * *

Заколоченные дачи.
Дятел будит тишину.
Талым снегом сосны плачут,
Чуют близкую весну.

И идет со мной Татьяна
И о чем-то говорит.
Это весело и странно
Называется — «кадрит».

Эх, Татьяна! Хвостик рыжий,
Челка лисьего огня.
Ни черта не закадришь ты
Волка старого — меня.

Это все когда-то было:
И ресницы и глаза.
Это все, как прежде, мило
Жаль, что вечно так нельзя.

Жаль березу, ту, чье семя
Пало в снежную постель...
Жаль, что время, время, время
Разбивается в капель.

1967

* * *

Игрушечной нашей любви
Слегка не хватало печали...
И синие чайки кричали.
И сонные сосны качали
Над нами вершины свои...

А впрочем, была и печаль,
Как это притихшее море,
Как музыка
В Домском соборе,
Когда забывается горе
И кажется:
Жизни не жаль.

А после
Была и тоска,
Глухая, как поздняя осень,
Когда необуздан и грозен
Прибой из волны и песка.

А что еще нужно душе?
Немного любви
И тревоги,
Немного листвы на дороге
И ветра в сухом камыше.

Но главное — эта печаль,
Как тихое, кроткое море,
Как музыка
В Домском соборе,
Когда забывается горе
И кажется:
Жизни не жаль.

1974

ИРИНЕ

В тумане плавают осины.
И холм маячит впереди.
Неудивленно и несильно
Дрожит душа в моей груди.

Вот так, наверно, и застыну,
И примет мой последний взгляд
Морозом схваченную глину
И чей-то вырубленный сад.

Издали, из тьмы безгласной,
Где свет качается в окне,
Твой лик печальный и неясный
На миг приблизится ко мне.

Уже без вдоха и без мысли
Увижу я сквозь боль и смерть
Лицо, которое при жизни
Так и не смог я рассмотреть.

1967

* * *

Мелкий кустарник,
Сырая осина,
Синие ветки
В лесной полосе.
Тонкая, легкая
Сладость бензина
После заправки
На раннем шоссе.

А впереди
Догорают березы.
Черная елка,
Сосна и ольха.
Тихое солнце
Глядит на покосы,
На побелевшие
За ночь луга.

Утренний иней,
Конечно, растает.
Снова откроется
Зелень травы.
Словно опять
Ненадолго настанет
Легкое время
Беспечной любви.

Милая женщина,
Грустная птица!
Все в этой жизни —
До боли всерьез.
Сколько еще
Оно может продлиться,
Это дыхание
Желтых берез?

Сколько еще
За твоими глазами
В кружеве этой
Последней листвы
Там, впереди,
За полями, лесами —
Жизни, печали,
Дороги, любви?..

* * *

День ни солнечный,
Ни пасмурный —
Как несмелая любовь.
Ни кораблика,
Ни паруса.
Словно музыка без слов.

Хвойной сушью
Мягко выстлана
В сонных дюнах тишина.
Легкомысленно,
Безмысленно
На песке шуршит волна...

И почти невыразимая
Начинается с утра
Предосенняя,
Предзимняя,
Предпечальная пора...

Улетят в воспоминания —
Ни забыть,
Ни передать —
Наши тихие гуляния,
Золотая благодать...

Только музыка прощальная
Все же внятно говорит,
Что совсем не беспечальная
Нам разлука предстоит.

Что когда-то
Каждый клеточкой
О последнем этом дне
Дрогнет сердце
Хрупкой веточкой,
Как от ветра на сосне.

1974

* * *

Как жалобно ястреб кричит
На этой опушке глухой.
И ветер полынью горчит
И трогает вереск сухой.

Здесь черные листья дрожат
На старых кустах бузины.
Здесь черные гильзы лежат
В окопах последней войны.

Как много простора для глаз!
Какое безлюдье кругом!
И снова в назначенный час
За лесом гремит полигон.

И клочья колючей стерни
Взлетают над полем седым.
И давние горькие дни
Напомнил тротилловый дым...

А к ночи — опять тишина.
Лишь ветер гуляет в бору.
Как будто уснула война
И снова проснется к утру.

1971

* * *

Послевоенная Россия,
Буханка хлеба — сто рублей.
Но если бы сейчас спросили,—
Дней не припомню веселей.

Наверно, жизнь лишь в раннем детстве
Так первозданна и свежа,
Что никаких утрат и бедствий
Не хочет принимать душа.

Я убегал тогда с урока
В запретный ельник за селом.
И ржавый танк с пробитым боком
Не увезли в металлолом.

Над обездоленной равниной
Дымок струился от села.
И блиндажей сырая глина
Еще травой не заросла.

Но я судьбою был доволен,
И сердце прыгало в груди.
И жизнь весенним теплым полем
Еще синела впереди.

1969

* * *

Воронеж, детство, половодье.
Зеленый плавающий лед.
И солнце держит за поводья
Над белой тучкой самолет.

Военный — маленький, двукрылый,—
Защита грозная страны...
А вдалеке за рощей стылой
Поля озимые видны.

Там, за рекой, село Придача
За гулкой дамбой,
За мостом.
И церковь белая маячит,
Блестит серебряным крестом.

И тихий звон летит по свету,
В упругом воздухе плывет.
И знаю я,
Что бога — нету...
И кружит в небе самолет...

И жизнь моя еще в начале,
И даль аукает: «Иди!...»
И нет ни бога,
Ни печали.
И все, что будет,—
Впереди.

1972

* * *

О жизнь! Я все тебе прощаю.
И давний голод в недород,
И что увлек меня, вращая,
Большой войны круговорот.

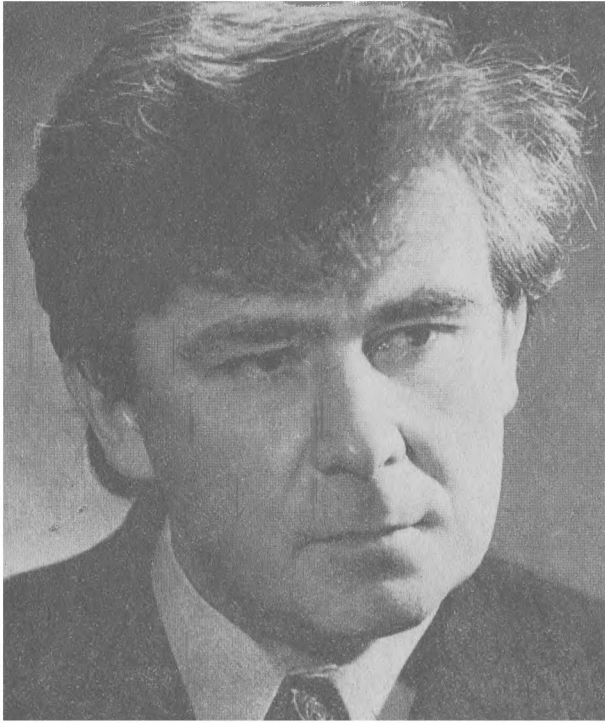
Прощаю бед твоих безмерность —
Они устроены людьми.
Прощаю, как закономерность,
Измены в дружбе и в любви.

Для всех утрат, былых и близких,
Я оправданий не ищу,
Но даже горечь дней колымских
Тебе я все-таки прощу.

И только с тем, что вечно стынуть
Придется где-то без следа,
Что должен я тебя покинуть,—
Не примирюсь я никогда.

1965

Тед
Тордовский

Глеб Яковлевич Горбовский родился 4 октября 1931 года в Ленинграде, в семье учителей. Отец — из псковских крестьян, мать — дочь известной коми-зырянской просветительницы Агнии Данщиковой.

С шести лет рос без отца. Накануне Великой Отечественной войны уехал на лето к родственникам на Псковщину и оказался в тяжелейших условиях оккупации. Бродяжничал, был малолетним батраком в Прибалтике. После войны учился в Ленинграде в ремесленном училище, служил в армии. Работал столяром, слесарем, грузчиком, а затем несколько лет провел в трудных геологических экспедициях на Сахалине, Камчатке, в Якутии и Средней Азии.

Писал стихи с пятнадцати лет, печатается с 1955 года, первая книга вышла в 1960 году в Ленинграде.

* * *

Местопребывание — Земля.
Времяпровождение — Эпоха.
Поиграю в реки и поля
до поры, пока не станет плохо.
Заночую будущей весной
на уютном кладбище России.
И склонится ветка надо мной,
как-то вдруг по-женски обессилив.
А потом я встану, но не я,
и опять возрадуюсь погоде,
и моя веселость, не моя,
растворится музыкой в народе.

1963

* * *

Я пойду далеко за дома,
за деревню, за голое поле.
Мое тело догонит зима
и снежинкою первой уколет.

Заскрипит на морозе сосна,
под ногами рассыплется лужа.
Станет нежною сказкой весна,
станет былью жестокою стужа.

Буду я поспешать, поспешать.
Будут гулко стучать мои ноги.
А в затылок мне будет дышать
леденящая правда дороги.

1965

* * *

Окутали тело могилой,
на память оставили крест.
И черные сучья-стропила
дубы распростерли окрест.

А где-то в тумане России,
по-прежнему страшно спеша,
в ботинках на толстой резине
его пропадает душа...

1965

НА ТАНЦАХ

Ты — танцуешь! А юбка летает...
Голова улеглась на погон.
И какая-то грусть нарастает
с четырех неизвестных сторон...

Бьет отчаянно в литавры мужчина.
Дует женщина страшно в трубу.
Ты еще у меня молодчина,
что не плачешь, кусая губу.

Офицерик твой, пыль поднимая,
спинку серую выгнул дугой.
Ничего-то он, глупый, не знает,
даже то, что он вовсе — другой...

1962

* * *

И все-таки в пекло, и все-таки в гущу!
Ныряю в вулкан, и варюсь, и варюсь...
Я буду стрелять, если в выстреле сущность,
с улыбкой умру за Советскую Русь.
Но я догадаюсь, но я разберусь...
Я вырос на солнце, на трупах, на каше
и так же, как век,— человечен и страшен.

1962

НАД ВОЛГОЙ

Встает ограда. А за нею —
займется дух от красоты
и высоты. И вдруг виднее,
в какое счастье брошен ты!
А Волга пахнет расставаньем
и Русью пахнет... И она
в глаза веснушчатого Вани
до синя моря влюблена.
Стоит он, вымазанный солнцем...
И, рассекая синь небес,
под ним Земля его несется,
полным-полна — его чудес.
...Его ветрами облизало,
его — как факел голова.
Еще Россия не сказала
свои последние слова!

1962

* * *

Разорву воротник. Приспособлю под голову кочку.
В рот налью ледовитой небесной воды.
Я сегодня устал. Я едва дотащился до ночи.
Капли пота, как птицы, в колючих кустах бороды.
Я пишу эту песню широким размером сказаний.
Это зрелый размер. Это говор дремучих лесов.
Я на солнце смотрю раскаленными злыми глазами,
а затем закрываю глаза на железный засов.
И живу. Тишина. Только кровь куролесит.
Зверь обходит меня. Облетает меня воронье.
Я серьезен. Я камень. Я все перетрогал и взвесил.
И всего тяжелее — раздетое сердце мое.

1962

ГОЛЫЕ СТЕНЫ

Свежевозведенных голых стен
не боюсь.
Жалею, что — безлюдны.

Сунешь в печку парочку полен,
стол внесешь, подышишь —
и уютно.
Я боюсь в оправе паутин
голых стен
с торчащими гвоздями,
с пятнами от выгнанных картин,
комнаты с ушедшими страстями,
комнаты с намеками на быт,
без обычных запахов домашних,
комнаты, где гривенник забыт
на паркете —
маленький и страшный.

* * *

В саду цветы полузавяли.
Еще немного — и мертвы.
Меж туч светило, как в провале,
моей не греет головы.
Боюсь осенних помрачений,
когда вот-вот — и грянет снег...
Боюсь, как всякий злой, вечерний
и одинокий человек.

1960

* * *

Пласты былого: залежи тревог,
трезвон потех, надежд испепеленье...
Отныне будет солнцу не кивок,
а медленное, длинное моленье.
Уже любое утро точно май.
Любая зорька — праздником зовется.
Все сочтено... Секунды не сломай,
побереги: она дороже солнца.
Ты руки протяни своим друзьям,
что остаются странствовать по свету...
И не скули. Ты понимаешь сам:
есть только время.
Нас с тобою — нету.

1970

* * *

Как все — во времени сгорая,
с утра и до заката дня
одну молитву повторяю:
«Пойми меня! Пойми меня...»

А ты киваешь в знак согласия,
пьешь молоко, кричишь: «Привет!»
И все сомненья ручкой гасишь:
махнешь рукой — и мнений нет!

А я и ночью из-под крыши
кричу из своего угла:
«Пойми меня!» А друг не слышит,
но я-то верю: поняла!

И, просыпаясь на рассвете,
друг друга зрением слепа,
мы обнимаемся, как дети,
и говорим: «Люблю тебя...»

И пусть не сразу, понемногу,
свои печали хороня,
уже молюсь тебе, как богу:
«Прости меня... Прости меня!»

1969

* * *

Стареют прежде руки.
Мы их видим.
Лицо — нам заменяют зеркала.
В обратном, искаженном, плоском виде
зеркальной сказкой молодость прошла.

А руки...
В шрамах, в линиях, в узорах,
в подробностях —
они и в смертный час,
уложенные накрест перед взором,—
последнее, что видит влажный глаз.

1978

* * *

Ворвалась внезапная осень.
Весь мир обложили дожди.
Куда меня ветер забросит?
Остались какие пути?
До солнца? — попробуй дойди.
До сердца? — но эта дорога
почти что до самого бога.

1962

КУРГАН

Просто выпуклость на равнине
да цветы на ней ярче, выпуклей...
У сосны, что спит на вершине,
точно волосы — иглы выпали.
А внутри кургана — спокойствие.
Человек лежит, не шевелится.
А когда-то ему было свойственно
из горбатого лука целиться;
разрывать врага на опушке
за две ножки, аки — лягушку;
наводить слезу на округу,
точно паводок или вьюгу.
И у пленниц-иноплеменниц
брать невинность, словно повинность...

...В синий вечер курган как камень,
да сосна на кургане стынет.
Наслоилось время веками,
навалилось и — не отхлынет.
И, повитый колючей славой,
спит мужчина, землю курганя...
А над ним ромашки как саван
и звезда загорелась ранняя.
Будет осень над ним, а после
снег как саван... И вновь — ромашки.
И крестьянин в белой рубашке —
косит, косит...

1963

ПАМЯТИ
НИКОЛАЯ РУБЦОВА

В березовой рубахе,
в душистых сапогах
идет полями пахарь
с букетиком в руках.

Несет своей любимой
свой васильковый смех...
И вдруг — проходит мимо
ее, меня и всех...

Идет, уходит пахарь.
Дай бог ему — всего...
И пролетают птахи
сквозь тень и плоть его.

1971

БЫТЬ

Не убивать, не врать, не красть,
не соблазнять жену чужую,
не баламутить носом грязь —
все это можно зачастую...

И даже ближнему помочь,
и даже зверя не ударить,
и даже с тем, что скоро ночь,
смириться, вывесив фонарик...

Как много может человек,
танцуя в воздухе морозном.
(А что Земля, как не ночлег
на перепутье в танце звездном?)

...Но как же трудно в шесть утра
подняться в сорок лет с улыбкой!
Потом, когда трамвай, жара,—
беззлобно плавать свежей рыбкой;

добыв еду, уняв печаль,
пригрев любимую на грудке,
пить перед сном безгрешный чай,
чтоб ощутить весну — в желудке!

И видеть небо, видеть пасть
последней двери... Видеть космос...
А не убить, а не украсть —
ах, боже мой, как это просто!

1973

* * *

Рябило в глазах от мелькавшего хлама:
то вспыхнет вершина, то явится яма,
то венчик победы, то холмик утраты.
Людовики, Карлы, а вслед им — Мараты.
Все было, все было... И вдруг осенило:
есть высшая доля,
есть высшая сила!

Знобило, коверкало, гнуло, ломало.
По праздникам мысль о тщете донимала.
Писались прощальные письма и песни.
Два слова под черепом ныли: «А если...»
Кукожилась воля... И вдруг — отпустило:
есть высшая доля,
есть высшая сила!

Любовь оставляла. И в ночь воровато
сквозь щели событий тащилась куда-то.
Но вера под звезды карабкалась все же,
миры недоклеванным сердцем тревожа!
И жизнь возвращалась, и свечи гасила.
Есть высшая доля,
есть высшая сила!

Вот так и толкуем о жизни, о гробе.
Сдаем свое тело, как плащ в гардеробе.
Но все ж и тогда — перед дальней дорогой —
душе, по краям запотевшей тревогой,
является птичка, что в будни сквозила:
есть высшая доля,
есть высшая сила!

1976

* * *

Мир появленья плоти из-под снега,
рывка растенья в сторону небес!
Благословенна русская телега,
ее скрипенье, вторгшееся в лес.
И вновь мужик бушует с кнутовищем,
а сивый мерин ухом не ведет.
И снова птица праздничная свищет,
и снова солнце празднество блюдет.
А города, далекие от леса,
особняком камня сочленя,
не вызывают больше интереса
ни у моей души, ни у меня.
Наверно, я задуман был иначе:
лохматым кедром, серым валуном,—
не человеком...
Вот стою и плачу.
И никакого смысла в остальном.

1963

* * *

Это всё деревья на ветру
на ухо навывли, точно волки,
что я в одиночестве умру
где-нибудь у пристани на Волге.
Заливная рослая трава,
дебаркадер, стонущие сходни...
Две печали — Волга и Нева —
овладели памятью сегодня.
Потонуло детство на Неве,
а на Волге — юности не стало...
Это ветер мечется в листве,
это звон зеленого металла.
На заре отвалит пароход,
три гудка — взвоятся и растают.
Никаких лирических невзгод,
голова счастливая, пустая.
Словно крылья реют берега.
За кормой, как прошлое, клубится
голубая русская река,
приглашая вечности напиться.

1964

Станислав
Кунцев

Станислав Юрьевич Куняев родился 27 ноября 1932 года в Калуге. Его дед А. Н. Куняев, происходивший из старинного татарского рода, был видным земским врачом в Нижнем Новгороде, мать — также врач; отец, преподаватель истории, погиб во время ленинградской блокады. Детство и юность поэта прошли в Калуге. В 1951 году он поступил в Московский авиационный институт, но через год перешел на филологический факультет Московского университета, который окончил в 1957 году. Три года работал в газете восточносибирского города Тайшет, а затем поселился в Москве и целиком отдался литературной работе. В 1960—1970-х годах Станислав Куняев объездил буквально всю страну от Прибалтики до Камчатки и от Памира до Печоры, что рельефно отразилось в его творчестве.

Впервые Станислав Куняев опубликовал свои стихи в 1956 году. Первую книгу издал в Калуге в 1960 году. Зрелость пришла к поэту во второй половине шестидесятых годов, когда он, в частности, отдал много сил гражданской лирике.

Лучшие произведения Станислава Куняева собраны в книге «Путь» (М., 1982).

* * *

Добро должно быть с кулаками,
добро суровым быть должно.

Ст. Куняев, 1959 г.

Постой. Неужто? Правда ли должно?
Возмездье, справедливость — это верно..
Пожалуйста. Но только не добро,
которое бесцельно и безмерно.

Недопустима путаница слов,
подмена силлогизмов и понятий,
когда итогом служит смерть и кровь,
число скорбей, количество проклятий.

Напрасны ухищрения ума,
напрасно страсть раскидывает пути —
добро первоначально, как земля,
и пишется «Добро» с заглавной буквы.

Неграмотные формулы свои
я помню. И тем горше сожаленье,
что не одни лишь термины ввели
меня тогда в такое заблужденье.

1965

* * *

Надо мужество иметь,
чтобы золото тревоги
в сутолоке и в морозе
не разменивать на медь.

Надо мужество иметь,
не ссылаться на эпоху,
чтобы божеское богу
вырвать, выкроить суметь.

Надо мужество иметь,
чтобы прочно раздвоиться,
но при этом сохраниться,
выжить, а не умереть.

1964

* * *

В юности
я сочинял стихи
о строительстве Гайшетской трассы...
Каменные статуи в степи
как-то показали мне хакасы.
Я спросил: какие племена
изваяли их? В какие веки?
Почему забыты имена?
Почему полузакрыты веки?
По ночам в степи черным-черно,
лишь ветра бормочут над полынью:
— Смертью не докажешь ничего!
Только жизнью, друг мой, только жизнью!

1974

* * *

Если жизнь начать сначала,
в тот же день уеду я
с Ярославского вокзала
в вологодские края.
Перееду через реку,
через тысячу ручьев
прямо в гости к человеку
по фамилии Рубцов...
...Я скажу: мол, нет покою,
разве что с тобой одним,
и скажу: давай с тобою
помолчим, поговорим.
С тихим светом на лице
он меня приветит взглядом.
Сядем рядом на крыльце,
полюбимся закатом.

1964

НОЧНОЕ ПРОСТРАНСТВО

Дитя сороковых годов,
птенец послевоенных улиц,
я видел много городов,
но мне они не приглянулись...
...И верно, потому что нет
такого места на планете,
где клином бы на белом свете,
как говорят, сошелся свет,—
я странным чувством полюбил
весь этот беспардонный табор,
в котором ел, с которым пил
и выходил очнуться в тамбур,
чтоб дверь тяжелую рвануть
и захлебнуться жарким ветром...
Куда ты?

Но не в этом суть,
и дело все-таки не в этом,
а в том, что к женщине одной,
к какому-то микрорайону,
с отяжелевшей головой
я шел по городу ночному.
Его окраина всегда
меня тревожила сознанием
того, что дикая трава
вплотную примыкает к зданьям,
что справа глина и бетон,
что где-то рядом запах поля,
клочок зари — ну, словом, воля,
переходящая в закон.
Но мой бессмысленный рассказ
так безнадежно затянулся,
а дело в том, что в этот раз
я заблудился и очнулся
среди крупноблочных корпусов,
занумерованных кварталов,
среди ободранных кустов
и бездыханных самосвалов
и вышел к яркому костру,
к каким-то людям молчаливым.
Они сидели на ветру,
и ветер бешеным порывом
из улицы, как из трубы,
ликуя, вырывался в поле,

свистел, и пламя золотое
сияньем озаряло лбы.
Под этот сумасшедший свист
я увидел с собою рядом
спокойный ряд усталых лиц,
очищенных огнем и мраком,
и понял, что и у меня
лицо почти иконописно
от пляски тени и огня...
Но было все-таки обидно,
что ночь с ее блестящей мглой
так коротка в середине лета,
что ореол над головой
всего лишь только до рассвета.

1966

* * *

В окруженье порожистых рек,
в диком мире гранита и гнейса,
как ни горько, но знай, человек,—
на друзей до конца не надейся.

Нет, не то чтоб не верить в друзей,—
мне по сердцу надежные души,—
но стихийные силы сильнее
самой нежной и преданной дружбы.

Рухнет камень, исчезнет стезя,
друг протянет бессильную руку.
Так не порть настроения другу
и рассчитывай сам на себя.

Ах, так вот она правда и жизнь:
в жаркий полдень, в холодную полночь
всем, кто просит участия,— учись
помогать, не надеясь на помощь.

Но смотри: поскользнешься и ты
и услышишь, как в мире бескрайнем
говорят на краю темноты
ледяное дыханье воды
с человеческим жарким дыханьем.

1967

* * *

Листья мечутся между машин,
на колючем ветру коченеют,
Понимаю, как холодно им,
на глазах золотые чернеют.
Слава богу, я снова один,
словно в этом какое-то благо!
И смотрю, как из серых глубин
тихо сыплется серая влага.
Я наутро поймаю такси,
подниму воротник от прохлады
и шоферу скажу — отвези
на погосты Великой блокады.
Потому что в одной из могил
мой отец похоронен когда-то.
Неизвестно ни места, ни даты —
устанавливать не было сил.
А недавно в рязанском селе
были праздники в честь Руставели.
Гости прибыли навеселе,
отобедали, песню запели.
Вечерело. Накрапывал дождь
на разбитую сельскую церковь,
на Оку, на есенинский дом...
И, совсем в непогоду померкнув,
любопытные бабы в платках,
зябко пряча тяжелые руки,
с удивленьем в усталых глазах
молча слушали чудные звуки...
Как смогли вы, друзья, уберечь
за полторатысячелетье
эту древнегрузинскую речь, —
что ни время, ни пламя, ни меч
не развеяли в пепел наследье!
Что за песни! Какая судьба
донесла их до нашего края!
Репродуктор с вершины столба
что-то бодрое нес, не смолкая.
Я впадал окончательно в грусть,
на душе становилось постыло,
потому что беспечная Русь
столько песен своих позабыла!
Издали от низины пустой,
рассеченной осенней Окою,
тянет холодом и широтой
и последним движеньем к покою.

Над равниной плывут журавли,
улетают в горячие дали...
Вам спасибо, что вы сберегли,
нам спасибо, что мы растеряли.
Но зато на просторах полей,
на своей беспредельной равнине
полюбили свободу потерь
и смиренность, что пуще гордыни.

1967

* * *

Живем мы не долго,— давайте любить
и радовать дружбой друг друга.
Нам незачем наши сердца холодить,
и так уж на улице вьюга!

Давайте друг другу долги возвращать,
щадить беззащитную странность,
давайте спокойной душой прощать
талантливость и бесталанность.

Ведь каждый когда-нибудь в небо глядел,
валялся в больничных палатах.
Что делать? Земля наш прекрасный удел,
и нет среди нас виноватых.

1963

* * *

Ветер ладонями теплыми
гладит лицо, как слепой.
Женщина с полными ведрами
движется по мостовой.

Можно прожить припеваючи
в мире, довольстве, тепле.
Песня звучит вызывающе:
— Э-эх! По-о-тонула во мгле!..

* * *

Когда светила на́ небо взошли —
созвездья Скорпиона или Девы,
мы свой костер под дубом разожгли,
и пламя зашумело, загудело.

И вдруг перемигнулись два огня —
небесный пламень, недоступный, вечный,
и огонек, что около меня,
мой собственный, конечный, быстротечный...

...Смотри, что ты наделал, золотой,—
тьень от меня среди ночного мрака
качается лохматой головой
почти у края черного оврага.

Я упаду на землю до зари,
приснится сон, как будто бы летаешь...
А ты гори, мой маленький, гори
и радуйся, покамест не устанешь.

1968

ЗОЛОТЫЕ КВАДРАТЫ

Что же делать, коль неумогу
оставаться в больничной постели,
потому что березы в саду
так отчаянно ночью шумели,
говорили, что жизнь хороша,
что ее чудеса несказанны.
Но больница жила не спеша,
по разумным законам казармы...
...В темноте вдруг припомнилось мне,
как в далекое время когда-то
от проезжих машин по стене
плыли в ночь золотые квадраты.
Заплывали, как рыбы, в окно,
уплывали в пространства ночные...
Что-то я вас не видел давно,
где вы скрылись, мои золотые?..
Я прислушался к дальней грозе,
ощутил освежительный холод.

За углом рокотало шоссе,
чтобы утром насытился город.
Самосвалы построились в ряд,
надрываясь, режут на подъеме,
а березы — березы шумят
в невеселом оконном проеме.
Так шумят, погрузившись во мрак,
с горькой нежностью и трепетаньем,
словно скрасить хотят кое-как
наше равенство перед страданьем.

1967

* * *

Швеция. Стокгольм. Начало мая.
День Победы. Наше торжество.
Я брожу, еще не понимая
в иностранной жизни ничего.
Вспоминаю Блока и Толстого,
дым войны, дорогу, поезда...
Скандинавской сытости основа —
всюду Дело. Ну, а где же Слово?
Может быть, исчезло навсегда?
Ночь. Безлюдье. Скука. Дешевизна.
Этажи прижаты к этажу.
Я один, как призрак коммунизма,
по пустынной площади брожу.

1966

* * *

То ли у меня нелегкий глаз,
то ль судьба и без того слепая,
но боюсь к себе приблизить вас
и молчу, постыдно отступая.

Я не стану заводить друзей
и романов затевать не буду.
Новых мне не надобно теней,
тех, что есть,— никак не позабуду.

1977

* * *

Люблю эту милую станцию,
она затерялась в глуши.
Ну что же, поднимем расстанную
за вечную нежность души.

Люблю тишину полуночную,
сиянье зеленых берез,
звнящее эхо над рощею,
когда прогудит паровоз.

Когда-нибудь рощицу вырубят,
сведут до последнего пня,
дома крупноблочные выстроят,
но это уже без меня.

1965

ОЧЕНЬ ДАВНЕЕ ВОСПОМИНАНИЕ

— Собирайтесь, да поскорей!—
У крыльца застоялись кони —
ни в колхозе и ни в райкоме
не видал я таких коней.
Это кони страны НИГДЕ —
не достанешь рукой до холки,
а поповские сани ходки —
хоть скачи до Улан-Удэ.
Как страдал я о тех конях!
Кубарем открываю двери,
а они храпят, словно звери,
в гривах, в изморози, в ремнях.
Мать выходит на белый снег...
Мать, возьми меня прокатиться!
Двери хлопают, снег валится,
мне запомнится этот бег.
Что за кони!

В голодный год
вскормлены яровой пшеницей,
впереди — лейтенант возницей
хочет крикнуть: пади, народ!

Но молчанье стоит в селе,
в темных избах дети да бабы,
не видать им лихой забавы,
тонут избы в кромешной мгле.
Лезу в сено — как будто в стог.
Рядом подполковник Гаврилов,
следопыт, гроза дезертиров,
местный царь или даже бог.
Рвутся серые жеребцы,
улыбается подполковник,
разрывается колокольчик,
разливаясь во все концы.
В черных избах нет ни огня,
потому что нет керосина.
Справа-слева молчит Россия,
лихорадит радость меня.
Мчатся кони страны НИГДЕ.
Воет вьюга в тылу глубоком,
плачут вдовы в селе убогом...
Где же было все это? Где?
Погрохатывает война
за далекими за лесами,
по дороге несутся сани,
мутно небо и ночь мутна.

1963

ШАХМАТОВО

Напророчил пожар мировой,
не страшась ни огня, ни погрома.
Не с того ль зарастают травой
кирпичи легендарного дома?

Срок пришел отмечать юбилей,
но рассыпалась прахом ограда,
и шумят лопухи да пырей
на земле Соловьиного сада...

Но как дышит сырая земля,
как ползут из оврагов туманы,
и развезженная колея
вновь уходит в поля и поляны!

1978

* * *

Вековые деревья сплелись,
как враги или кровные братья,
запрокинули головы ввысь,
распахнули друг другу объятия.

Странный звук — и опять тишина...
Если можешь — спроси у собаки:
то ль вздохнула под ветром сосна,
то ли зверь оступился во мраке.

Ты подносишь ладони ко рту —
и раскатистый зов человека,
полный смысла, летит в темноту...
Но вернет тебе слабое эхо

только «а-а!», только «о-о!», только «у-у!».
А тайга обступила, нависла,
и согласные звуки, в траву
зарываясь, лишаются смысла.

А без них человечья молва
приближается к речи звериной...
Только «у-у!», только «о-о!», только «а-а!!»
догоняют косяк журавлиный.

1976

В КАЛЬКУТТСКОМ ХРАМЕ

Не много ль нас мучит тревог —
своих, европейских, всемирных?
Но ползают дети у ног
в старинных индусских кумирнях.
Старухи в алмазных колье
швыряют на землю монеты,
снимают на слайды калек
и шествуют прочь, как скелеты...
А я, мне казалось, навек
все должное миру отдавший,
вдруг вижу, что я — человек,
кому-то опять задолжавший!

Увы! Никакому уму,
 пожалуй, понять не под силу,
 как вышло, что лишь одному
 ты,
 время,
 нас не обучило:
 на горе чужое взирать
 сквозь глаз равнодушную прорезь...
 И новая тяжесть опять
 ложится на русскую совесть.

1979

* * *

Непонятно, как можно покинуть
 эту землю и эту страну,
 душу вывернуть, память отринуть
 и любовь позабыть, и войну.

Нет, не то чтобы я образцовый
 гражданин или там патриот —
 просто призрачный сад на Садовой,
 бор сосновый, да сумрак лиловый,
 темный берег, да шрам пустыковый —
 это все лишь со мною уйдет.

Все, что было отмечено сердцем,
 ни за что не подвластно уму.
 Кто-то скажет: — А Курбский? А Герцен? —
 Все едино я вас не пойму.

Я люблю эту кровную участь,
 от которой сжимается грудь.
 Даже здесь бессловесностью мучусь,
 а не то чтобы там где-нибудь.

Синий холод осеннего неба
 столько раз растворялся в крови —
 не оставил в ней места для гнева —
 лишь для горечи и для любви.

1969

* * *

В могилу поставили гроб,
осыпалась желтая глина,
и мне показалось, что скорбь
останется неутолима.
Но комья земли тяжело
обрушились, словно каменья,
и дождь перестал.

И пришло
нежданно для всех облегченье.
Я голову поднял —

в ветвях,
над свежим прибежищем праха,
кормила дите второпях
какая-то малая птаха.
Я все-таки тоже рожден
увидеть, как солнце блеснуло,
услышать, как теплым дождем
за ворот рубахи плеснуло!
Я так же, как всякий другой,
отмечен неярким величьем...
И слезы смешались с травой,
с листвою и с лепетом птичьим.

1964

* * *

Что ни делай — а жертве насилья
никогда не забыть о беде,
не расправить помятые крылья,
не предаться беспечной судьбе.

Что за дело умам любопытным?
Но уже шепоток за плечом,
словно связана чем-то постыдным
истязуемая с палачом.

Мир твердит, что страдание свято,
но в молчанье проходит она
и глядит на людей виновато,
словно чем-нибудь заклеямена.

1975

* * *

Чего нам не хватало на просторе,
 где столько сена, рыбы и зверья,
 где столько сини в человечесьем взоре,
 где столько милых запахов жилья.

Но как мы жили? Кто о том расскажет?
 Кто смог бы рассказать — давно умолк...
 Ленивыми крылами плавно машет
 тяжелый коршун...

Сел на свежий стог...

Цветочная пыльца плывет кругами
 по черным водам северной реки...
 Мне нынче хорошо и вольно с вами,
 охотники,

крестьяне,

рыбаки.

Вы обновили вековые стати
 семьи и быта, песни и любви,
 и вспоминать не время и нестати
 на чем — на почве или на крови.

А недруги, что отворяли жилы
 для этой крови...

Но река времен
 все унесла.

Мы выжили.

Мы живы,
 и вспоминать не будем их имен.

А наша кровь, густая, молодая,
 свернулась, извернулась, запеклась,
 и, раны полусмертные латая,
 мы поняли, что натрудились всласть,

что надо вспомнить о родимом доме,
 что черный пепел мировых костров
 ушел на дно, растаял в Тихом Доне
 и что не выкинуть из песни слов...

ПАМЯТИ ПОЭТА

Мы
были с ним знакомы,
как друзья.
Не раз
в обнимку шли и спотыкались.
Его дорога
и моя стезя
в земной судьбе
не раз пересекались.

Он выглядел
как захудалый сын
своих отцов...
Как самый младший,
третий...
Но все-таки звучал высокий смысл
в наборе слов его
и междометий.

Он был поэт;
как критики твердят,
его стихи лучатся добрым светом,
но тот,
кто проникал в тяжелый взгляд,
тот мог по праву
усомниться в этом.

В его прищуре
открывалась мне
печаль по бесконечному раздолью,
по безнадежно брошенной земле,—
ну, словом, все,
что можно звать любовью.

А женщины?
Да ни одна из них
не поняла его души, пожалуй,
и не дышал его угрюмый стих
надеждою на них
хоть самой малой.

Наверно, потому,
что женский склад
в делах уюта
и в делах устройства

внезапно упирался в этот взгляд,
ни разу не терявший беспокойства.

Лишь иногда
в своих родных местах
он обретал подобие покоя
и вспоминал
о прожитых годах,
как ангел,
никого не беспокоя.

Он точно знал,
что счастье — это дым
и что не породнишь его со Словом,
вот почему он умер молодым
и крепко спит
в своем краю суровом,
на Вологодском кладбище своем
в кругу теней
любимых и печальных...

А мы еще ликуем и живем
в предчувствии потерь
уже недалгих.
А мы живем,
и каждого из нас
терзает все, что и его терзало,
и потому,
пока не пробил час,
покамест время нас не обтесало,
давай пойдем,
что наша жизнь — завет,
что только смерть развяжет эти узы,—
ну, словом, все,
что понимал поэт
и кровный сын жестокой русской музы.

1972

СЛУЧАЙ НА ШОССЕ

Птица взмыла, но не удержалась —
видно, воздух исчез под крылом,
и вцепилась в стекло, и осталось
лишь пятно на стекле лобовом.

То, что — птица, я понял не сразу,
на баранке замлела рука.

Я попал на хорошую трассу —
можно выжать до ста сорока!

Что мне помнить какую-то птаху,
если надо глядеть да глядеть,
чтобы вдруг на обгоне с размаху
в голубой березняк не влететь.

Я — в машине, а значит, не волен
изменить предначертанный путь...
Как хотите, а я не виновен:
все равно бы не смог отвернуть,

потому что вдоль вешнего леса,
где ничто в этот миг не мертво,
с тяжким свистом несется железо,
попирая законы его.

1973

С Л О В О

Я так и не вспомнил, что было
на месте больших корпусов.
Как много душа позабыла
событий, людей, голосов!

Но вдруг на углу переулка
с названием, звучащим мертво,
из памяти вырвалось гулко
старинное имя его...

Старайтесь в угоду минуте,
спешите за временем вслед,
весь город переименуйте, —
слова выплывают на свет...

...Живое вершится живыми.
Клубится строительный дым.
Все верно. И все-таки имя
живет по законам своим.

Пускай, угрожая забвеньем,
свистит над кварталами снег,
но все, что утрачено зреньем,
останется в слове навек.

1968

* *

...На машине в полуденный зной
мы сквозь город Каган пролетали,
а Сережа сидел за спиной
и лениво играл на гитаре.
Но когда похоронный кортеж
показался из-за поворота,
инструмент, как веселый оркестр,
зазвенел, к изумленью народа.
Красный гроб проплывал на руках
по дороге, ведущей в пустыню,
где асфальт и железо в песках
перемешаны с нефтью и синью.
Сослуживцы майора брели
вслед за гробом походкою шаткой...
А Сережа запел о любви
и о жизни прекрасной и краткой.
Потому что он был молодым,
он закончил щемящим аккордом
и воскликнул: — Житуха — живым! —
Я добавил: — Прощение — мертвым...—
И кощунственный этот настрой
прозвучал неожиданно свято
над измученной зноем травой,
и над скважиною буровой,
и над вышкой с фигурой солдата.

1967

* * *

Ворона в пустоту небес
взлетела с почерневшей слезы,
а значит, и река и лес
задумались о первом снеге.

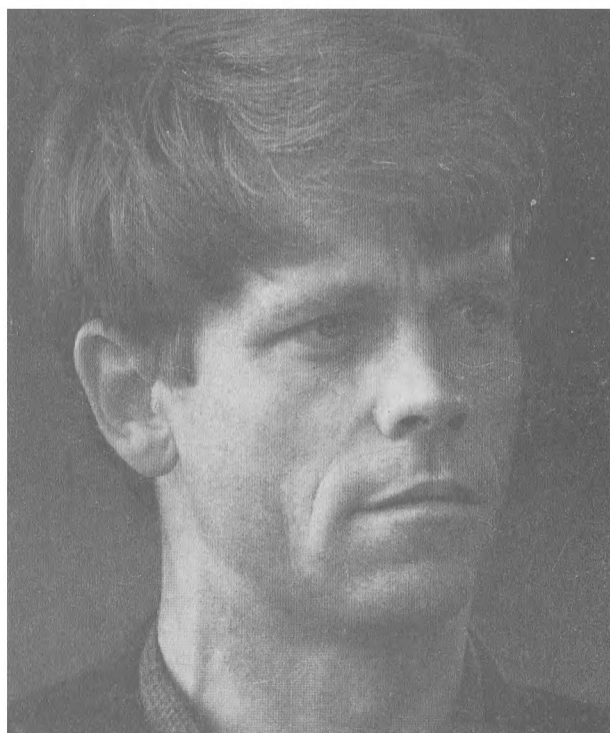
Последних пара лебедей
над тусклым плесом, над обрывом
на юг — от затяжных дождей —
уходит с гоготом счастливым.

В такие дни понять пора,
что рассветает слишком поздно,
недаром совесть до утра
всю жизнь перелистала грозно.

А что я ей скажу в ответ?
Она — моя, так пусть смирится!
Она моя... А если нет?
То — чья?.. Скорее бы рассвет
настал, чтоб жизнью оградиться.

1979

Анатолий
Передреев

Анатолий Константинович Передреев родился 18 декабря 1934 года в саратовском селе Новый Сокур, в крестьянской семье. Вскоре родители переехали в город Грозный, где и прошли детство и юность поэта. Окончив школу, Анатолий Передреев долго искал свою дорогу. Работал шофером, учился в Грозненском нефтяном институте; в 1953 году поступил на вечернее отделение филологического факультета Саратовского университета и одновременно работал на Саратовском химическом комбинате; затем трудился на стройке в Москве, служил в армии, был бетонщиком и монтажником на Братской ГЭС и т. п.

Стихи писал уже в отроческие годы, но печататься начал лишь двадцати пяти лет, в 1959 году. На следующий год поступил в Московский литературный институт. В 1964 году вышла его первая книга.

* * *

В этом городе, старом и новом,
Не найти ни начал, ни конца...
Нелегко поразить его словом,
Удивить выраженьем лица.

В этом городе, новом и старом,
Озабоченном общей судьбой,
Нелегко потеряться задаром,
Нелегко оставаться собой.

И в потоке его многоликом,
В равномерном вращенье колес,
В равнодушном движенье великом
Нелегко удержаться от слез!

Но летит надо мной колокольня,
Но поет пролетающий мост...
Я не вынесу чистого поля,
Одиноко мерцающих звезд!

1963

ОКРАИНА

Околица родная, что случилось,
Окраина, куда нас занесло,
И города из нас не получилось,
И навсегда утрачено село.

Взрастив свои акации и вишни,
Ушла в себя и думаешь сама,
Зачем ты понастроила жилища,
Которые ни избы, ни дома?

Как будто бы под сенью этих вишен,
Под каждым этим низким потолком
Ты собиралась только выжить, выжить,
А жить потом ты думала, потом.

Окраина, ты вечером темнеешь,
Томясь большим сиянием огней,
А на рассвете так росисто веешь
Воспоминаям свежести полей.

И тишиной, и речкой, и лесами,
И всем, что было отчею судьбой...
Разбуженная ранними гудками,
Окутанная дымкой голубой!

1966

ПЕХОТА 41-го ГОДА

Только выйду за ворота,
Только выбегу
И вот,
Вижу: движется пехота,
По бокам стоит народ...

За колонною
Колонна,
Колыхаются полки —
Непреклонные знамена,
Неуклонные штыки.

За шеренгою
Шеренга —
Грудь равняется на грудь —
Пылью светятся железной,
Потом, блещущим, как ртуть.

За винтовкою
Винтовка —
Монолитный взмах руки...
Алюминиевые только
Им мешают котелки.

Этих касок половодье!
Этих труб литая медь!..

Мне догнать бы их сегодня,
Прощаться бы успеть.

1971

ОБРУЧ

Я гнал его... Крутилось колесо...
Мелькало всё — заборы и деревья,
Околица — ни город, ни деревня,
И дом родной, и матери лицо...

Я гнал его по улице кривой,
Я весело бежал, не уставая,
И обруч мой звенел по мостовой,
Под обручем звенела мостовая.

И длился, и крутился этот звон...
Когда же вырос я и спохватился,
Мой обруч получил такой разгон,
Что долго впереди меня катился.

Все тоньше, тоньше пело колесо,
Все глуше отзывалась мостовая...
Все ближе, ближе улица кривая
И матери печальное лицо.

1961

* * *

Я жил свободно и открыто,
Я делал чистые дела.
И производственная крыша
Над головой моей плыла.
Она была как купол цирка,
Но не хватало высоты
Парам расплавленного цинка,
Удушью серной кислоты.
Но этот дым
И слово «вредник»
Я принимал без лишних слов
И нес брезентовый передник
Все шесть положенных часов.

И к вентиляторному ветру
Я прислонялся головой...
А на стенах — плакаты века,
Призывы, лозунги его.
Они в упор кричали:
— Выше
Производительность труда!..—
И жили голуби под крышей,
От снега спрятавшись туда.
Садилась голуби на фермы,
Роняли перья и помет
И падали, теряя формы,
Полет коверкая,— в пролет...
Как ветошь, тлело оперенье...
Но между цинковых чанов
Я нес брезентовый передник
Все шесть положенных часов.

1965

ПАМЯТИ ПОЭТА

Мы все, как можем, на земле поем,
Но среди всех — великих было мало...
Твоей душе, тяжелой на подъем,
Их высоты прозрачной не хватало.

Ты заплатил в своем начале дань
Набегу разрушительных глаголов,
И лишь лесов нетронутая даль
Тебя спасла от них, как от монголов.

Тебе твой дар простором этим дан,
И ты служил земле его и небу,
И никому в угоду иль потребу
Не бил в пустой и бедный барабан.

Ты помнил тех, далеких, но живых,
Ты победил косноязычье мира,
И в наши дни ты поднял лиру их,
Хоть тяжела классическая лира!

1967

Ночью отсветы-пожары
Мечутся в окне.
Это город гонит фары
Где-то в стороне.

Это все во мраке тонет,
Глохнет за стеной.
Ночью слышно: ветер стонет...
Это — надо мной.

1970

МЕРТВЫЙ САД

В саду безмолвья и беды —
От края и до края —
Деревьев черные ряды,
Процессия немая.

И в тишине его ветвей,
Во всей его округе
Воронье карканье слышней
И завыванье вьюги.

И где-то там, в глуши времен,
За стужей железной,
Он безмятежный видит сон,
Он слышит шум мятежный.

Там осеняет землю сад
Таинственной кущей,
Листвой, летящей наугад,
Оградою цветущей.

Он обнимает небосвод,
Звезду легко колебля...
И соловей его поет
Во мгле великолепья.

1971

ЛЕБЕДЬ У ДОРОГИ

Рядом с дымной полосой
Воспаленного шоссе
Лебедь летом и весной
Проплывает, как во сне.

Приусадебная заводь.
Досок выгнувший настил...
Кто сиять сюда и плавать
Лебедь белую пустил?

Целый день звенят колеса,
Накалясь от езды,
Щебень сыплется с откоса,
Доставая до воды.

Ничего она не слышит,
Что-то думает свое,
Жаркий воздух чуть колышет
Отражение ее.

То ли спит она под кущей
Ослепительного сна,
То ль дорогою ревущей
Навсегда оглушена.

То ль несет в краю блаженства
Белоснежное крыло,
Во владенья совершенства
Не пуская никого.

1970

* * *

Вот опять я у моря стою,
На краю плоскогорья...
Спойте, волны, мне песню свою,
Спой мне, море!

Только ты еще можешь одно
Позабить все печали.
Ты шумишь, как когда-то давно,
Как в Начале.

Ни безумья, ни хаоса нет
В нескончаемом хоре,
Только даль. Только музыка. Свет...
Спой мне, море!

Только ты остаешься собой,
И, не ведая страха,
Ты простором, волной, синевой
Бьешь с размаха...

1970

* * *

Ты умудрен и жизнью, и судьбой,
Ты одарен талантами счастливо,
Но почему так тяжело с тобой
Твоей жене
И другу так тоскливо?

Нет, ты не прячешь своего лица,
Оно всегда в известном окруженье,
Но никогда не ясно до конца,
Какое оно примет выраженье.

Ты знаешь, кто твой враг и кто твой друг,
Но безразличен и к врагу, и к другу
И опыт свой проносишь, как недуг,
На всех распространяя эту муку.

Так в чем же смысл всезнанья твоего,
И слуха изошренного, и зренья,
Когда ты извлекаешь из всего
Лишь тяжкий плод тоски и озлобленья?!

Идешь, удачей согнут, как бедой,
Своей печали сдавшийся на милость...
Давным-давно ты был самим собой,
Давным-давно лицо твое светилось.

1971

**ВОСПОМИНАНИЕ
О СТАРШЕМ БРАТЕ**

То ли сон о старшем брате,
То ли память детских лет:
Рук широкое объятие.
Португея. Пистолет.

Помню всё на цвет, на запах,
Помню, главное, на слух:
«Дан приказ ему на запад...» —
Песня слышалась вокруг.

С этой песней на неделю
Прибыл он под отчий кров...
С этой песней скрипнул дверью,
Слышу скрип его шагов.

Скрип сапог живого брата,
Уходящего от нас,—
Дан приказ ему на запад,
Дан приказ,
Приказ,
Приказ.

...Он успел из-подо Львова,
Первым принявший грозу,
Написать четыре слова:
«Был в бою, стоим в лесу...»

Не узнать мне, что с ним случилось
Во втором его бою,
Может, после не осталось
Даже леса в том краю...

Не воротится назад он,
Слишком столько долгих лет
Дан приказ ему на запад...
Португея... Пистолет...

1971

* * *

И вот луна над миром встанет,
И в дебрях каждого куста
Зашевелится ночь
И глянет —
Светла,
Таинственна,
Пуста.

Весь мир,
От звезд до лунных пятен,
Стоит
Прозрачен и велик,
Но каждый хруст его
Внезапен
И неожидан
Каждый крик.

...И в поле чистом,
В поле чистом
Над лунным сумраком дорог
Всю ночь
Проносится со свистом
Такой знобящий ветерок!

И вот
У края неба где-то
Взметнутся резко,
Напрямик
Два ярких,
Движущихся света,
И ночь раздвинется на миг.

И все
В ночной и одинокой
Душе моей
Очнется вдруг
И отзовется на далекий
Живой,
Работающий звук.

РАВНИНА

Еще во власти дня и шума,
Еще в усталости дневной,
Я шел за городом угрюмо,
Оставив город за спиной.

Я шел с самим собой сначала...
Но смутно слышал, как сквозь сон,
Что где-то музыка звучала,
Звала меня со всех сторон.

Все необъятнее, все шире
Росла звенящая волна,
Пока не понял я, что в мире—
Луна. Равнина. Тишина.

Что ночь блистает, серебрится,
Кусты и травы ослепя,
Что под луной ночная птица
Поет и слушает себя.

И, на равнину тихо выйдя,
В сиянье лунного огня
Со всех сторон, меня не видя,
Деревья смотрят на меня.

И все живет вокруг, толпится,
И по мерцающей земле
Идет ко мне, и прячет лица,
И вновь скрывается во мгле...

1968

* * *

Разбуди эту землю, весна,
Разбуди этот каменный город
Синевою, слепящей со сна,
И капелью, летящей за ворот.

Удивленно качнется стена,
Поплывут облака над домами...
Заиграй, заблестай куполами,
Разбуди мою душу, весна!

Ты пройдешь тяжело, словно плуг,
Распахнешься просторно, как поле,
Чтоб я вскрикнул от счастья и боли
Что не слеп я еще и не глух.

Я проснусь, я заслышу твой звон,
Я увижу под утренней высью,
Как безжалостно я окружен,
Как ликующе встречен я жизнью...

Этот щебет, и трепет, и свист!..
Я пойму, что не зря его слышно,
Что имел торжествующий смысл
Этот свист, не имеющий смысла.

1967

РОБОТ

И создали робота...
И в день
Этого изобретенья века
От него легла на землю тень,
Словно тень живого человека.

И, являя миру все, что мог,
Отвлеченно, холодно мигая,
Робот заработал,
Напрягая
Совершенный, электронный мозг.

И, не зная, что такое робость,
Лень,
Тоска
И воспаленность век,
Робот начал,
Действуя, как робот,
Делать все, что делал человек.

И смотрели взрослые и дети,
Как светилось умное чело,
Как он думал обо всем на свете,
О себе
Не зная
ничего!

1965

РОМАНС

Как эта ночь пуста, куда ни денься,
Как город этот ночью пуст и глух...
Нам остается, друг мой, только песня —
Еще не все потеряно, мой друг!

Настрой же струны на своей гитаре,
Настрой же струны на старинный лад,
В котором все в цветенье и разгаре —
«Сияла ночь, луной был полон сад».

И не смотри, что я не подпеваю,
Что я лицо ладонями закрыл,
Я ничего, мой друг, не забываю,
Я помню все, что ты не позабыл.

Все, что такой отмечено судьбою
И так звучит — на сердце и на слух,—
Что нам всего не перепеть с тобою,
Еще не все потеряно, мой друг!

Еще струна натянута до боли,
Еще душе так непомерно жаль
Той красоты, рожденной в чистом поле,
Печали той, которой дышит даль...

И дорогая русская дорога
Еще слышна — не надо даже слов,
Чтоб разобрать издавека-далёка
Знакомый звон забытых бубенцов.

1967

* * *

Беспощадна суть познания,
Страшно логика ясна:
Нету бога в мирозданье,
Есть пространства кривизна...

В бездне канула астральной
Голубой вселенной даль,
В этой пропасти спиральной
И себя и Землю жаль.

Что моей там жизни фактик,
Что земли юдольный мир?..
Разбегание галактик...
Тяжкий холод «черных дыр»...

Ни душой, ни мыслью пленной
Не объять мне этих сил.
Где вы, где вы во вселенной,
«Хоры стройные светил»?..

...Бесконечностью пустою
Мчат миры, себя круша...
Нету Неба над тобою,
Беззащитная душа.

Так зачем порой ночью
Ты глядишь в него, глядишь
И не с черною дырою —
Со звездой говоришь?!

1978

НОЧНОЕ НЕБО

Надо мной в беспредельности вышней
Пролетает ночной самолет —
Еле слышимый звук,
Еле слышный
Огонек надо мною поет...

Он взлетал,
Угрожая и воя,
Он легко высоту набирал,
Но, поднявшийся в небо ночное,
Одиноким и маленьким стал.

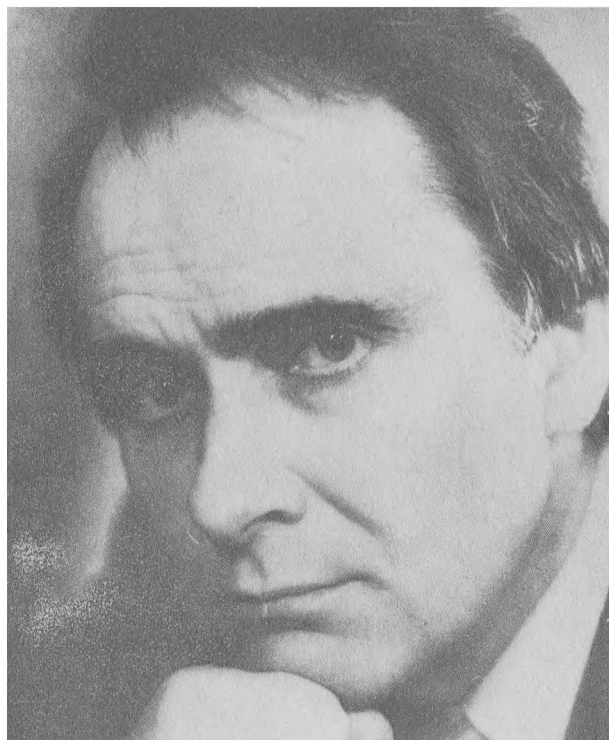
Он не помнит,
Не помнит,
Не помнит,
Для чего он турбиной своей
Над землею полночною поднят,
Над жилищами спящих людей!

Он уходит в туманность и млечность,
Он мигает сигнальным огнем,
Что его в этот час бесконечность
Приютила в пространстве своем.

Что, причастен сияющей бездне,
Он земле в эту ночь
Не грозит
И, блуждая в семействе созвездий,
Как звезда над землею горит.

1965

Василий
Казанцев

Василий Иванович Казанцев родился 5 февраля 1935 года в деревне Таскино, Томской области, в семье крестьян, переселившихся в Сибирь из Центральной России. Двух лет остался без отца. До семнадцати лет безвыездно жил в глухой нарымской деревне, с самого детства занимаясь всеми земледельческими работами.

В 1952—1957 годах учился на филологическом факультете Томского университета. Затем три года учительствовал в школах Томской и Новосибирской областей. В 1960—1963 годах работал в томской газете, затем целиком отдался поэзии. Учился на Высших литературных курсах в Москве. С 1971 года живет в подмосковном городе Павловский Посад.

Стихи писал с детства, печататься начал в восемнадцать лет, в 1962 году издал первую книгу. Наиболее полно представляет творчество поэта его книга «Выше радости, выше печали» (М., 1980).

БАЛЛАДА О ДЕТСТВЕ

Поляны светятся, дымясь.
Река со стоном пронеслась.
Растаял снег, просохла грязь.
Пора садить картошку.

Шумит трава. Палит жара.
Над ухом — пенье комара.
Бескрайний день. Пришла пора
Окучивать картошку.

Туманная встает заря.
Последнее тепло дая,
Настало ведро сентября —
Пора копать картошку.

Метель. Мороз за дверью зол.
Декабрь разгневанный пришел.
Зима пришла. Садись за стол.
Мы будем есть картошку.

1970

ПРИРОДА

Разлом горы кровотоचाщ и свеж.
Цвета земли угрюмо-жгучи.
И, как подспудно зреющий мятеж,
Сгущаются на горизонте тучи.

Лес ропщет, ветер трубит, встает песок.
И, слыша близящуюся опасность,
Я забываю, что я царь и бог,
И к бунту чувствую причастность.

1970

* * *

Пустая даль мертва.
Дымится луч косою.
Как зверь, бежит трава.
...Есть миг перед грозой!

Испуг, предвестье бед.
Сырой, подземный хлад.
Густой, недвижимый свет.
Застывший — долгий — взгляд.

Из дымной темноты
Ревущие стада.
Блестящие листы.
Зловещая вода.

1971

* * *

...И на нее дышу любовью.
И прикипаю всюю кровью.
И отвести не в силах глаз.
...Какой удар себе готовлю —
На дальний день, в прощанья час!

1972

* * *

В том, как стелется по ветру рожь,
Как течет, белизной отливая,
Ты, примолкший, ищи — и найдешь,
Чем душа твоя грезит живая.

В том, как птица над полем кружит,
Как кричит — ты уловишь, немея,
Дрожь, которою сердце дрожит,
Тайных слов своих выдать не смея.

Ветер вскинулся — трудно дохнуть.
Прах летит, легким облаком взвитый.
Белый день. Убегающий путь.
Голос тающий песни забытой.

1972

* * *

— И плащ, и посох в тягость мне...
 Но тяжче, тяжче мне стократно —
 Угль негасимый в глубине.
 Он — жжет. Возьми его обратно...
 Не приживить его вовек!

И он мне грудь мечом рассек.
 И прокатился гром в пустыне:
 — Отчаявшийся! Встань. Отныне —
 Ты не пророк, но человек!

Стояло солнце высоко
 Над гладью мертвой. Безглагольной...
 ...И стало вдруг душе — легко.
 И стало — безгранично вольно.

И мир безбрежной засиял.
 Дохнул огонь в его размахе!
 Хотел шагнуть я — и... упал.
 ...Подкошенный — лежу во прахе.

В песок, белеющий как снег,
 Беззвучно тлеющий, стеклянный,
 Стекает кровь струей багряной.
 Горит, болит — зияет! — рана.
 ...Не заживить ее
 Вовек!

1970

* * *

Меж пшениц, меж овсов, меж кустов утомленных лежит
 Полевая дорога, кривится, в низину сползая.
 Равномерно качаясь, коса мне плечо тяжелит.
 Тяжело на косье опустилась рука — как чужая.

Убывает, сужается света вдали полоса.
 Облаков кучевых расплываются в небе отроги.
 Наливается мглой, растекается след колеса.
 О как памятно пахнет вечерняя пыль на дороге!..

1973

* * *

Зовуще-близкой и желанной
Тебя в душе назвать бы мог.
Когда б не этот взгляд туманный —
Заботы вечной холодок.

Твои черты меня смущают.
Печальные черты твои
Неясное напоминают —
Что выше счастья и любви.

1973

* * *

Тяжелый, бархатно-парной,
Изогнутый упруго,
Валится черный пласт — волной
Медлительною — с плуга.

И что в медлительной волне?
Затянута движенье?
Зимы — в недвижно-крепком сне
Застывшей — продолженье?

Боязнь расстаться до конца
С молчаньем, сном, покоем?
Ночная, сладкая ленца
Под первым робким зноем?

Иль пред дрожащим, молодым —
В дыханье ветра, грома —
Спешащим ливнем семенным
Блаженная истома?

1975

* * *

Низкой ветви замедленный взмах.
Узкий ствол в зеленеющем лоске.
Это солнца лучи в волосах?
Или палых хвоинок полоски?

Светоносного лета пора.
Отблеск ягод наполненно-спелых.
Это солнечных пятен игра?
Иль — сверкание плеч твоих белых?

Где-то в высях — качанье ветвей.
И стволы — зелены, величавы.
Сквозь сиянье улыбки твоей
Прорастают душистые травы.

И гудят полусонно шмели.
И восходит цветов колыханье.
Уст раскрытых пыланье? Земли —
Распростершейся, близкой — дыханье?

1975

* * *

От далекой дороги усталый,
Я впервые в Москве побывал...
Я Москвы — не увидел сначала.
Я увидел — огромный вокзал.

В неоглядно вознесшемся зале,
В ярком свете, похожем на мглу,
Пили, ели. И пели. И спали.
На скамьях, на тюках, на полу.

Билась радость, томилась обида.
В беглом взгляде мелькала вина.
За спиной старика инвалида
Громовая стояла война...

Я на площадь широкую вышел —
Долгожданного счастья глотнул.
Я сначала Москвы — не расслышал.
Но расслышал — рокочущий гул.

Необъятно-глухой, разноликий.
 Обдающий дыханьем густым.
 Разнозначный. Разноязыкий.
 Над землею стоящий, как дым.

Бились скомканно звуки, срывались —
 Резко дыбились. С разных сторон
 Накатившись — скрестились, смешались
 Вологодчина, Курщина, Дон.

Обнажив свои дали сквозные,
 Все дороги свои и поля,
 Вся огромная встала Россия.
 Вся безмерная встала земля.

Осетинов и финнов — и сванов —
 И туркменов — слились голоса.
 Высь нагорий — и ширь океанов.
 Раскаленные льды — и леса.

И подрагивал купол тяжелый.
 И — как ветер тяжелый — гудел.
 И железный — из рупора — голос
 Несгибаемо твердо гремел.

1978

* * *

Вздувшейся речки пыланье.
 Первое утро с теплом.
 Первый цветок на поляне.
 Первый из облака гром.

В первом — в аллее соседней —
 Влажном дыхании лип
 Слышишь ли — вьюги последней
 Гаснущий, сдавленный всхлип?

Нет — только вод полногласье!
 Нет — только огненный свет!
 Лишь — беспощадное счастье!
 В радости — жалости нет!

1974

* * *

На тяжкий твой венец терновый
Гляжу сквозь дымные года
Из края дальнего, другого,
В каком ты не был никогда.

На обжигающее слово
Надежды, гордости, стыда
Гляжу из возраста другого —
В каком ты не жил никогда.

На свод свинцовый, труд суровый,
Полет надзвездной высоты
Гляжу из времени другого —
В каком и в мыслях не был ты!

Другие в мир пришли печали.
И холод в мир пришел другой...
И дале, дале — дале, дале —
Все дале, дале! — голос твой.

И с грустной ясностью во взгляде —
Неизбежимо в каждом дне —
Неотвратимо в каждой пяди! —
Ты — путь подсказываешь мне!

1979

* * *

От речки далекой, таежной
Проложишь дорогу свою.
Сквозь редкий лесок придорожный
Увидишь Россию свою.

Простор вековой, бесконечный
Шумящих, искрящихся трав —
Сквозь ветер грохочущий встречный.
Сквозь встречный — прозрачный — состав.

Тяжелую, злую, слепую,
Нависшую низко грозу.
Сквозь резкую — жарко-крутую —
Сверкнувшую крупно — слезу.

1979

НОЧЬ

Прохладной сырости наплывы.
Внезапной свежести прилив.
Кусты. Как шепот торопливый,
Прерывистый — листвы порыв.

Сквозь легких веток блеск дрожащий —
Невидимое до конца
Воды мерцанье. Как горящий,
Меняющийся свет лица.

Невнятно-близкое дыханье
Кустов. Воздушна, молода,
Вода. Лицо. В лице — пыланье
Восторга, ужаса, стыда.

1972

* * *

До соседней деревни не близко.
Чтобы вовремя к школе поспеть,
Вышли раньше. Искрится дорога.
Лес чернеется. Светит луна.

В зимнем поле безлюдно и голо.
Скрип шагов раздается, как гром.
В зимнем поле затишье и холод.
Мы по белой равнине идем.

Вот охапка зеленого сена —
Под раскатом упала с саней.
Вот блестит на дороге полено —
Кто-то с возом проехал по ней.

Мы бежим под луною. Ни слова.
Рты закутаны. Каждого мать
Обмотала нас шалью крест-накрест,
На спине завязала концы.

Мы бежим. Мы летим. Нас немного.
Предрассветная ночь холодна.
Лес чернеется. Блещет дорога.
В небе тонкая тает луна.

1971

* * *

Летит над пашней черный ворон.
Мне щеку тенью обожгло.
Смотри, как широко простер он
Свое тяжелое крыло.

Летит он, грузный, издалека,
Устало голову пригнув.
Взгляни, как жадно смотрит око,
Как хищно нависает клюв.

Летит он, старый, из былого,
Из выжженных густых лесов.
От трупов поля Куликова,
Оставленных в траве голов.

Из-за клубящегося дыма
Давно сгоревшего костра.
Озер иссохших мимо. Мимо
Наполеонова шатра.

Над гулкой славою победной,
Над сетью древних, новых рек,
Над головой моею бедной
Издалека — в грядущий век.

1970

* * *

Взгляну на скачущий поток.
Взгляну на тлеющий песок.
На темный лес прибрежный —
Взгляну. А от тебя, цветок,
Я отвернусь небрежно.

Воздушный, светом залитой,
Чуть изогнувший шею,
С небесно-чистой красотой
Что делать мне твоею?..

Ты — выше чувства и ума!
 Перед тобой душа — нема,
 Как перед смертной бездной.
 ...И — отстраняется сама
 От муки бесполезной.

1975

ПЕРЕД БОРОДИНСКИМ СРАЖЕНИЕМ

От звезд летят лучи косые,
 Темнеет лес глухой стеной.
 Темна — черна, как ночь! — Россия
 У ополченца за спиной.
 Костер тускнеет. Догорает.
 В холодной тьме не спит никто.
 За что на смерть пойдет — не знает.
 ...Но знает, он — умрет. За то,

Что неотступным громом било.
 И неотступным ветром выло.
 И неотступным снегом стыло.
 И неотступно-остро жгло.

...Необозримым — гулким — было
 Простором!
 ...Горем
 В кровь
 Вросло!

1981

* * *

Свет погашен. Глухо, тихо в лиственном краю.
 Начинает комариха песню петь свою.

Тонким звуком сердце ранит, как иглой ведет.
 Длинно тянет, тянет, тянет, не передохнет.

Тьма чернеет. Долгий, ровный, как издавека,
 Слабый голос. Стон любовный? Смертная тоска?

1972

* * *

Солнечно и росно.
В солнечном строю
Солнечные сосны.
— Я тебя люблю!

И душа другая
Там, в другом краю,
Вскрикнет, отвечая:
— Я тебя люблю!

Озеро глухое.
Частые кусты.
Ласковая хвоя.
Мокрые листья.

Ветер. Глубь просвета.
На душу мою
Налетает лето.
Я тебя люблю.

1974

ЗАСОХШЕЕ ДЕРЕВО

Ветер был, и стволов напряженных гуденье.
И раскрылася высь. И предстало светло
В небе древо ветвистое. Древо-виденье.
Полыхнуло, рассеялось, сердце прожгло.

И остались — взлетевшие оцепенело
Кисти рук, обожженные до черноты.
Устремленное — до неподвижности — тело.
Заостренные страстью, как смертью, черты.

1970

* * *

Как по деревне танки шли!
Как клацали, как грохотали
Плывущие поверх земли
Зазубренные глыбы стали.

Они не шли во весь опор —
Им узкий коридор был тесен.
Но как могуч был их напор,
Как непреклонен, как железен.

Ровня жесткие строи
В сгущающемся напряженье,
Шли не чужие, шли свои.
И не на битву — на ученье.

Избушки, сбившиеся в ряд
Пред медленным железным рядом,
Пугливо сжались. Дрогнул взгляд
Под медленным железным взглядом.

К земле прирос... Ну что же вы,
Как виноватые, стоите,
Поднять не смея головы?
Кричите же «ура», кричите!

1967

* * *

Нет, нет, не мыслил никогда родным,
Не называл желанною отрадой
Отлогий холм над полем травяным,
Безмолвьем обнесенный, как оградой.

И дом свой вечный в нем не находил.
На отдаленье — как чужой — держался.
И даже если рядом проходил —
На остров тихий не смотреть старался.

Счастливым ожиданьем не горел.
Не кланялся берез его сиянью.
...Невидяще в ту сторону глядел.
Неслышаще внимал его молчанью.

1972

* * *

Это никогда не надоест —
Листьев неумолчное плесканье,
Мреющих, бессмертных звезд блистанье.
Иль, как раньше говорили, звезд.

Это не наскучит никогда —
Плавная неправильность сугроба.
Ровная законченность плода.
По земле идущая дорога.
По песку бегущая вода.

1969

САМОЛЕТ

Эту цепь сопряжений, сращений,
Плоть, где тяжесть и легкость слились,
Замышлял человеческий гений,
А творила холодная высь.

Выступ скашивал ветер летящий.
Выгиб сглаживал вал звуковой.
Стать — крепил неотступный, блестящий,
Обтекающий свет огневой.

В зыбких отсветах чудо-машины,
От земли уходящей в полет,
Ясно виделся блеск стрекозиный,
Твердых крыльев орлиный размет.

Все сильнее наливалось обличье
Высотой, быстротой, остротой...
И исчезло из облика птичье.
И дохнуло стихией иной.

Изогнулось крыло незнакомо,
Напряглось устремленным углом.
Только дух высоты и подъема.
Только длинное пламя и гром.

Исполинскому вторя размаху,
Оглушенно ревет высота.
И восторга, подобного страху,
По земле пролетает волна.

1977

* * *

Не внемля строгому запрету,
Боясь в пути нарушить срок,
Во тьме, в земле, на ощупь — к свету
Идет, идет, идет росток.

Дорогой тесной, незнакомой.
Сквозь сеть истлевшего листа.
Через слой запаханной соломы.
Сквозь тяжесть тяжкого пласта.

Пробьет заслон последний — выйдет
Туда, где путь ветрам открыт.
И в предрассветной мгле увидит,
Что свет — внутри его горит.

1977

* * *

А теперь поворачивай к Северу.
К низовым, нелюдимым местам.
К горизонту задымленно-серому.
К зеленеющим, глеющим мхам...

Там по сжатому полю широкому
Ветер мечется, резок и скор.
Там угрюмому бору высокому
Откликается пасмурный бор.

Там река, полосой стекленеющей,
Молчаливой, бездонно чернеющей,
Раздвигает густые леса.
И сквозит в черноте леденеющей
То ль безропотность, то ли гроза...

1976

* * *

Таянье осеннего огня.
Ветер налетает. Душу студит.
Было время — не было меня.
Будет время — и меня не будет.
Эхо, откликается во мгле,
Горы оглашая все и реки:
— Если нет кого-то на земле,
То его и не было вовеки!

1981

* * *

Чем оплачу за этот день —
Травы дыханье земляное,
Коней сверканье смоляное,
Встающий стог, налитых всклень
Озер застывших блеск на зное?
И это длинное, сквозное
В закатных красных далях — дзе-ень...

1971

* * *

Что прекрасно, а что безобразно,
Разберет, не жалеючи сил,
Только — время.
— Но время — пристрастно...
Разве ты — не во времени жил?

Разве времени вечного бремя
Ты не слышал, по жизни идя?
Разве сам ты — не вечное время,
Отгремевших времен судия?

1978

Алексей
Решетов

Алексей Леонидович Решетов родился 3 апреля 1937 года в Хабаровске. Отец — видный дальневосточный журналист, мать — правнучка грузинского поэта Акакия Церетели, также работала в газете. Сразу после рождения потерял отца, а вскоре расстался и с матерью, с которой встретился лишь в 1945 году, на Урале, где живет и поныне. С 1956 года более двадцати лет работал электрослесарем на калийном комбинате в городе Березники.

Начал писать стихи в шестнадцать лет, печатается с 1956 года. В 1960 году в Перми издал первую книгу. Пишет главным образом краткие стихотворения, состоящие из 8—12 строк.

* * *

В заповеднике лани,
В заповеднике рысь...
Как нам быть со словами,
Чтоб не перевелись?
Мы так часто трубили
В чистом поле стиха ---
Столько слов истребили,
Извели впопыхах.

1965

* * *

Я был мальцом голопятым,
Но память навек сберегла,
Какая у нас в сорок пятом
Большая Победа была.
Какие стояли денечки,
Когда, без вина веселя,
Пластинкой о синем платочке
Вращалась родная земля.

1975

* * *

Снится сон слепому человеку,
Будто тихо шепчутся леса
И срывает, нагибая ветку,
Он большие, спелые глаза.
Будто он вставляет их в глазницы,
И бросает черные очки,
И глядят с восторгом
сквозь ресницы
Круглые, как косточки,
зрачки.
Будто видно, как пчела хлопочет,
Как пригорок солнцем освещен,
Как дрожат на тонких стеблях очи,
Горькие, зеленые еще...

1963

* * *

Ты знаешь, что такое рань?
Ты просыпался рано,
Когда стекло оконных рам
Мерцает как-то странно,
Когда еще не слышно птах,
Еще не пали росы,
Когда лежит на трех китах
Земля без всякой оси?..

1964

* * *

Поздняя осень. Дожливо. Темно.
Только волшебный горшочек герани
Радует нас сквозь чужое окно,
Все остальное —

терзает и ранит.
Солнце все дальше от знака Весов.
Вялые воды струятся всё тише.
Вниз головой, как летучие мыши,
Спят отражения черных лесов.

1974

РЯБИНОВЫЙ САД

Лежу на больничной постели,
Мне снится рябиновый сад.
Листочки уже облетели,
А красные гроздья — висят.
И мать говорит мне:
«Мой мальчик,
Ты помни, когда я уйду,
Что жизнь наша горче и ярче,
Чем ягоды в этом саду».

1973

* * *

Я снова русской осенью дышу,
Брожу под серым солнышком осенним,
Сухой цветок отыскиваю в сене
И просто так держу его, держу.
Я говорю: отыскивай, смотри,
Пока не в тягость дальняя дорожка,
Пока вкусна печеная картошка
С еще сырым колесиком внутри.
А между тем зима недалеко,
И реки остывающие смеркли,
Лишь вены на опущенных руках
Еще журчат, еще перечат смерти.

1965

* * *

Родная! Опять високосная стужа
Хватает за горло средь белого дня.
Пойди за меня, назови меня мужем,
Вдвоем веселее. Пойди за меня!
Я буду вставать далеко до восхода
И ну — за работу, судьбу не кляня.
Я буду кормить тебя ивовым медом
И хлебом пшеничным. Пойди за меня!
Не варит мне матушка зелья — забытья,
Не дарит мне батюшка резва коня —
Лететь и лететь во весь дух и разбиться
О камень горячий.

Пойди за меня!

1969

* * *

Я знал человека. О нем,
Должно быть, вы слышали прежде:
Он в свой непостроенный дом
Входил в непошитой одежде.

Садился поближе к огню
В несуществовавшем камине
И ласково гладил жену,
Которой нет и в помине.
И в этой нелегкой судьбе
В особенно горькие миги
Искал утешенья себе
В никем не написанной книге.

1965

* * *

От кирпичного завода
На кожевенный завод
Заунывная подвода
По лесам меня везет.
Вот и первые снежинки
Начинают угрожать:
Не сумели паутинки
Дней погожих удержать.
То исклеванный шиповник,
То нахохленный стожок.
И вздыхаешь, как виновник,
Будто мог, да не помог.
Будто эта холодина
Эта дрожь листвы рябой,
Эта грустная картина
Нарисована тобой.

1974

* * *

Не искал, где живется получше,
Не молился чужим парусам:
За морями телушка — полушка,
Да невесело русским глазам!
Может быть, и в живых я остался
И беда не накрыла волной
Оттого, что упрямо хватался
За соломинку с крыши родной.

1973

КОМНАТА СМЕХА

Потеха, ей-богу, потеха,
Держите, а то упаду!
Прекрасная комната смеха
Открыта у нас в горсаду.
За самую низкую плату —
Двенадцать волшебных зеркал.
Товарищ, а где тут поплакать?
Я друга вчера потерял,
Да, видно, уж выплакал очи,
Как в холоде-голоде рос,—
И вот бы зайти на часочек
В прекрасную комнату слез.

1964

* * *

В эту ночь я стакан за стаканом,
По тебе, моя радость, скорбя,
Пью за то, чтобы стать великаном,
Чтоб один только шаг — до тебя.
Чтобы ты на плечо мне взбежала
И, полна ослепительных дум,
У соленого глаза лежала
И волос моих слушала шум.

1968

* * *

Нет, ты любовью не зови
То, что на самом деле было
Простым предчувствием любви:
Не замело, не ослепило.
Ведь на пустой осенний брег
И воду черную у берега
Сначала падает не снег,
А только слабый запах снега.

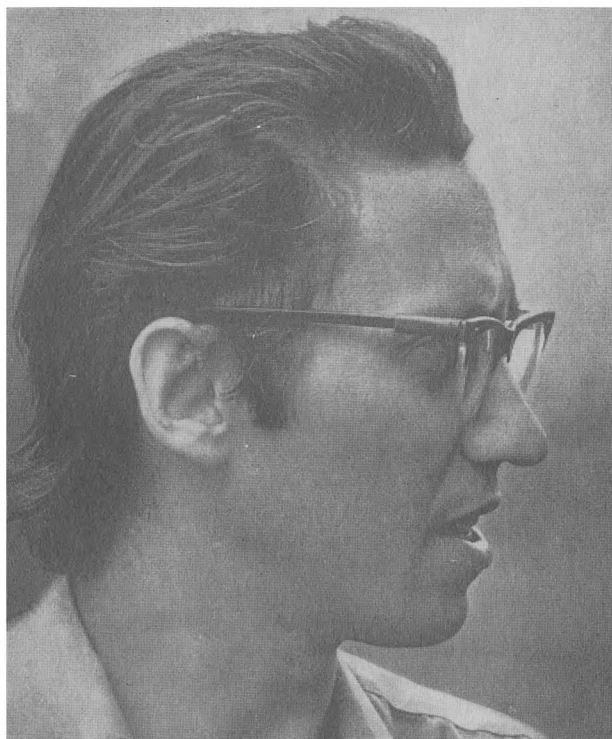
1965

* * *

Ищите без вести пропавших,
Ищите древних, молодых,
Полотна дивные создавших,
В боях Россию отстаивших —
Ищите их! Ищите их!
На душных стенах одиночек,
В полуистлевших письменах
Ищите днем, ищите ночью
Их золотые имена.
Ищите их по белу свету,
Ищите мертвых и живых!
И если всюду скажут: — Нету!—
Найдите их в себе самих.

1962

Олег
Гуляев

Олег Григорьевич Чухонцев родился 8 марта 1938 года в подмосковном городе Павловский Посад, в семье работника милиции. В 1955—1962 годах учился на филологическом факультете Московского областного педагогического института, а затем несколько лет работал в редакции журнала «Юность». В 1960—1970-х годах много переводил зарубежных поэтов и поэтов народов СССР и является сейчас одним из лучших мастеров стихотворного перевода.

Стихи писал с детства, печататься начал в 1958 году, но первая его книга «Из трех тетрадей» вышла только лишь в 1976 году. Однако задолго до ее выхода Олег Чухонцев обрел творческую зрелость.

* * *

С чем проснешься? С судьбой и дорогой?
Нет, пожалуй, с дорогой одной —
с той проселочной, пыльной, широкой,
полевой, затравевшей, лесной.

Ничего-то и не было, кроме
этой дьявольской тяги колес,
в небо взмывшей на аэродроме
или вылетевшей под откос.

А судьба — это мера иная:
как поется, не свет в терему,
не бездомная песня ночная,
не слова про суму и тюрьму.

Нет, судьба-несудьба пощадила,
а дорога — дорога была,
чтобы горше душа возлюбила
все, что даром у жизни взяла.

И когда ты в тщете колченогой
ляжешь, тихий, на стол раскладной,
с чем останешься? Только с дорогой —
самой долгой, последней, родной...

1976

* * *

Этот город деревянный на реке
словно палец безымянный на руке;
пусть в поречье каждый взгорок мне знаком
как пять пальцев, — а колечко на одном!

Эко чудо — пахнет лесом тротуар,
пахнет тесом палисадник и амбар;
на болотах, где не выстоит гранит,
деревянное отечество стоит.

И представишь: так же сложится судьба,
как из бревен деревянная изба;
год по году — не пером, так топором —
вот и стены, вот и ставни, вот и дом.

Стой-постой, да слушай стужу из окон,
да поленья знай подбрасывай в огонь;
ну а окна запотеют от тепла —
слава богу! Лишь бы крыша не текла!

1965

* * *

На окраине кладбища, где начинается поле,
бродят козы и в редком подлеске дрожит тишина.
Убирают картошку, и тянет ботвой с огородов,
и за каждым пригорком начертана чья-то судьба.
Мне не скоро еще! Для чего же так долго гляжу я
в бередящий простор, на распятыя железных антенн
и чего-то все жду?.. То ли сойку спугну мимоходом,
то ли друга умершего вспомню — и как бы очнусь
ото сна: где я? что я? Иду — и не знаю дороги,
только слышу, как воздух горчит, как лопата стучит,
отдаваясь в листве. И спокойствие мало-помалу
за ходьбою приходит ко мне. Возвратившись домой,
выпив чаю, я с книгой прилягу на старом диване
и, открыв наугад, двух страниц не успею прочесть,
как усталость возьмет. Я закрою глаза и увижу
лес и дым и пасущихся коз... Далеко-далеко
кодокольня белеет. До сумерек стадо пригнали.
Я по улице Зорьку гоню, а вокруг хорошо:
расцветает сирень и уже посадили картошку,
окна настезь, и наши в Берлине, и мать молода,
и поет патефон, и какая-то женщина плачет,
и я осенью в школу пойду — хорошо-хорошо!..

1969

* * *

Как торопится жизнь! Не вчера ли
ветки торкались в изморозь рам,
а сегодня уже разметали
брачный пух по зеленым дворам.

— Горько! Горько! — и в пьяном веселье
чья-то свадьба колотит горшки.
— Горько! Горько! — еще на похмелье
горечь ревности или тоски.

Ну да что! В этом мире цветущем
так легко на душе, так светло,
что не хочется знать о грядущем
или думать о том, что прошло.

Хороша эта жадная воля —
не загадывать век наперед,
все теперь — и любовь, и застолье,
потому что и это пройдет.

Потому что скорбям и удачам
счет один. И как древний собрат
говорю вам: я тленьем охвачен,
но в груди моей чувства кипят!

1969

* * *

Заплачет иволга, и зацветет жасмин.
И догадаешься: ты в мире не один.

Так тишь колодезна. Так ведро глубоко.
Гроза промчалась — и прокисло молоко.

И дуб струящийся, вобравший небосвод,
как конь от мух, листвою нижнюю прядет.

Живи как можется, вдыхай до ломоты
озон жасминовый и банный дух тщеты!

Тебе ли не было отпущено с лихвой?
Так слушай: иволга кричит над головой...

1973

* * *

...Я слышу, слышу родину свою!
Вдоль ровных лип, вдоль стриженных заборов
брожу и — хоть убей! — не узнаю
ни тех дворов, ни птичьих коридоров.

Здесь дом снесли, тут вырубили сад,
там под фундамент яму раскопали,
но дождь прошел — и в будущем подвале
еще ныряет выводок утят.

И грустно мне. Каких искать примет?
Я этот город знал не понаслышке,
а он другой: ни старых улиц нет,
ни вечного пожарника на вышке.

Так многого вокруг недостает,
что, кажется, терять уже не больно.
И долговязо смотрит колокольня
на кладбище и мебельный завод.

На берегу, где высился собор,
она стоит как памятник терпению,
ни кирпичом, ни камнем не в укор
своей земле. А день цветет сиреню.

А над землею майские жуки
жужжат, жужжат, и в сумерках белесых
просвечивают листья на березах.
Ах, боже мой, как дни-то высоки!

Как заросли упруги: только тронь —
и обдадут, чтоб было неповадно.
И бабочки опять летят в огонь.
И снова жизнь свежа и безоглядна.

Везде, во всем, куда ни оглянусь,
она трепещет в пагубе цветенья.
И каждый куст не терпит повторенья —
шумит, шумит... И я не повторюсь!

* * *

Что там? Босой и сонный, выберусь из постели,
дверь распахнув, услышу, как на дворе светает:
это весенний гомон — на лето прилетели,
это осенний гогот — на зиму улетают.

Круг завершен, и снова боль моя так далека,
что за седьмую далью кажется снова близкой,
и на равнине русской так же темна дорога,
как от глуши мазурской и до тайги сибирской.

Вот я опять вернулся, а ничего не понял.
Боль моя, неужели я ничего не значу,
а как последний олух все позабыл, что помнил,
то ли смеюсь от горя, то ли от счастья плачу?

Бог мой, какая малость: скрипнула половица,
крикнул петух с нашеста, шлепнулась оземь капля.
Это моя удача клювом ко мне стучится,
это с седьмого неба наземь спустилась цапля.

Вот уже песня в горле высохла как чернила,
значит, другая повесть ждет своего сказанья.
Снова тоска пространства птиц подымает с Нила,
снова над полем брезжит призрачный дым скитанья...

1964

В ПАВОДОК

Свежим утром, покуда светает
в деревянном и низком краю,
медный колокол медленно мает
безъязыкую службу свою.

Облупилась яичная кладка,
сгнил настил до последней доски.
Посреди мирового порядка
нет тоскливее здешней тоски.

Здесь, у темной стены, у погоста —
оглянусь на грачиный разбой,
на деревья, поднявшие гнезда
в голых сучьях над мутной водой;

на разлив, где, по-волчьему мучась,
сходит рыба с озимых полей,
и на эту ничтожную участь,
нареченную жизнью моей;

оглянусь на пустырь мироздания,
подымусь над своей же тщетой,
и — внезапно — займется дыханье,
и — язык обожжет немотой.

1964

* * *

Что ми шумить, что ми звенить
далече рано пред зорями.

«Слово о полку Игореве»

Зычный гудок, ветер в лицо, грохот колес нарастающий.
Вот и погас красный фонарь — юность, курящий вагон.
Вот и опять вздох тишины веет над ранью светящей,
и на пути с черных ветвей сыплется гомон ворон.

Родина! Свет тусклых полей, омут речной да излучина,
ржавчина крыш, дрожь проводов, рокот быков под
мостом, —
кажется, все, что улеглось, талой водой взбаламучено,
всплыло со дна и понеслось, чтоб отстояться потом.

Это весна все подняла, все потопила и вздыбила —
бестолочь дней, мелочь надежд — и показала тщету.
Что ж я стою, оторопев? Или нет лучшего выбора,
чем этот край, где от лугов илом несет за версту?
Гром ли гремит? Гроб ли несут? Грай ли висит над
просторами?

Что ворожит над головой неугомонный галдеж?
Что мне шумит, что мне звенит издали рано пред зорями?
За семь веков не оглядеть! Как же за жизнь разберешь?

Но и в тщете благодарю, жизнь, за надежду угрюмую,
за неуспех и за пример зла не держать за душой.
Поезд ли жду или гляжу с насыпи — я уже думаю,
что и меня кто-нибудь ждет, где-то и я не чужой.

1970

* * *

Я не помнил ни бед, ни обид,
жил как жил — и во зло, и во благо.
Почему же так душу знобит,
как скулит в непогоду дворняга?

Почему на окраине дней
самых ясных и самых свободных
так знобит меня отблеск огней
и гуденье винтов паровых?

Верно, в пору стоячей воды
равновесия нет и в помине,
и предчувствие близкой беды
открывается в русской равнине.

И присутствие снега и льда
ощущается в зябком дыханье,
и такая вокруг пустота,
что хоть криком кричи в мирозданье.

Никого... Я один на один
с прозябаньем в осенней природе,
в частоколе берез и осин,
словно пугало на огороде.

Мы срослись. Как река к берегам
примерзает гусянью кожей,
так земля примерзает к ногам
и душа — к пустырям бездорожий.

Видит бог, наше дело труба!
Так уймись и не требуй огласки.
Пусть как есть торжествует судьба
на исходе недоброй развязки.

И, пытая вечернюю тьму,
я по долгим гудкам парохода,
по сиротскому эху пойму,
что нам стоит тоска и свобода.

* * *

Что делать мне, говоруну,
когда мне дома не сидится,
когда проворная синица
торопит позднюю весну?

Когда в распахнутом окне
гудит черемуха и тает,
когда терпенья не хватает
торчать в дому — что делать мне?

Не лучше ль наложить запрет
на филькин труд, на кучу хлама
и посмотреть на вещи прямо?
Конечно, лучше — что за бред!

Не лучше ль из дому во двор
пройти небрежно и лениво,
и постоять, и выпить пива?
Конечно, лучше — что за вздор!

Так выпьем, разведем бобы
с гуляками и остряками!
Так нет же — развожу руками
и слизываю соль с губы.

Ах, черт, какая дребедень!
Я злюсь и курицей мореной
на загогулине мудреной
вишу как проклятый весь день.

И надвигается разлад,
где строгость переходит в праздность,
и тяготит несообразность,
и скачут мысли невпопад.

Я сбился с ног и в тишине
руками голову сжимаю
и ничего не понимаю:
— Что делать мне?..

* * *

Когда в поселке свет потух,
и прокричал со сна петух,
и прошумели ветви яблонь,
я, вздрогнув, ощутил на слух
тот пленный отчужденный дух,
который был природой явлен.

Стояла ночь, и лай собак
стихал, усугубляя мрак,
и, стихнув, не давал забыться,
и мысль неловко, кое-как
толкалась, как ручей в овраг,
ища, во что бы воплотиться.

Наверно, там, таясь за тьмой,
досадная себе самой,
она текла прямой и шире,
а я, ее исток прямой,
я так хотел, чтоб голос мой
как равный воплотился в мире.

Я так хотел найти слова
бесхитростного естества,
но чуждо, чуть касаясь слуха,
шуршала мокрая трава,
шумела черная листва —
свидетельства иного духа.

И в кадке с дождевой водой
дрожала ржавою звездой
живая бездна мироздания.
Не я, не я, но кто другой,
склонясь над млечною грядой,
оставил здесь свое дыхание?

1968

* * *

On the fairest time of June.

Keats¹

Еще помидорной рассаде
большие нужны костыли,
и щели в искрящей ограде
вьюном еще не заросли;

еще предзакатные краски
легки как однажды в году,
и пух одуванчиков майских
не тонет в июньском пруду.

Но так сумасшедше прекрасна
недолгая эта пора
и небо пустое так ясно
с вечерней зари до утра,

что, кажется, мельком, случайно
чего ни коснется рука —
и нет, и останется тайна
на пальцах, как тальк с мотылька.

О, лучше не трогай, не трогай.
Что правды? Иди как идешь
своей легкодумной дорогой
и тайны чужой не тревожь.

Довольно с тебя и окрайны,
и неба, и вспышек гвоздик.
Ты, может быть, сам не без тайны,
но, к счастью, ее не постиг.

1973

¹ В прекрасную пору июня (*Китс*).

* * *

...И дверь впотьмах привычную толкнул —
а там и свет чужой, и странный гул —
куда я? где? — и с дикою догадкой
застолье оглядел невдалеке,
попятился — и щелкнуло в замке.
И вот стою. И ручка под лопаткой.

А рядом шум, и гости за столом.
И подошел отец, сказал: — Пойдем.
Сюда, куда пришел, не опоздаешь.
Здесь все свои. — И место указал.
— Но ты же умер! — я ему сказал.
А он: — Не говори, чего не знаешь.

Он сел, и я окинул стол с вином,
где круглый лук сочился в заливном
и маслянился мозговой горошек,
и мысль пронзила: это скорбный сход,
когда я увидел блины и мед
и холодец из поросячьих ножек.

Они сидели как одна семья,
в одних летах отцы и сыновья,
и я узнал их, внове узнавая,
и вздрогнул, и стакан застыл в руке:
я мать свою увидел в уголке,
она мне улыбнулась как живая.

В углу, с железной миской как всегда,
она сидела, странно молода,
и улыбалась про себя, но пятна
в подглазьях проступали все ясней,
как будто жить грозило ей — а ей
так не хотелось уходить обратно.

И я сказал: — Не ты со мной сейчас,
не вы со мной, но помысел о вас.
Но я приду — и ты, отец, вернешься
под этот свет, и ты вернешься, мать!
— Не говори, чего не можешь знать,
— услышал я, — узнаешь — содрогнешься.

И встали все, подняв на посошок.
И я хотел подняться, но не мог.

Хотел, хотел — но двери распахнулись,
как в лифте, распахнулись и сошлись,
и то ли вниз куда-то, то ли ввысь,
быстрей, быстрей — и слезы навернулись.

И всех как смыло. Всех до одного.
Глаза поднял — а рядом никого,
ни матери с отцом, ни поминанья,
лишь я один, да жизнь моя при мне,
да острый холодок на самом дне —
сознание смерти или смерть сознанья.

И прожитому я подвел черту,
жизнь разделив на эту и на ту,
и полужизни опыт подытожил:
та жизнь была беспечна и легка,
легка, беспечна, молода, горька,
а этой жизни я еще не прожил.

1975

* * *

Я назову тобой бездомный год,
кочевий наших пестрый обиход,

и ночь в окне, и лампу на стене,
и тьму привычек, непонятных мне.

Я назову тобой разлив реки,
избыток жизни с привкусом тоски.

Пусть даже ты уйдешь — я не умру.
...и тень в жару, и зяблика в бору.

Пусть даже ты уйдешь — я буду знать,
что, названная, прибежишь опять,

хотя тебе и будет невдомек,
что я один, но я не одинок,

что ты как дух со мной наедине,
...и ночь в окне, и лампу на стене.

1966 .

* * *

Заколodило наши пути.
Развело — и путей не узнаешь.
Жар еще не сошел, погоди!
Веет липой — а ты уезжаешь.

Сохнут губы, и пальцы как лед.
Что случилось? С какого недуга
так горячечно липа цветет
и глаза избегают друг друга?

Ни о чем я тебя не прошу,
уезжай — наша связь добровольна.
На вечерний перрон провожу,
уезжай, уезжай — мне не больно!

Все равно! Что тянуть канитель,
если память копейки не стоит?
Застилай на дорогу постель,
и не стоит об этом, не стоит...

И когда отшатнувшийся свет
поплывет и закружатся тени,
Я любил тебя! — выдохну вслед
и — ступени, колеса, колени.

И экспресс застучит второпях,
и стремглав за экспрессом летящим
горы шлака на черных путях
вдруг откроются в небе горящем.

Вот и все. И обдаст колею.
И заклинит рычаг семафора.
Ничего. Я и это стерплю.
...И отпустит. Теперь уже скоро...

1970

Эдуард
Балашич

Эдуард Владимирович Балашов родился 25 июня 1938 года в Мариуполе, в семье офицера. С 1941 года жил в Средней Азии. Учился в Ташкентском суворовском училище, а затем в Высшем военно-морском училище. В 1956 году перешел в Московское высшее техническое училище, которое окончил в 1962 году и поступил работать инженером на Внуковский аэродром под Москвой.

С юных лет Эдуард Балашов увлекался музыкой, поэзией и спортом и достиг значительных результатов во всех этих областях (так, например, он играл в сборной Москвы по регби).

Но в конце концов все перевесила поэзия. В 1967 году (почти тридцати лет!) Эдуард Балашов впервые опубликовал стихи, а вскоре целиком перешел на литературную работу. В 1972 году вышла его первая, но уже отмеченная чертами зрелости книга стихотворений.

* * *

Аллеи Павловского сада.
Серебряный нарядный день.
И стародавняя прохлада.
И нестареющая сень.

Иду... Навстречу мне — цыгане.
Бормочут и в глаза глядят.
Босые, с темными ногами.
Горит кострами их наряд.

Они качают головами,
Упрямо лезут погадать,
В лицо мне машут рукавами
И просят деньги показать...

И нить, разорванная на две,
Связалась вдруг без узелка.
И о судьбе моей нескладной
Моя поведала рука.

Всю жизнь мне предстоит дорога,
И ждет меня казенный дом...
Довольно, старая, не много ль?
Давай поладим и на том,

Что вам не пожелаю горя,
Не напророчу черных бед.
Вернитесь лучше в чисто поле,
Где кочевой летит рассвет...

Аллеи Павловского сада
Разводят всех по сторонам.
И каждому куда-то надо.
И никуда не надо вам.

* * *

Я у Нарвских ворот
Воскрешаю события Нарвы.
Мне на плечи кладет
Воин в шлеме тяжелые лавры.
И вельнем Петра
Я теряюсь в строю пестроцветном.
В стоголосом «ура!»
Я приветствую знамя под ветром.
Я иду на штыки.
Твердым шагом. И дрогнули шведы.
Побежали полки.
И запахло кострами победы...
Ах, всегда бы, всегда
К месту прежних боев возвращаться,
Где встают города,
Где сады обещают начаться,
Где пылает звезда,
Словно вечный огонь над могилой,
Чтобы помнить всегда
О судьбе нашей родины милой!

* * *

В час, когда нет вокруг никого
И от теплого взгляда заката
На душе далеко-далеко,
Вот тогда-то, тогда-то...

Хорошо, удивительно так
Ощущать в себе сумрак былого.
Наблюдать, как живет в облаках
Вечный ветер вращенья земного.

И, своим не поверив летам,
Задыхаясь, взбежать на пригорок
И читать эту даль по складам,
Точно первую книгу ребенок.

* * *

Что случилось, приключилось
В дальней стороне?
Снилось, снилось, не приснилось —
Отдалось во мне.

То ли рокот самолета,
То ли стук копыт,
Не кукушка ли со счета
Сбилась и молчит.

То ли голос на подмогу
Тщетно призывал,
То ли месяц на дорогу
Вышел и пропал,

Или сердцу стало тесно,
Или вспомнил мать?
Слышу родину, как песню,
Слов не разобрать.

В НОЧНОМ

Как может знать число и слово
О том растительном огне,
Что проникает ткань живого,
Гудит в стволе, молчит в зерне,
Питает атомы бывшего,
Чтоб разбудить в безмерном снова
Меня неведомого мне,
Так знаю сердцем — не умом,
Что был я возвращен огнем
На бранные круги юдоли,
Таился в знаке назывном,
В арабской цифре, русском слове,
Хранящих, точно лес и поле,
Тень от куста и дальний гром,
Все запахи, цвета и звуки,
Вкус ягоды, ожог слепня,
След птицы, искру от кремня —
Все то, что не дается в руки,—

И голос матери: «Сынок!»,
Отца студеное молчанье,—
Все-все, чему настанет срок
Дышать огнем произрастанья.
Вот пристань детства — отчий дом!..

Куда же от мостка родного?
Пора подлунного улова.
И тянет от костра ночного
Таким наваристым дымком,
Как будто в тот котел рыбачий,
Где примирен с ершами лещ,
Вместились берег, речка, лес,
Весь свет ночной, весь мир ребячий.
Смотрю в костер и обмираю.
В себе до мальчика сгораю.
И вижу в сполохе огня
След птицы, искру от кремня,
Тень от куста, и слышу гром.
И проще, кажется, простого,
Чтоб ощутить себя во всем,
Взять и к числу прибавить слово...

Уха дымится над костром.
И звезды говорят в ночном
О днях грядущих прожитого.

1978

* * *

Что значит время? Это — человек,
Себя назвавший сыном человека.
Мы выпали на землю, точно снег,
Из трюмов занебесного ковчега.

И, точно снег, растаяли весной,
Впитались в почву, населили реки.
Нас выбросило на берег волной,
«Чело» и «век» соединив навеки.

1977

* * *

А люди? Люди станут боги...

Ф. Глинка

Никто не знает неба так, как птицы.
Простор бескрайний. Даль без берегов.
Придуманные сферы и границы
Неведомы для птиц и облаков.

Не могут птицы в небе заблудиться,
Как никому, им видно далеко:
И как земля свои меняет лица,
И как луна ныряет в молоко.

А воздух-то живой, крылу послушный,
Когда легко дается каждый взмах,
То, как настой, густой, для сердца душный,
То крепкий, хоть танцуй на небесах.

Вон птица в небе! Гордой одиночкой
На сильных крыльях уходя в зенит,
Покуда хватит глаз она летит
И кажется едва заметной точкой.

Мы поднимаем в небо самолеты.
Мы говорим: мы птицы! Мы летим!
А с высоты пусть птичьего полета
Такими ж маленькими кажемся мы им.

Мужайся, справедливая природа,
Преодолен твой бережный магнит.
Уже пылят колеса лунохода,
И жадный бур негодный грунт сверлит.

Никто не знает неба так, как птицы.
Никто как птицы в небо не летал.
И человек, сумевший прилуниться,
Сравнился с богом, с птицей — бог не дал.

1970

* * *

Возвращаюсь и вновь уйду.
Уйду и опять возвращаюсь.
В ком попало себя нахожу
И в себе с кем попало встречаюсь.

Вдруг такой во мне слышится гвалт,
Как в стенах коммунальной квартиры.
Я — все сразу: столяр, лейтенант
И циркач, поднимающий гири.

Вдруг такая во мне тишина,
Точно сам я в себе похоронен.
А меня ли ты любишь, жена,
Иль того, кто во мне посторонний?

* * *

Что мне семейный ваш альбом
Без фотокарточки твоей.
Что без тебя сама любовь —
Немая страсть чужих людей.

Ты есть — и все вокруг есть ты:
Твой голос и твои черты,
Щегол поет, как ты поешь,
И дождь идет, как ты идешь.

1977

* * *

Душа себя на жертву обрекает.
Как некий свет, которым дышит тьма,
Она собою жадный ум питает,
Пленясь ненасытностью ума.

Где гаснет свет, там есть предел всему.
И время милосердия не знает.
Уже душа, как вечер, догорает.
И ум зубами лязгает о тьму.

1977

КТО СКАЗАЛ

Кто сказал: в начале было слово,
Кто сказал: то слово было бог.
Я — предтеча вечного немого,
Что последним словом занемог.

Час пробьет, он выступит из глыбы,
Скажет небу — птицы полетят,
Скажет морю — в море станут рыбы,
Скажет лесу — звери зарычат.

И не будет ничего иного.
А что было, то и будет вновь.
И вдохнет он в каждый камень слово,
В каждом камне он разбудит кровь.

И случится так на белом свете,
И на черном свете будет так:
Из камней оживших выйдут дети
Сеять свет и в свете сеять мрак.

Кто сказал: в начале было слово.
Кто сказал: то слово было бог.
Бога нет, и спит покуда слово.
В ком проснется слово, тот и бог.

1976

* * *

Прошу, поговори со мной,
Не будь такой суровой.
Хотя бы взглядом удостой.
Согрей хоть полусловом.

Такая на сердце тоска:
Весь день без слова прожит.
Поговори со мной, пока
Тебя об этом просят.

Не сторонись, откройся мне,
Обмолвись ненароком.
Поговори со мной во сне
Хотя б единым вздохом.

А обернусь я пыль-травой —
Пусть на тебе креста нет,—
Поговори с моей душой,
Когда меня не станет.

1977

* * *

Вновь за молчание хвалю
Я ту, с кем эту жизнь делю.
Глазами сказанное слово
Мудрей речения иного.

Как многословен путь земной,
Увитый спесью и сарказмом,
В то время как вселенский разум
Объят могучей тишиной.

1978

Г О Н Е Ц

Я бежал на далекий костер.
Он летел на ветру, словно знамя.
Я замерзшие руки простер,
Но не грело далекое пламя.

Исчезала, терялась тропа.
Коченели в снегу рукавицы.
Донеслось, как отпела труба
Смертный бой у последней границы.

И ни звука. Все тот же простор,
Леденящая сердце округа.
Никого, лишь холодная вьюга.
И в ночи одинокий костер.

О, как много мне этой степи,
Ровной, чистой, для скромной могилы!
Собираю последние силы,
Чтоб победную весть принести.

* * *

По стихии снега еду,
По снегам.
По страницам света еду,
По векам.
 Строчек хлесткие поводья.
 Синий пар.
 Умирает на подводе
 Санитар.
Красный крест на толстой сумке
На боку.
Я не сплю вторые сутки.
Не могу.
 Вижу я, что в каплях крови
 Санний путь.
 Хоть бы встретился в дороге
 Кто-нибудь.
Слышу бред, глухие стоны.
Ранен сам.
Эй вы, медленные кони,
Верю вам!
 Довезти бы до деревни,
 Людям сдать...
 С места двинулись деревья,
 Словно рать.
Гаснет даль. Запахли звезды,
Как костры.
Пригляделся: то не звезды,
А кресты.
 Подплывают полумесяцы
 К крестам.
 Сколько сумок поразвесили
 Не там!
Сколько раненых, спроси их,
Солнца ждут!
Сколько песен по России
Пропеют!

Юри
Кузнецов

Юрий Поликарпович Кузнецов родился 11 февраля 1941 года в кубанской станице Ленинградская. Отец его, кадровый офицер, в 1944 году погиб в боях за Крым. Детство и ранняя юность поэта прошли в Тихорецке.

Учился один год в Кубанском университете (Краснодар). В 1961—1963 годах, во время грозного Кабрибского кризиса, был на Кубе. В 1966—1971 годах учился в Московском литературном институте, после окончания которого поселился в Москве.

Писать стихи начал с детства (книгу избранных произведений поэта, вышедшую в 1978 году, открывают стихи, написанные еще в четырнадцать лет). Печатается с 1958 года; первая книга была издана в Краснодаре в 1966 году. Но подлинно зрелые произведения Юрия Кузнецова были впервые собраны в книге «Во мне и рядом даль» (Москва, 1974), вышедшей в свет, когда поэту уже исполнилось тридцать три года.

Наиболее полно стихотворения и поэмы Юрия Кузнецова представлены в книге «Русский узел» (М., 1982).

* * *

Завижу ли облако в небе высоком,
Примечу ли дерево в поле широком,—
Одно уплывает, одно засыхает...
А ветер гудит и тоску нагоняет.

Что вечного нету — что чистого нету.
Пошел я шататься по белому свету.
Но русскому сердцу везде одиноко...
И поле широко, и небо высоко.

1970

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Шел отец, шел отец невредим
Через минное поле,
Превратился в клубящийся дым —
Ни могилы, ни боли.

Мама, мама, война не вернет...
Не гляди на дорогу.
Столб крутящейся пыли идет
Через поле к порогу.

Словно машет из пыли рука,
Светят очи живые.
Шевелятся открытки на дне сундука —
Фронтовые.

Всякий раз, когда мать его ждет,—
Через поле и пашню
Столб крутящейся пыли бредет,
Одинокий и страшный.

1972

ПОСЛЕДНИЕ КОНИ

Се — последние кони! Я вижу последних коней.
Что увидите вы?
Воронья! Как мчатся! Сильней и сильней!
Разнесут до Москвы.

Словно мне говорят: ничего! Мы покажем себя,
 Разогнать бы печаль.
 Божьей дланью срывает мне шапку со лба.
 А! Мне шапки не жаль.

Топот, ржанье, окраина... хутор мелькнул.
 Дед, я знаю, один.
 Вышел он, поглядел и рукою махнул:
 — Пропадай, сукин сын!

1969

РАСПУТЬЕ

Поманила молодость и скрылась.
 Ночь прозрачна, дума тяжела.
 И звезда на запад покатилась.
 Даль через дорогу перешла.

Не шумите, редкие деревья,
 Ни на этом свете, ни на том.
 Не горите, млечные кочевья
 И мосты — между добром и злом.

Через дом прошла разрыв-дорога,
 Купол неба треснул до земли.
 На распутье я не вижу бога.
 Славу или пыль метет вдали?..

Что хочу от сущего пространства?
 Что стою среди его теснин?
 Все равно на свете не остаться.
 Я пришел и ухожу один.

Прошумели редкие деревья
 И на этом свете, и на том.
 Догорели млечные кочевья
 И мосты — между добром и злом.

1977

КОЛЕСО

Колесо навстречь криво катится,
Быстрым-быстрое, и внутри пятно.
Стал я спрашивать: — Ты откуда
Оторвалося? Куда держишь путь? —
Но молчит оно, мимо катится,
Только звон гудит, только пыль стоит.
Прокатилось, промоталось
По плакун-траве и по трын-траве.

1970

ЗНАМЯ С КУЛИКОВА ПОЛЯ

Сажусь на коня вороного —
Проносится тысяча лет.
Копыт не догонят подковы,
Луна не настигнет рассвет.

Сокрыты святые обеты
Земным и небесным холмом.
Но рваное знамя победы
Я вынес на теле моем.

Я вынес пути и печали,
Чтоб поздние дети могли
Латать им великие дали
И дыры российской земли.

1977

ПОСОХ

Отпущу свою душу на волю
И пойду по широкому полю.
Древний посох стоит над землей,
Окольцованный мертвой змеей.

Раз в сто лет его буря ломает
И змея эту землю сжимает.
Но когда наступает конец,
Воскресает великий мертвец.

— Где мой посох? — он сумрачно молвит
И небесную молнию ловит
В богатырскую руку свою
И навек поражает змею.

Отпустив свою душу на волю,
Он идет по широкому полю.
Только посох дрожит над землей,
Окольцованный мертвой змеей.

1978

* * *

На темном склоне медлю, засыпая,
Открыт всему, не помня ничего.
Я как бы сплю — и лошадь голубая
Встает у изголовья моего.

Покорно клонит выю голубую,
Копытом бьет, во лбу блестит огонь.
Небесный блеск и гриву проливную
Я намотал на крепкую ладонь.

А в стороне, земли не узнавая,
Поет любовь последняя моя.
Слова зовут и гаснут, изнывая,
И вновь звучат из бездны бытия.

1977

* * *

Глядишь на небо в час ночной.
Скажи, о чем твой вздох глухой?
Кого любил, того забудь, —
Того насквозь прошел твой путь.
Рожденный женщиной земной,
Ты не заметил ничего,
Что стоит взгляда одного
На эти звезды в час ночной...

1974

ДУБ

То ли ворон накликал беду,
То ли ветром ее насквозило,
На могильном холме — во дубу
Поселилась нечистая сила.

Неразъемные кольца ствола
Разорвали пустые разводы.
И нечистый огонь из дупла
Обжигает и долы и воды.

Но стоял этот дуб испокон,
Не внимая случайному шуму.
Неужель не додумает он
Свою лучшую старую думу?

Изнутри он обглодан и пуст,
Но корнями долину сжимает.
И трепещет от ужаса куст
И соседство свое проклиняет.

1975

СТУК

Рухнул храм... Перед гордым неверьем
Устояла стена. А на ней
Нарисованы суриком двери
С приглашеньем: «Стучите сильнее!»

Что жалеть? Не такие потери
Проходили за давностью дней.
Для кого предназначены двери?
Кто просил, чтоб стучали сильнее?

Разве можно туда достучаться?
Все равно за стеною обрыв...
Но со стуком принес святотатца
В эту глушь запоздалый порыв.

Сам хватился убогой потери,
Да забыл он за давностью дней —
Сам взрывал... сам чертил эти двери
И просил, чтоб стучали сильнее.

1979

* * *

На Рязани была деревушка.
 В золотые глубокие дни
 Залетела в деревню кукушка —
 Скромный Филя возьми да взгляни.
 А она говорит: — Между сосен
 Полетаем, на мир поглядим,
 И детей нарожаем и бросим,
 На край света с тобой улетим.
 О дороге, о жизни, о смерти
 Поведем мы потешный рассказ.
 Будут слушать нас малые дети,
 Мудрецы станут спорить о нас.—
 Думу думал Филипп — что за птица?
 Взял ружье да ее пристрелил.
 Стали сны нехорошие сниться,
 Помечтал он и хату спалил.
 При честном любопытном народе
 Свою душу не стал он смущать.
 Поглядел — куда солнце заходит —
 И подался край света искать.
 Две войны напустили тумана,
 Слева сабли, а справа обрыв.
 Затянулась гражданская рана,
 Пятилетка пошла на прорыв.
 Был бы Филя находкой поэта,
 Да построил он каменный дом
 И завел он семью... а край света —
 На Руси он за первым углом.

1972

* * *

Когда песками засыпает
 Деревья и обломки плит,—
 Прости, природа забывает,
 Она не знает, что творит.

На полпути почуяв пропасть
 И дорожа последним днем,
 Прости грядущего жестокость:
 Оно придет, а мы умрем.

1971

ХОЗЯИН РАССОХШЕГОСЯ ДОМА

Среди пыли, в рассохшемся доме
Одинокий хозяин живет.
Раздраженно скрипят половицы,
А одна половица поет.

Гром ударит ли с грозного неба
Или легкаямышь прошмыгнет,—
Раздраженно скрипят половицы,
А одна половица поет.

Но когда на руках как сиянье
Нес подругу в заветную тьму,
Он прошел по одной половице,
И весь путь она пела ему.

1971

* * *

Не сжалится идущий день над нами,
Пройдет, не оставляя ничего:
Ни мысли, раздражающей его,
Ни облаков с огнями и громами.

Не говори, что к дереву и птице
В посмертное ты перейдешь родство.
Не лги себе! — не будет ничего,
Ничто твое уже не повторится.

Когда-нибудь и солнце, затухая,
Мелькнет последней искрой — и навек.
А в сердце... в сердце жалоба глухая,
И человека ищет человек.

1969

АТОМНАЯ СКАЗКА

Эту сказку счастливую слышал
Я уже на теперешний лад,
Как Иванушка во поле вышел
И стрелу запустил наугад.

Он пошел в направленье полета
По серебристому следу судьбы.
И попал он к лягушке в болото,
За три моря от отчей избы.

— Пригодится на правое дело! —
Положил он лягушку в платок.
Вскрыл ей белое царское тело
И пустил электрический ток.

В долгих муках она умирала,
В мертвой жилке стучали века.
И улыбка познания играла
На счастливом лице дурака.

1968

МУРАВЕЙ

Я не знаю ни бога, ни счастья,
Только бревна таскаю, прости.
На земле муравей повстречался
И бревно мне помог донести.

Я дышал в муравьиное темя.
Он по краю стакана ходил,
Из которого в доброе время
Не одну только воду я пил.

Показалось: частицею малой
Сам я вспыхнул на чьем-то краю.
Разве глупая тварь понимала
Одинокую душу мою?

Но края темной бездны невольно
Преломились в едином луче.
Мы таскали тяжелые бревна
То на том, то на этом плече.

Где он? Дом я достроил до крыши,
Вместо пола и стен — решето...
Были встречи короче и ближе,
Но предела не ведал никто.

1969

ОТЦЕПЛЕННЫЙ ВАГОН

Усыпил нас большой перегон,
Проводник и кондуктор исчезли.
Говорят, отцепили вагон
На каком-то безвестном разъезде.

Мы, не зная, из окон глядим.
Только поезд пройдет вдоль разъезда,
Нам покажется — мы не стоим,
А безмолвно срываемся с места.

Только он промелькнет — обнажится
То же зданьице, поле окрест.
То умчится, то снова примчится
Наш вагон на пустынный разъезд.

1968

ЗВЕЗДА

Он ленив и тяжел на подъем,
Жизнь пройдет — он ее не заметит.
Но такие идут напролом,
Если бабочка душу зацепит.

Оттого на свечу и летят
Все бездумные бабочки лета.
Обгоревшие крылья пылят
У подножья оплывшего света.
Вот одна, вот вторая пылит,
Вот четвертая бабочка ночи.
Через небо дорога шумит,
А любовь все светлей и короче.

Сколько можно так странно глядеть
На огонь, отраженный водою?!
Ты сказала: — Хочу долететь...—
Та свеча оказалась звездой.
Ты летела, во мраке шурша,
За погибелью или спасеньем,
Как ночная земная душа,
Но с небесным диковинным зреньем.

СКАЗАНИЕ
О СЕРГИИ РАДОНЕЖСКОМ

Когда все на свете тебе надоест,
Неведомый гул нарастает окрест —
 То сила земная.
Деревья трясутся, и меркнет луна,
И раму выносит крестом из окна,
 Поля осеняя.

Земли не касаясь, с звездой наравне
Проносится всадник на белом коне,
 А слева и справа
Погибшие рати несутся за ним,
И вороны-волки, и клочья, и дым —
 Вся вечная слава.

Как филины, ухают дыры от ран,
В дубах застревают огонь и туман
 Затекшего следа.
Глядит его лик на восток и закат,
Гремит его глас, как громовый раскат:
 «Победа! Победа!»

Храни тебя чёт, коли ты не свернул
В терновник, заслышав неистовый гул,
 Храни тебя нечет!
Уйдешь от копыта, подкова найдет,
Угнешься от ворона, волк разорвет,
 А буря разметет.

Но если ты кликнешь, как божья гроза:
«Победа! Победа!» — замрут небеса
 От вещего слова.
На полном скаку остановится конь,
Копыта низринут туманный огонь —
 То пыль с Куликова!

В туманном огне не видать ничего,
Но вороны-волки пронизут его
 За поясом пояс.
Пустые разводы забрежат в пыли
Славянским письмом от небес до земли...
 Читай эту повесть!

Ни рано, ни поздно приходит герой.
До срока рождается только святой —

Об этом недаром
Седое сказанье живет испокон...
Кирилл и Мария попали в полон
К ордынским татарам.

Боярин, ты руку в Орду запустил,
И темник такого тебе не простил
И молвил сурово:
— Я видел пустое виденье души,
Что ты — моя гибель... Теперь откажи
Последнее слово!

— Зреть сына хочу перед смертью я!
— Твой сын не родился, но воля твоя.
Эй, ляхи-ливонцы!
Вы скорые слуги. Зовите народ!
Из тяжкой боярыни вырежьте плод.
Доспеет на солнце.

Его он увидит, и я посмотрю...
Никак это сын? Он похож на зарю
И славу Батыя!..—
Так Сергей возник предрассветным плодом
Народного духа... Что вышло потом,
То помнит Россия!

1980

МУЖЧИНА И ЖЕНЩИНА

Ни тонким платком, ни лицом не заметна,
Жила она.

(Души такие просты.)

Но слезы текли, как от сильного ветра...
Мужчина ей встретился — ты!

«Не плачь!» Покорилась тебе. Вы стояли:
Ты гладил, она до конца
Прижалась к рукам, что так нежно стирали...
О, если бы слезы с лица!

Ты выдержал верно упорный характер,
Всю стер — только платья висят.
И хочешь лицо дорогое погладить —
По воздуху руки скользят.

1969

* * *

Для того, кто по-прежнему молод,
Я во сне напою лошадей.
Мы поскачем во Францию-город
На руины великих идей.

Мы дорогу найдем по светилам,
Хоть светила сияют не нам.
Пропылим по забытым могилам,
Прогремим по священным камням.

Нам чужая душа — не потемки
И не блеск Елисейских полей.
Нам едино, что скажут потомки
Золотых потускневших людей.

Только русская память легка мне
И полна, как водой решето.
Но чужие священные камни,
Кроме нас, не оплачет никто.

1980

СТИХИЯ

Я видел рождение циклона
На узкой антильской гряде.
Темнело небесное лоно,
Морщины ползли по воде.

На ощупь свежела чужбина.
Я видел: за несколько дней
Уже поднималась щетина
У сбившихся в кучу свиней.

В щетину входила щетина,
И кровь выступала на ней.
Все кровное в мире — едино...
Вжимались друг в друга тесней.

Циклон, оглушая долину,
Потом налетел и на них,
Передних вогнал в середину,
А ту проломил в остальных.

Но сам по себе остывает
Порыв не от мира сего.
И тяга земли отпускает
Небесный избыток его...

Не так ли явленье поэта
Не знает своих берегов,
Идет во все стороны света,
Тревожа друзей и врагов.

Щетину находит щетина,
И сердце о сердце стучит.
Все розное в мире — едино,
Но только стихия творит.

Ее изначальная сила
Пришла не от мира сего;
Поэта, как бездну, раскрыла
И вечною болью пронзила
Свободное слово его.

1980

* * *

Бывает у русского в жизни
Такая минута, когда
Раздумье его об Отчизне
Сияет в душе, как звезда.

Ну как мне тогда не заплакать
На каждый зеленый листок!
Душа, ты рванешься на запад,
А сердце пойдет на восток.

Родные черты узнавая,
Иду от Кремлевской стены
К потемкам ливонского края,
К туманам охотской волны.

Прошу у Отчизны не хлеба,
А воли и ясного неба.
Идти мне железным путем
И зреть, что случится потом.

1974

ВЕТЕР

Кого ты ждешь?.. За окнами темно.
Любить случайно женщине дано.
Ты первому, кто в дом войдет к тебе,
Принадлежать решила, как судьбе.

Который день душа ждала ответа.
Но дверь открылась от порыва ветра.

Ты женщина — а это ветер вольности...
Рассеянный в печали и любви,
Одной рукой он гладил твои волосы,
Другой — топил на море корабли.

1969

ОТЕЦ КОСМОНАВТА

Вы не стойте над ним, вы не стойте над ним, ради бога!
Вы оставьте его с недопитым стаканом своим.
Он допьет и уйдет, топнет оземь: — Ты кто?..— Я дорога.
Тут монголы промчались,— никто не вернулся живым.

— О, не надо,— он скажет,— не надо о старой печали.
Что ты знаешь о сыне, скажи мне о сыне родном.
Не его ли следы на тебе эту пыль разметали?..
— Он пошел поперек, ничего я не знаю о нем.

На родном пепелище, где угли еще не остыли,
Образ женской печали возникнет как тень перед ним.
— Я ходил на дорогу,— он скажет,— а в доме гостили...
— Ни французы, ни немцы — никто не вернулся живым.

— О, не надо,— он скажет.— Не надо, есть плата дороже.
Что ты знаешь о сыне, скажи мне о сыне родном.
Ты делила с ним стол и ночей сокровенное ложе...
— Он пошел поперек, ничего я не знаю о нем.

Где же сына искать?.. Ты ответь ему, Спасская башня!
О, медлительный звон! О, торжественно-дивный язык!
На великой Руси были, были сыны бесшабашней,
Были, были отцы безутешней, чем этот старик.

Этот скорбный старик не к стене ли Кремля обратился,
 Где пропавшего сына начертано имя огнем:
 — Ты скажи, неужели он в этих стенах заблудился?..
 — Он пошел поперек, ничего я не знаю о нем.

Где же сына искать, где искать, ты ответь ему, небо!
 Провались, но ответь, но ответь ему, свод голубой,—
 И звезда, под которой мы страждем любви и хлеба,
 Да, звезда, под которой проходит и смерть, и любовь!

— О, не надо,— он скажет.— Не надо о смерти постылой.
 Что ты знаешь о сыне, скажи мне о сыне родном.
 Ты светила ему, ты ему с колыбели светила..
 — Он прошел сквозь меня, ничего я не знаю о нем.

1972

* * *

Надоело качаться листку
 Над бегущей водою.
 Полетел и развеял тоску..
 Что же будет со мною?

То еще золотой промелькнет,
 То еще — золотая.
 И спросил я: — Куда вас несет?
 — До последнего края.

1973

* * *

Из земли в час вечерний, тревожный
 Вырос рыбий горбатый плавник.
 Только нету здесь моря! Как можно!
 Вот опять в двух шагах он возник.

Вот исчез. Снова вышел со свистом.
 — Ищет море,— сказал мне старик.
 Вот засохли на дереве листья —
 Это корни подрезал плавник.

1970

РУССКАЯ МЫСЛЬ

Скажи мне, о русская даль,
Откуда в тебе начинается
Такая родная печаль?..
На дереве ветка качается.

День минул, проходит два дня.
Без ветра на дереве мечется.
И взяло сомнение меня:
Мерещится иль не мерещится?

Поют, опадая, листки...
С чего она, право, качается?
Пошел и заплакал с тоски...
Так русская мысль начинается.

1969

МУХА

Смертный стон разбудил тишину —
Это муха задела струну,
Если верить досужему слуху.
— Все не то,— говорю,— и не так.—
И поймал в молодецкий кулак
Со двора залетевшую муху.

— Отпусти,— прозвенела она,—
Я летала во все времена,
Я всегда что-нибудь задевала.
Я у дремлющей Парки в руках
Нить твою задевала впотьмах,
И она смертный стон издавала.

Я барахталась в Млечном Пути,
Зависала в окольной сети,
Я сновала по нимбу святого,
Я по спящей царевне ползла
И из раны славянской пила...
— Повтори,— говорю,— это слово!

— Отпусти,— повторила она,—
Кровь отца твоего солона,
Но пьяней твоей бешеной славы.

Я пивала во все времена,
Залетала во все племена
И знавала столы и канавы.

Я сражалась с оконным стеклом,
Ты сражался с невидимым злом,
Что стоит между миром и богом...
— Улетай,— говорю,— коли так.—
И разжал молодецкий кулак...
— Ты поведала слишком о многом.

1980

БАЛЛАДА ОБ УШЕДШЕМ

Среди стен бесконечной страны
Заблудились четыре стены.
А среди четырех заблудился
Тот, который ушедшим родился.

Он лежал и глядел на обои,
Вспоминая лицо дорогое.
И потеки минувших дождей
На стене превратились в людей.

Человек в человеке толпится,
За стеною стена шевелится.
— Дорогое лицо, отпусти!
Дай познать роковые пути.

Невозможные стены и дали
Не такой головой пробивали...—
Так сказал и во тьме растворился
Тот, который ушедшим родился.

Он пошел по глухим пропастям,
Только стены бегут по пятам,
Только ветер свистит сумасшедший:
— Не споткнись о песчинку, ушедший!

1973

* * *

Эта песня не нашего края,
И пластинки нигде не достать.
Эта песня такая глухая,
Даже слов невозможно понять.

Но от друга услышал я снова
И, пойми, чуть с ума не сошел.
Пал на скорость с перрона ночного
И тебя за морями нашел.

Ты сказала: — Как поздно ты вспомнил!
Но входи...—

И мы сели за стол.
И тяжелую рюмку я поднял,
И опять чуть с ума не сошел.

И сказала ты, губы кусая:
— Ну зачем, ну зачем вспоминать!
Наша песня такая глухая,
Даже слов невозможно понять.

1972

ЕВРОПА

В любви не бывает ответа
На этой и той стороне.
Но тонкая молния света
Направилась прямо ко мне.

Земному свистящему звуку
Я с тайной надеждой внимал.
Все ближе!.. И вскинул я руку,
И в руку синицу поймал.

«Моя!» ...И услышал я голос:
— Ничья. Из-за синих морей
Я в клюве несла тебе волос
И свет от подруги твоей.

Он долог, как счастье и горе,
Да воля твоя коротка.
Однажды я встретила в море
Плывущего с девой быка.

Она безутешно рыдала
На звездной спине у него.
И имя твое повторяла,
Пока не забыла его.

Душа предалась ее горю.
И волосы мягким огнем
Тянулись по синему морю
Длиннее, чем след за быком.

Гонимая ветром и мглою,
Я села на царственный рог.
Но бык обернулся скалою
Вдали от земли и тревог.

И я упорхнула, блистая,
В зарнице небес потонув.
Но волос, как нить золотая,
Вился через сомкнутый клюв.

Вился высоко на просторе
Над бездной железных веков,
Над пеной любовных историй,
Над спинами спящих быков...

Синица! Я слышу дыханье
Далекой подруги моей.
И тонкое благоуханье
Идет из-за синих морей.

Как страшно!.. Натянутый волос
Дрожит от земного огня.
Я слышу прерывистый голос:
— Любимый! Ты помнишь меня?..

Я помню! О, если б ты знала,
Как гаснет твой след на песке,
И все, что давно миновало,
На тонком дрожит волоске...

* * *

Орлиное перо, упавшее с небес,
Однажды мне вручил прохожий или бес.

— Пиши! — он так сказал и подмигнул хитро.—
Да осенит тебя орлиное перо.

Отмеченный случайной высотой,
Мой дух восстал над общей суетой.

Но горный лед мне сердце тяжелит.
Душа мятется, а рука парит.

1974

ХОЛМ

Я видел: ворон в небесах
Летел с холмом земли в когтях.

Не дом ли мой блеснул на нем,
Скрываясь в небе голубом?

А с неба сыпалась земля
На ослепленные поля.

И наугад по шуму крыл
Я тень высокую ловил.

1975

ПОСЛЕДНИЙ ЭМИГРАНТ

Не ангелы падали с неба,
Не воды понятно неслись,—
Печальное облако пепла
Тянулось от дальних границ.

Последнюю просьбу на свете
До наших болот донесло:
— Сожгите меня после смерти
И пеплом набейте жерло.

Направьте на волю и землю,
На старый крыжовник и пруд.
Прошу, моему пораженью
Отдайте последний салют.

1976

ШОРОХ БУМАГИ

Не шелест ночного оврага,
Не пение игл на сосне,
Во тьме зашуршала бумага —
И тьма шевельнулась во мне.

Ударил из тьмы поколений
Небесный громовый раскат —
Мой предок упал на колени...
И я тем же страхом объят.

1974

ПУСТЫННИК

Есть камень в широком поле,
На камне старик стоит.
Колени его ослабли,
И голос его дрожит.

Небу возденет руки —
Руки горят огнем.
Долу опустит руки —
Они обрастают мхом.

Когда подымает руки —
Мир озаряет свет.
Когда опускает руки —
Мира и света нет.

1978

* * *

Я в жизни только раз сказал люблю,
Сломив гордыню темную свою.
Молчи, молчи... я повторяю снова
Тебе одной неведомое слово:
Люблю, люблю!.. Моя душа так рада
На этом свете снова видеть свет,
Ей так легко, ей ничего не надо,
Ей все равно — ты любишь или нет.

1980

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Вадим Кожинов. Стихи и поэзия 5

АЛЕКСЕЙ ПРАСОЛОВ

Пролог	18
«Ты в поисках особенных мгновений...»	—
«Черней и ниже пояс ночи...»	19
«Я услышал: корявое дерево пело...»	20
«Ты отгремела много лет назад...»	—
«Нет, лучше б ни теперь, ни впредь...»	—
«Осень лето смятое хоронит...»	21
Сказка	22
«Вчерашний день прикинулся больным...»	—
«Над сонным легче — доброму и злому...»	23
Памяти Веры Опенько	24
«В этом доме опустелом...»	25
«И что-то задумали почки...»	—
«Когда созреет срок беды всесветной...»	26
«Мать наклонилась, но век не коснулась...»	—
«Коснись ладонью грани горной...»	27
«Платье — струями косыми...»	—
«Еще метет во мне метель...»	28
Слепой	—
«Налет каменеющей пыли...»	29
«Одним окном светился мир ночной...»	30
«Вознесенье железного духа...»	—
«Тревога военного лета...»	31
Г. Улановой	32
«Лес расступится — и дрогнет...»	33
«На пустыре обмякла яма...»	—
«Эскалатор уносит из ночи...»	34
«Опять мучительно возник...»	—
«В рабочем гвалте, за столом...»	35
«Мирозданье сжато берегами...»	36
«Грязь колеса жадно засосала...»	—
«Листа несорванного дрожь...»	37
«Я хочу, чтобы ты увидала...»	38

НИКОЛАЙ РУБЦОВ

Звезда полей	42
Тихая моя родина	—
Хлеб	43
«Я буду скакать по холмам задремавшей отчизны...»	44
Скачет ли свадьба...	45
Русский огонек	46
Зеленые цветы	47
«Стихи из дома гонят нас...»	48
Зимняя ночь	—
Острова свои обогреваем	49
Журавли	50
В горнице	—
Старик	51
Воробей	—
Тот город зеленый...	52
Ночь на родине	—
Грани	53
Под ветвями больничных берез	54
Цветок и нива	—
Посвящение другу	55
«Ветер всхлипывал, словно дитя...»	56
Добрый Филя	—
Расплата	57
Ферапонтово	—
Осенняя луна	58
Купавы	—
«Я люблю судьбу свою...»	59
Наступление ночи	60
Про зайца	—
На ночлеге	61
Отплытие	62
Вечернее происшествие	—
Старая дорога	63
На автотрассе	64
На родину!	—
В минуты музыки	65
Нагрянули	66
Зимовье на хуторе	—
Бессонница	67
Видения на холме	68

ВЛАДИМИР СОКОЛОВ

«Как я хочу, чтоб строчки эти...»	72
Ростов Великий	—

У верховья Волги	73
Звезда полей	—
«Паровик. Гудок его глухой...»	74
«Вдали от всех парнасав...»	—
«Ты камнем упала, я умер под ним...»	75
«Пластинка должна быть хрипящей...»	76
«Спасибо, музыка, за то...»	—
«Убит. Убит. Подумать! Пушкин...»	—
Ока	77
«Скорей в начале жизни, чем в конце...»	78
«Машук оплыл — туман в округе...»	—
«Нет сил никаких улыбаться...»	—
Венок	79
«Можно жить и в придуманном мире...»	80
«Прошу тебя, если не можешь забыть...»	81
«На влажные планки ограды...»	—
Муравей	82
«Эта память, как странное зимнее озеро...»	—
Чужая книга	83
«Опять с непогашенным светом...»	84
«Как страшно с тобой расставаться...»	—
«Все чернила вышли, вся бумага...»	85
Бессонница	86
Речной вокзал	—
«Это просто вечер был такой...»	87
«Весь в перьях сад, весь в белых перьях сад...»	88
«И позабыть о мутном небе...»	89
«Упаси меня от серебра...»	—
Памяти Афанасия Фета	90
Вагон	91
Указ Петра	92
«Художник выставлял тела, плоды, ручки...»	—
Цикады	93
Девятое мая	94
«Мне не может никто и не должен помочь...»	—
«Ты говоришь, что все дела...»	95
«Пусть я довольствовался малым...»	96

АНАТОЛИЙ ЖИГУЛИН

Поле боя	100
Утиные дворики	101
«Лает собака с балкона...»	102
Дирижабль	—
«Вот и снова мне осень нужна...»	103

Углянец	104
«Тихое поле над логом...»	—
«Зеленые дали померкли...»	105
«Заколоченные дачи...»	106
«Игрушечной нашей любви...»	—
Ирине	107
«Мелкий кустарник...»	108
«День ни солнечный...»	109
«Как жалобно ястреб кричит...»	110
«Послевоенная Россия...»	—
«Воронеж, детство, половодье...»	111
«О жизнь! Я все тебе прощаю...»	112

ГЛЕБ ГОРБОВСКИЙ

«Местопребывание — Земля...»	116
«Я пойду далеко за дома...»	—
«Окутали тело могилой...»	—
На танцах	117
«И все-таки в пекло, и все-таки в гущу!...»	—
Над Волгой	118
«Разорву воротник. Приспособлю под голову кочку...»	—
Голые стены	—
«В саду цветы полузавяли...»	119
«Пласты былого: залежи тревог...»	—
«Как все — во времени стгорая...»	120
«Стареют прежде руки...»	—
«Ворвалась внезапная осень...»	121
Курган	—
Памяти Николая Рубцова	122
Быть	—
«Рябило в глазах от мелькавшего хлама...»	123
«Мир появленья плоти из-под снега...»	124
«Это всё деревья на ветру...»	—

СТАНИСЛАВ КУНЯЕВ

«Постой. Неужто? Правда ли должно?...»	128
«Надо мужество иметь...»	—
«В юности я сочинял стихи...»	129
«Если жизнь начать сначала...»	—
Ночное пространство	130
«В окруженье порожистых рек...»	131

«Листья мечутся между машин...»	132
«Живем мы не долго, — давайте любить...»	133
«Ветер ладонями теплыми...»	—
«Когда светила на́ небо взошли...»	134
Золотые квадраты	—
«Швеция. Стокгольм. Начало мая...»	135
«То ли у меня нелегкий глаз...»	—
«Люблю эту милую станцию...»	136
Очень давнее воспоминание	—
Шахматово	137
«Вековые деревья сплелись...»	138
В Калькутском храме	—
«Непонятно, как можно покинуть...»	139
«В могилу поставили гроб...»	140
«Что ни делай — а жертве насилья...»	—
«Чего нам не хватало на просторе...»	141
Памяти поэта	142
Случай на шоссе	144
Слово	—
«...На машине в полуденный зной...»	145
«Ворона в пустоту небес...»	146

АНАТОЛИЙ ПЕРЕДРЕЕВ

«В этом городе, старом и новом...»	150
Окраина	—
Пехота 41-го года	151
Обруч	152
«Я жил свободно и открыто...»	—
Памяти поэта	153
«Бегут над полем чистым облака...»	154
«Зачем шумит трава глухая...»	—
«Ночью слышатся колеса...»	—
Мертвый сад	155
Лебедь у дороги	156
«Вот опять я у моря стою...»	—
«Ты умудрен и жизнью, и судьбой...»	157
«Воспоминание о старшем брате...»	158
«И вот луна над миром встанет...»	159
Равнина	160
«Разбуди эту землю, весна...»	—
Робот	161
Романс	162
«Беспощадна суть познанья...»	163
Ночное небо	164

ВАСИЛИЙ КАЗАНЦЕВ

Баллада о детстве	168
Природа	—
«Пустая даль мертва...»	—
«...И на нее дышу любовью...»	169
«В том, как стелется по ветру рожь...»	—
«— И плащ, и посох в тягость мне...»	170
«Меж пшениц, меж овсов, меж кустов утомленных лежит...»	—
«Зовуще-близкой и желанной...»	171
«Тяжелый, бархатно-парной...»	—
«Низкой ветви замедленный взмах...»	172
«От далекой дороги усталый...»	—
«Вздувшейся речки пыланье...»	173
«На тяжкий твой венец терновый...»	174
«От речки далекой, таежной...»	—
Ночь	175
«До соседней деревни неблизко...»	—
«Летит над пашней черный ворон...»	176
«Взгляну на скачущий поток...»	—
Перед Бородинским сражением	177
«Свет погашен. Глухо, тихо в лиственном краю...»	—
«Солнечно и росно...»	178
Засохшее дерево	—
«Как по деревне танки шли!..»	—
«Нет, нет, не мыслил никогда родным...»	179
«Это никогда не надоест...»	180
Самолет	—
«Не внемля строгому запрету...»	181
«А теперь поворачивай к Северу...»	—
«Таянье осеннего огня...»	182
«Чем оплачу за этот день...»	—
«Что прекрасно, а что безобразно...»	—

АЛЕКСЕЙ РЕШЕТОВ

«В заповеднике лани...»	186
«Я был мальцом голопятым...»	—
«Снится сон слепому человеку...»	—
«Ты знаешь, что такое рань?...»	187
«Поздняя осень. Дождливо. Темно...»	—
Рябиновый сад	—
«Я снова русской осенью дышу...»	188
«Родная! Опять високосная стужа...»	—
«Я знал человека...»	—

«От кирпичного завода...»	189
«Не искал, где живется лучше...»	—
Комната смеха	190
«В эту ночь я стакан за стаканом...»	—
«Нет, ты любовью не зови...»	—
«Нет детей у меня. Лишь стихи...»	191
«С первой встречи, с самого начала...»	—
«Пора замалывать стихи...»	—
«Ищите без вести пропавших...»	192

ОЛЕГ ЧУХОНЦЕВ

«С чем проснешься? С судьбой и дорогой?...»	196
«Этот город деревянный на реке...»	—
«На окраине кладбища, где начинается поле...»	197
«Как торопится жизнь! Не вчера ли...»	198
«Заплачет иволга, и зацветет жасмин...»	—
«...Я слышу, слышу родину свою!...»	199
«Что там? Босой и сонный, выберусь из постели...»	200
В паводок	—
«Зычный гудок, ветер в лицо, грохот колес нарастающий...»	201
«Я не помнил ни бед, ни обид...»	202
«Что делать мне, говоруну...»	203
«Когда в поселке свет потух...»	204
«Еще помидорной рассаде...»	205
«...И дверь впротымах привычную толкнул...»	206
«Я назову тобой бездомный год...»	207
«Заколodило наши пути...»	208

ЭДУАРД БАЛАШОВ

«Аллен Павловского сада...»	212
«Я у Нарвских ворот...»	213
«В час, когда нет вокруг никого...»	—
«Что случилось, приключилось...»	214
В ночном	—
«Что значит время? Это — человек...»	215
«Никто не знает неба так, как птицы...»	216
«Возвращаюсь и вновь ухажу...»	217
«Что мне семейный ваш альбом...»	—
«Душа себя на жертву обрекает...»	—
Кто сказал	218
«Прошу, поговори со мной...»	—
«Вновь за молчание хвалю...»	219

Гонец	219
«По стихии снега еду...»	220

ЮРИЙ КУЗНЕЦОВ

«Завижу ли облако в небе высоком...»	224
Возвращение	—
Последние кони	—
Распутье	225
Колесо	226
Знамя с Куликова поля	—
Посох	—
«На темном склоне медлю, засыпая...»	227
«Глядишь на небо в час ночной...»	—
Дуб	228
Стук	—
«На Рязани была деревушка...»	229
«Когда песками засыпает...»	—
Хозяин рассохшегося дома	230
«Не сжалится идущий день над нами...»	—
Атомная сказка	—
Муравей	231
Отцепленный вагон	232
Звезда	—
Грибы	233
Любовь	—
Сказание о Сергии Радонежском	234
Мужчина и женщина	235
«Для того, кто по-прежнему молод...»	236
Стихия	—
«Бывает у русского в жизни...»	237
Ветер	238
Отец космонавта	—
«Надоело качаться листку...»	239
«Из земли в час вечерний, тревожный...»	—
Русская мысль	240
Муха	—
Баллада об ушедшем	241
«Эта песня не нашего края...»	242
Европа	—
«Орлиное перо, упавшее с небес...»	244
Холм	—
Последний эмигрант	—
Шорох бумаги	245
Пустынник	—
«Я в жизни только раз сказал люблю...»	246

ДЛЯ СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ
СТРАНИЦЫ СОВРЕМЕННОЙ ЛИРИКИ

*Сборник стихотворений
современных поэтов*

ИБ № 6470

Ответственный редактор

Ю. Н. Спасская

Художественный редактор

Н. Э. Левинская

Технические редакторы

Н. Ю. Крапоткина и И. П. Савенкова

Корректоры

Г. Ю. Жильцова и Л. Г. Петроченко

Сдано в набор 26.08.82. Подписано к печати
25.08.83. Формат 60 × 90^{1/16}. А03226. Бум. офс.
№ 1. Шрифт академический. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 16. Усл. кр.-отт. 17,0. Уч.-изд. л. 11,08.
Тираж 300 000 экз. Заказ № 1793. Цена 85 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство
«Детская литература» Государственного комитета
РСФСР по делам издательств, полиграфии и
книжной торговли. Москва, Центр, М. Черкасский
пер., 1.

Набор в Экспериментальной типографии ВНИИ
полиграфии Государственного комитета СССР по
делам издательств, полиграфии и книжной тор-
говли. Москва, К-51, Цветной бульвар, 30.

Отпечатано с диапозитивов на Калининском
ордена Трудового Красного Знамени полиграф-
комбинате детской литературы им. 50-летия
СССР Росглавополиграфпрома Госкомиздата
РСФСР. Калинин, проспект 50-летия Октября, 46.

К ЧИТАТЕЛЯМ

Отзывы об этой книге

просим присылать по адресу:

125047, Москва, ул. Горького, 43.

Дом детской книги.

С 83 **Страницы современной лирики: Сборник стихотворений современных поэтов/Сост. В. Кожин; Художник И. Гусева.— 2-е изд., испр. и доп.— М.: Дет. лит., 1983.—254 с.— (Школьная б-ка).**

В пер.: 85 к.

В сборник включены избранные стихотворения А. Прасолова, Н. Рубцова, В. Соколова, А. Жигулина, Г. Горбовского, С. Куляева и др.

С 4803010102—477 249—83
М101(03)83

P2

85 коп.

Издательство
Детский
литература.